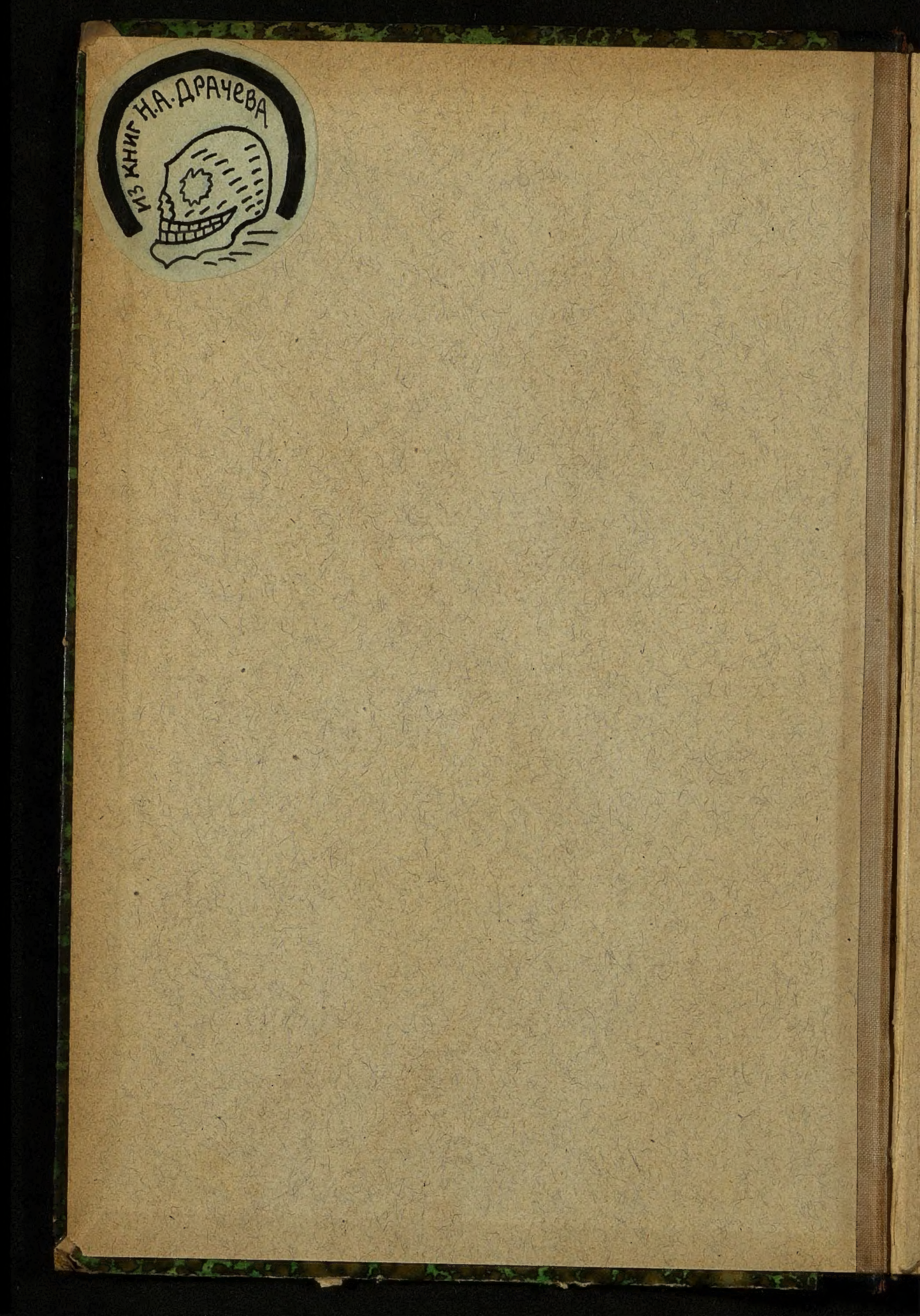

ИЗ КНИГ Н.А. ДРАЧЕВА

ОЧЕРКЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Козьмы Филатова,

удостоенное Императорскимъ Варшавскимъ Университетомъ золотой медали.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣстье, № 3.

1898.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 11 августа 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Б. Явленія въ области согласныхъ звуковъ.

Морфологія.

Синтаксисъ.

Часть II.

Малорусскіе говоры Воронежской губерніи.

ИСТОЧНИКИ СОЧИНЕНІЯ.

Главнымъ источникомъ при изслѣдованіи такого вопроса, какъ вопросъ о народныхъ говорахъ, является, конечно, непосредственное знакомство съ народными говорами: только этотъ источникъ каждому изслѣдователю можетъ доставить вполнѣ вѣрный матеріалъ для рѣшенія вопроса. Какъ уроженецъ Воронежской губерніи, я уже съ дѣтства былъ знакомъ въ общихъ чертахъ съ народными говорами своей губерніи; но этого знакомства, ограничивавшагося только наиболѣе выдающимися чертами и при томъ только акающихъ говоровъ, было недостаточно для рѣшенія вопроса о народныхъ говорахъ Воронежской губерніи. Съ цѣлью болѣе подробнаго ознакомленія съ народной рѣчью, въ бытность свою лѣтомъ 1895 года въ каникулярное время въ Воронежской губерніи, я совершилъ поѣздки въ различные ея углы, насколько мнѣ позволило время и другія обстоятельства; Бобровскій и Новохоперскій уѣзды обслѣдованы были мною въ бо́льшемъ числѣ пунктовъ, чѣмъ другіе уѣзды; а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ Бирюченскомъ, Валуйскомъ, я не былъ нигдѣ и записей изъ этихъ уѣздовъ не имѣю.

Во время своихъ поѣздокъ я главнымъ образомъ записывалъ пѣсни со словъ крестьянъ и крестьянокъ, молодыхъ и старыхъ; иногда записанная уже мною пѣсня, по моей просьбѣ, пѣлась голосомъ: это я дѣлалъ для про-

вѣрки своихъ записей. Но изъ нѣсколькихъ фактовъ убѣдившись въ полномъ соотвѣтствіи записей со словъ и записей съ голоса, я ограничивался въ большинствѣ случаевъ записями со словъ безъ провѣрки ихъ пѣніемъ той же пѣсни; тѣмъ болѣе, что просьбы мои пропѣть исполнялись крайне неохотно. Записывая пѣсни, я въ то же время вступалъ въ бесѣды съ крестьянами и крестьянками и вообще пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отмѣтить въ томъ или другомъ отношеніи интересный для меня фактъ мѣстныхъ говоровъ. Такимъ образомъ у меня собралось достаточное количество матеріала, необходимаго для очерка народныхъ говоровъ.

Кромѣ непосредственнаго знакомства, для рѣшенія того же вопроса я обращался также къ готовымъ, уже изданнымъ матеріаламъ; эти матеріалы, которыми я воспользовался преимущественно для малорусскихъ говоровъ Воронежской губерніи, помѣщены въ слѣдующихъ мѣстныхъ и не-мѣстныхъ изданіяхъ:

1) Воронежскій Этнографическій Сборникъ М. А. Дикарева въ „Памятной Книжкѣ Воронежской губерніи на 1891 годъ“. Недостатки этого сочиненія были указаны г. Будде, изслѣдователемъ рязанскаго нарѣчія [1]); но „Сборникъ“ имѣетъ и свои достоинства: матеріалъ, находящійся при „Сборникѣ“, тщательно собранный и записанный фонетически, даетъ возможность установить правильный взглядъ на воронежскіе мѣщанскіе говоры, независимо отъ точки зрѣнія г. Дикарева.

2) Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. I; здѣсь помѣщена статья г. Прядкина: „Краткій очеркъ говора с. Сергѣевки Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи“, ту же статью впослѣдствіи я получилъ въ отдѣльномъ оттискѣ.

3) Воронежскій Литературный Сборникъ 1861 г., въ которомъ помѣщена статья г. Малыхина о Нижнедѣ-

[1]) Рус. Фил. Вѣстн., 1892 г.

вицкомъ уѣздѣ и „Былина о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ“, записанная въ Землянскомъ уѣздѣ со словъ крестьянина. Статья г. Малыхина, помѣщенная также и въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ т. I, имѣетъ главнымъ образомъ интересъ этнографическій, но въ то же время авторъ даетъ краткую характеристику мѣстныхъ говоровъ, обосновывая ее на личномъ знакомствѣ, въ доказательство чего онъ приводитъ небольшой разсказъ, записанный съ строгимъ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго говора.

4) Воронежская Бесѣда на 1862 г.; здѣсь собранъ матеріалъ преимущественно для малорусскихъ говоровъ Воронежской губерніи; пѣсни же великорусскія, помѣщенныя здѣсь, не имѣютъ лингвистическаго значенія, такъ какъ переданы языкомъ литературнымъ, съ соблюденіемъ чертъ мѣстныхъ говоровъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Здѣсь же помѣщена статья о заселеніи Воронежской губерніи; этотъ вопросъ обстоятельно изслѣдуется въ другомъ мѣстномъ изданіи—сочиненіи г. Веселовскаго: „Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ“.

5) Воронежскія Губернскія Вѣдомости за 1850, 51, 64 гг., гдѣ помѣщено много матеріала преимущественно для малорусскихъ говоровъ.

6) Малороссійскія пѣсни, записанныя Омельченкомъ въ окрестностяхъ г. Павловска по Острожскому и Павловскому уѣздамъ Воронежской губерніи, съ предисловіемъ г. Дикарева, въ которомъ онъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія на малорусскіе говоры Воронежской губ. и указываетъ нѣкоторыя отличительныя ихъ черты.

7) Этнографическое Обозрѣніе за 1894 г. № 2-й и за 1895 г. № 1-й; здѣсь помѣщена статья г. Дикарева: „Толки народа о скорой кончинѣ міра“ на малорусскомъ языкѣ.

8) Труды Этнографическо-Статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. V. С.-Пб. 1874 г.

9) Кіевская Старина 1885 г. № 4; здѣсь дается характеристика воронежскихъ малороссовъ.

10) Сказки Аѳанасьева: I, II, III, V, VI и VII выпуски.

Историческіе матеріалы заимствованы изъ мѣстныхъ актовъ, уже изданныхъ:

1) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Изданіе де-Пуле. Книжка I.

2) Воронежскіе Акты, Т. [illegible] Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

3) Древніе Акты Воронежскаго Покровскаго Дѣвичьяго монастыря. Изданіе Рязанской Ученой Архивной Комиссіи 1890 г.

ПОСОБІЯ.

1) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка Потебни. Воронежъ 1866 г.

2) Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка М. Колосова. Варшава 1878 г.

3) Очеркъ русской діалектологіи А. Соболевскаго. Живая Старина, 1892 г.

4) Курсъ грамматики русскаго языка В. Богородицкаго. Фонетика. Варшава. 1887.

5) Изслѣдованія въ области русской фонетики А. Шахматова. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1893 и 1894 гг.

6) Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора Е. Будде. Варшава. 1892.

7) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Сочиненіе Е. Карскаго. Москва. 1886 г.

8) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе М. Колосова. Варшава. 1872.

9) Лекціи по исторіи русскаго языка А. Соболевскаго. Кіевъ. 1888 г.

10) О нарѣчіяхъ русскаго языка В. Даля. Толковый Словарь, второе изд., томъ I. С.-Пб. 1880 г.

11) Лекціи по исторической грамматикѣ русск. яз. Выпускъ I. Фонетика. Р. Брандта. Москва. 1892.

12) Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache von dr. Emil Ogonowski. Lemberg. 1880.

ЧАСТЬ I.

Великорусскіе говоры Воронежской губерніи.

ВВЕДЕНІЕ.

Заселеніе Воронежской губерніи совершилось въ сравнительно позднее время: началось оно со времени основанія крѣпости — г. Воронежа (1586 г.) и продолжалось въ теченіе двухъ столѣтій. Къ началу XIX в. этнографическая карта Воронежской губерніи уже приняла тотъ видъ, который она имѣетъ и въ настоящее время, именно: изъ двухъ составныхъ ея элементовъ одинъ, малорусскій, занялъ весь югъ и отчасти юго-западъ Воронежской губерніи, а другой, великорусскій, заселилъ остальное пространство, скучившись преимущественно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздахъ. Оставляя пока въ сторонѣ малорусскій элементъ Воронежской губерніи, сдѣлаемъ нѣсколько необходимыхъ замѣчаній, относящихся къ ея великорусской половинѣ.

Колонистами этой половины были выселенцы изъ различныхъ городовъ и селъ центральной Россіи, являвшіеся въ Воронежскую губернію отчасти по собственному желанію, а главнымъ образомъ по распоряженію Московскаго правительства. Едва ли не всѣ центральныя губерніи имѣли здѣсь своихъ представителей: были здѣсь выселенцы изъ Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Московской, Владимірской, Казанской и другихъ

губерній [1]). При заселеніи той или другой мѣстности выходцы-колонисты подчинялись указаніямъ и распоряженіямъ мѣстнаго начальства, которое нерѣдко въ одно село сводило выселенцевъ изъ различныхъ мѣстъ, поселяя ихъ отдѣльными улицами. Изъ актовъ, напр. г. Ольшанска, теперь обращеннаго въ село, видно, что „въ устроенной въ 1645 г. при г. Ольшанскѣ стрѣлецкой слободѣ переведенцы изъ разныхъ мѣстъ были поселены особыми улицами; па одной улицѣ поселены были Калужскіе сведенцы — 25 дворовъ, въ числѣ коихъ были однакожъ 3 двора Тулянъ, 3 Крапивенцевъ, 2 Веневцовъ . . . и по одному Мядынцовъ . . . и Суздальцевъ“ [2]).

Этотъ характеръ колонизаціи великорусской половины Воронежской губ. сохранилъ свои слѣды и по настоящее время: жители ея, явившіеся изъ разныхъ мѣстъ Россіи, мало имѣютъ единства въ обычаяхъ, повѣрьяхъ одеждѣ и языкѣ. Хотя, конечно, взаимныя постоянныя сношенія различныхъ селъ не остаются безъ вліянія въ смыслѣ изглаживанія рѣзкихъ отличій, тѣмъ не менѣе отличія существуютъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень рѣзкія. Для насъ собственно важенъ языкъ воронежскихъ жителей. Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ тотъ фактъ, что часто и рядомъ лежащія села рѣзко отличаются другъ отъ друга: въ одномъ селѣ говоръ сильно акающій, въ сосѣднемъ съ нимъ — умѣренно акающій, московскій; въ одномъ селѣ акающій говоръ, въ сосѣднемъ окающій (напр. Старый Курлакъ и Новый Курлакъ, Пчелиновка и Мечетка Бобровскаго уѣзда). Въ одномъ и томъ же селѣ иногда приходится сталкиваться съ различными говорами: часть жителей говоритъ „що“ (=что) и „каго“, другая часть — „што“ и „каво“ (Козловка Бобров. у.); въ селѣ Троицкомъ Новохоперскаго уѣзда часть жителей произноситъ мѣстоименіе „что“, какъ „што“, другая — какъ „шё“; въ селѣ Сергѣевкѣ Бобровскаго уѣзда

1) Вор. Бесѣда, 259 и 269 стр.

2) Вор. Бесѣда, 269 стр.

одна часть жителей измѣняетъ предлоги „об“ и „от“, по правиламъ акающихъ говоровъ, на „аб“ и „ат“, другая часть, также акающая, измѣняетъ тѣ же предлоги на „иб“ и „ит“ — „иддадуть, ибманьшикъ“. Наконецъ, иногда случается, что одно и то же лицо, родившееся и выросшее въ сильно-акающемъ селѣ, но испытавшее на себѣ вліяніе города, въ своемъ произношеніи колеблется: является то сильно-акающимъ, то умѣренно-акающимъ; въ подтвержденіе этого ссылаемся на пѣсни, записанныя въ селѣ Московскомъ, Рогачевкѣ и отчасти Красномъ Логу Воронежскаго уѣзда. Отъ народа не ускользнулъ этотъ фактъ разнообразія говоровъ, и онъ отмѣтилъ его различными названіями, характеризующими говоръ той или другой части населенія Воронежской губерніи. На вопросъ, какъ называются жители окрестныхъ селъ по говору, крестьянка с. Краснаго Лога перечислила слѣдующія названія: цуканы, ягуны, кагуны, талагаи или щекуны.

Но при всемъ этомъ разнообразіи и смѣшеніи говоровъ, всю рѣчь Воронежской губ. можно раздѣлить на нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ одни имѣютъ между собою больше точекъ соприкосновенія, другіе — меньше; одни родственны въ основныхъ чертахъ, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ чертахъ, другіе, наоборотъ, рѣзко расходятся и въ основныхъ своихъ чертахъ. Главный говоръ Воронежской губ., который раздается на всей ея великорусской половинѣ, это — сильно акающій говоръ: имъ говорятъ почти всѣ государственные крестьяне, а также и барскіе крестьяне, исключая дворовыхъ; послѣдніе въ отношеніи говора сближаются съ мѣщанами; ихъ говоръ „чище“, какъ выражаются талагаи, т.-е. ихъ говоръ умѣренно акающій, московскій, ближе другихъ стоящій къ сильно-акающему господствующему говору. Близко же къ сильно-акающему говору примыкаетъ и говоръ цокающій, рѣзко отличаясь отъ него только произношеніемъ звуковъ *ц* и *ч*. Но рядомъ съ этими говорами, болѣе или менѣе близкими, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской

губ. раздается рѣчь, въ основныхъ чертахъ расходящаяся съ сильно-акающимъ говоромъ и другими, тѣсно примыкающими къ нему, — это говоръ сѣверно-великорусскій, окающій; впрочемъ, представителей этого говора въ Воронежской губерніи сравнительно немного и, кромѣ того, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ сосѣдями, жители окающихъ селъ мало-по-малу въ своей рѣчи подчиняются вліянію акающихъ селъ.

Такъ какъ сильно-акающій говоръ является господствующимъ въ Воронежской губ., а другіе говоры или къ нему близко примыкаютъ, какъ мѣщанскій и цокающій говоры, или же представляютъ рѣдкое, исключительное явленіе, какъ говоръ окающій, — то въ виду этого намъ придется остановить почти исключительное вниманіе на сильно-акающемъ говорѣ, попутно дѣлая замѣчанія о мѣщанскомъ говорѣ, и въ своемъ мѣстѣ отмѣтить болѣе рѣдкія черты воронежской фонетики, какъ цоканье и оканье.

ФОНЕТИКА.

А. Явленія въ области гласныхъ.

§ 1. Вліяніе ударенія на качество гласныхъ.

Для южно-великорусской группы народныхъ говоровъ, къ которой относятся и говоры Воронежской губ., большое значеніе имѣетъ удареніе; этою чертою южновеликорусскіе говоры рѣзко отличаются отъ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, близко соприкасаясь въ то же время съ говорами бѣлорусскими. Это значеніе ударенія заключается въ томъ, что гласный звукъ слога ударяемаго выдвинутъ рѣзче, произносится внятно, опредѣленно; наоборотъ, гласный звукъ слога неударяемаго произносится невнятно, неопредѣленно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласный неударяемый, слабѣя, можетъ даже исчезнуть. Вслѣдствіе такого значенія ударенія въ системѣ гласныхъ неударяемыхъ Воронежской рѣчи произошло значительное разстройство, явились различныя звуковыя видоизмѣненія.

§ 2. Измѣненіе гласныхъ неударяемыхъ.

Наиболѣе сильнымъ измѣненіямъ изъ всей системы гласныхъ подверглись звуки *о* и *е* неударяемые: находясь внѣ ударенія, эти звуки измѣняются въ Воронежской рѣчи — первый въ *а*, второй въ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j*. Это совпаденіе звуковъ *о* и *е* въ одномъ безударномъ звукѣ *а* называется аканьемъ сильнымъ въ отличіе отъ московскаго, умѣреннаго ака-

нья, не знающаго измѣненія звука *е* въ *а*. Но при этомъ нужно замѣтить, что и въ Воронежской рѣчи сильное аканье выдержано не вполнѣ строго, такъ что для звука *е*, а отчасти и *о*, при ихъ измѣненіяхъ имѣетъ значеніе положеніе ихъ въ словѣ относительно ударенія, а на измѣненіе звука *е*, кромѣ того, оказываетъ вліяніе твердость или мягкость слѣдующаго за нимъ звука. Съ этой точки зрѣнія прослѣдимъ измѣненіе звуковъ *о* и *е* въ Воронежской рѣчи.

§ 3. Измѣненіе звука *о*.

а) Неударяемый звукъ *о*, находясь въ слогѣ предударномъ, всегда измѣняется въ звукъ *а* чистый: ахо́чъ, ади́нъ, пагна́лси, адда́й, праќисъ, пабе́гъ, прокля́тая, һалу́пчикъ, расла́, һало́фку, апа́ли, паки́нулъ, салда́тики, радны́и, бажы́лась, варо́ты, бало́ты и т. д. Приведенные примѣры взяты изъ различныхъ мѣстъ Воронежской губ.: изъ Землянскаго, Нижнедѣвицкаго, Коротояцкаго, Воронежскаго, Бобровскаго и др. уѣздовъ. Исключенія въ этомъ отношеніи, какъ напр. крыва́тушка, супыста́та, гдѣ въ предударномъ слогѣ *о* измѣняется въ *ъі*, рѣдки и представляютъ случайное явленіе.

б) Находясь въ третьемъ слогѣ отъ ударенія къ началу, а также въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ, неударяемый звукъ *о* измѣняется большею частью также въ открытое, чистое *а*, напр.: палави́нки, падажде́мъ, һаспажа́, абливáлась, пажыви́, гавари́ть, халадна́, пасматрѣ́лъ, атарва́лъ, ну́жна, не́каму, въ у́ха, въ тѣ́ста, я́карь, у мо́латца, ми́ламу, за пакро́фскаю, вѣ́тачьки, по́лначъ, маланьⁱо́й (Вор. Этн. Сбор. 257), маланья́ и мо̀ланья (Вор. Лит. Сбор. 314). Относительно послѣдняго слова, имѣющаго въ народной рѣчи двѣ формы — „маланья̀“ и „мо̀ланья“ замѣтимъ, что обѣ онѣ восходятъ къ древне-русской формѣ „мълънии“ [1]).

---

[1]) Лекціи проф. Соболевскаго, 28 стр.

Иногда звукъ *о*, находясь въ указанномъ положеніи, измѣняется не въ чистое *а*, а въ звукъ болѣе глухой, приближающійся къ *ъг* и даже совпадающій съ нимъ, напр.: выява́ли пытъ Масквóй, пыћада́ю (с. Московское Вор. у.), кылакóльчикъ прызвянѣлъ, прычита́ла (Козловка Бобров. у.), пыпрада́лъ (Гнилуша Земл. у.), пылушóлкавай, мыстави́нышка (Поворино Новохопер. у.), дифчóнычькя, мазу́рычькя (Московское), ду́рычькя, ба́бычькя (Козловка), ћа́зыфъ (Кисляй Пав. в. у.). Въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, звукъ *о* измѣняется въ *ъг*, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ томъ случаѣ, когда этотъ слогъ закрытый, хотя и въ такомъ случаѣ звукъ *о* иногда измѣняется въ *а*.

Въ говорѣ мѣщанскомъ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ положеніяхъ звукъ *о* измѣняется преимущественно въ *ъг*, рѣже измѣняясь и въ *а*, напр.: сыбирай, за́ щыку, быжы́лси, нé ап чомъ, ка́ртычки, ла́пычки, мéлычъ, я́блыка [1]) и др.

в) О другихъ положеніяхъ, въ которыя можетъ попадать звукъ *о* относительно ударенія, нужно замѣтить, что чѣмъ болѣе звукъ *о* отодвигается отъ ударенія, тѣмъ онъ звучитъ слабѣе и неопредѣленнѣе и можетъ даже совершенно исчезнуть, напр.: ны ћалава́, вянцы надѣли, парасёныъчикъ, вы́выръка (Козловка Бобр. у.), п'риса́дникъ, п'калати́лъ и др.

§ 4. Измѣненіе звука *е*.

Неударяемый звукъ *е*, какого бы происхожденія онъ ни былъ (изъ основного славянскаго *е* или изъ *ъ*, *ѣ*), въ предударномъ слогѣ всегда почти измѣняется въ звукъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, т.-е. *я*, которое послѣ шипящихъ звуковъ измѣняется въ *а*, напр.: бярёзаваи, тяля́тъ, Яћра́шка (= Йаћра́шка), Яћóрка

---

[1]) Вор. Этн. Сбор., 224, 186, 78, 19 стр.

(= Йаһорка), лясо́чикъ, вяно́къ, памяня́лись; ня ѣ́здилъ, нябо́сь, пя хо́тца, яжжа́й, зиляпѣ́я, ничяһо́, бялѣ́нькяй, чярнѣ́нькя, шмяли́, завяли́сь, ята́шъ (= йаташъ), уцапи́лси, һняздо́, ядя́, съ падлядо́мъ, дяфчо́нычькя, набярѐмъ, грями́ть, бяда́, ляпи́фъ, твята́ми, дяре́вня и т. д. Примѣры взяты изъ разныхъ уѣздовъ.

Но иногда звукъ *е* въ предударномъ слогѣ измѣняется въ *и*, какъ и въ московскомъ говорѣ; но это „*и* на мѣстѣ *е* въ предударномъ слогѣ — явленіе спорадическое“ [1]), напр.: съ симьѐй, блистя́ть, бижы́, пирвинчя́ли, паспишы́лъ, дифча́тъ (Верхній Икорецъ Бобр. у.), въ зилѐнамъ (Гнилуша Земл. у.), пича́ль, типе́рь (Красный Логъ Вор. у.), збире́чъ (Рогачевка Вор. у.), жылѣ́зныхъ ришо́тъ и др. Въ формахъ личныхъ мѣстоименій и возвратнаго звукъ *е* почти всегда переходитъ въ *и*: мине́, тибѣ́, сибѣ́; формы съ звукомъ *я* на мѣстѣ *е* — мяне́, тябе́ — встрѣчаются также, но весьма рѣдко. Точно также представка *пре-* въ словѣ *прекрасный* всегда измѣняется въ *при-*, а не въ *пря-*, такъ что можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ замѣною звука *е* звукомъ *и*, а съ замѣною представки *пре-* близкою къ ней представкою *при-*.

б) Находясь въ третьемъ слогѣ отъ ударенія къ началу, звукъ *е* всякаго происхожденія измѣняется въ *и*; появленіе *я* на мѣстѣ *е* въ этомъ положеніи очень рѣдко, примѣровъ для этого очень мало: ня плаха́я [2]), ня пашо́лъ, ня хотѣ́лъ (Караечевка Бобр. у.), збо́ришша нячясти́вая (Задонск. у.), ня маро́сь (Гнилуша Землян. у.), ня дава́й (Шаталовка Н.-дѣвиц. у.), рятива́я (Рогачевка Ворон. у.). Больше примѣровъ для измѣненія *е* въ *я* въ указанномъ положеніи я не имѣю; наоборотъ переходъ *е* въ *и* въ томъ же положеніи — явленіе обычное: ни дура́къ, ни фъ саһла́сію, висяла́, викава́ть, диряв́янная, съ питуха́ми, дисяти́па, чирясъ чя́сикъ, чирсидѣ́липъ, лита-

---

[1]) Рус. Фил. Вѣст. 1893 г., № 4, 201.

[2]) Вор. Юб. Сбор., 613 стр.

ва́ть, чирнабро́вай, гринаде́ра, грибяшо́къ, пирстянё́къ и т. д. Умѣстно здѣсь отмѣтить измѣненіе приставки *пере-*, которая, въ силу указанныхъ измѣненій звука *е*, принимаетъ двоякій видъ въ народныхъ говорахъ: если она присоединяется къ корню, который имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ, то измѣняется фонетически правильно въ *пиря-*, такъ какъ ея слоги попадаютъ въ положеніе 2-го и 3-го слоговъ къ началу отъ ударенія, напр.: пиря́ѣлъ, пирядиду́ть, пирявй́тая, пир[illegible]ёръ, пиряско́чилъ (но пирскачи́лъ), пирямё́тываю и др. Если же представка *пере-* присоединяется къ корню, который имѣетъ удареніе не на первомъ слогѣ, а дальше, то она измѣняется въ *пир-*, опуская совсѣмъ второй звукъ *е*, напр.: пир'лама́лъ, пир'жыhа́лъ, пир'hляди́тя, пирьвянча́лисъ, пирьнису́сь, пиртярпѣлъ и др. Въ мѣщанскихъ говорахъ та же представка, въ силу ихъ фонетическихъ особенностей, является или въ видѣ *пири-*, или въ видѣ *пир-*, напр.: пирибйо́ть, пирипли́онить, пирило́вишъ, пирислу́шышъ, пир'вара́чывайси, пир'ливаа́йить, пир'сили́лси, пир'гаво́рцамъ [1]) и др.

в) Въ слогахъ, находящихся отъ ударенія къ началу далѣе, чѣмъ третій, на мѣстѣ звука *е* является только *и*, напримѣръ: бисъ даhаво́ру, ни сустайшъ, ни пражывё́шъ (Козловка Бобров. у.), ни hарячи́лси бы, виличино́ю взялъ, ни прападё́мъ, ни уради́ла (Танцырен и Троицкое Новохопер. у.).

г) Что касается измѣненій звука *е* въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, то здѣсь въ однихъ формахъ звукъ *е* измѣняется въ *я*, въ другихъ — въ *и*. Во второмъ слогѣ послѣ ударенія, будетъ ли онъ закрытымъ или открытымъ, безотносительно къ формамъ, на мѣстѣ *е* является звукъ *я*, напр.: румя́нецъ, ня ду́рянъ (Московское, Рогачевка Вор. у.), па́рянь, не́чяhо (Гвазда, Кисляй Земл. у.), скла́дяна, кре́ндялемъ, съ му́жамъ (Гни-

---

1) Вор. Этн. Сбор., 198, 197, 257, 196, 229 стр.

луша Земл. у.), фъ Ке́яву, па Пи́тяру, по́мяръ, къ ма́тяри, бе́ряхъ, свиде́тяль (Козловка Бобров. у.).

Въ окончаніи формы повелительнаго наклоненія множественнаго числа, въ сравнительной степени именъ прилагательныхъ въ конечномъ слогѣ, если онъ второй отъ ударенія, и въ формахъ именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа средняго рода именъ существительныхъ и прилагательныхъ — на мѣстѣ звука *е* всегда также является [illegible]вари́тя, атапри́тя, памяльчѣ́я, пажарчѣ́я (Козловка Бобров. у.), сыһра́йтя, дади́тя (Кисляй Павлов. у.), пади́тя, привяди́тя (Рогачевка Вор. у.), привыка́йтя, наскарѣ́я, пасмялѣ́я, патужѣ́я, памилѣ́я (Троицкое Новохопер. у.), стрѣ́ньтя (Красный Логъ Вор. у.), пада́йтя [1]), скаряя [2]), житье плахая, дружалюбія такая, за синяя моря, на мѣста [3]) и др.

Но съ другой стороны въ личныхъ формахъ глагола въ настоящемъ времени съ тематическимъ *-е-*, также въ суффиксѣ *-енък-* и отчасти *-ен-* и въ суффиксѣ *-ек-* — звукъ *е*, попадая въ положеніе слога поударнаго, измѣняется всегда въ *и*, а не въ *я*: һаласо́чикъ (Шаталовка Н.-дѣвиц. у.), һаро́шыкъ (Гнилуша Земл. у.), каряше́чикъ, һрѣ́ишъ (но „станяшъ" — весьма рѣдкая форма), сбу́дитца, плю́нишь (Московское и Кр. Логъ Вор. у.), кусто́чикъ, лясо́чикъ, пла́чить, һуля́ить (Козловка Бобров. у.), рѣ́чинькя, мало́динькяя, со́синькя, кудря́винькій, разду́шинькя, слабо́динъ, спако́инъ (Новохопер., Бобров. и Вор. уу.), пасыла́ить, ѣ́дить [4]), зна́йишъ, загул'а́йим, запл'а́шим [5]), памо́жышъ, патяря́йшъ, то́нить, че́шыть, раска́жымъ (Земл. и Новохопер. уу.) и т. д. Относительно формы 3-го лица единственнаго числа должно замѣтить, что окончаніе *-тъ* можетъ быть, какъ въ приведенныхъ

---

[1]) Вор. Юб. Сбор., 617 стр.
[2]) Вор. Лит. Сбор., 273 стр.
[3]) Сказки Аѳ. V, 140 стр.
[4]) Сказки Аѳ. V, 178; III, 85.
[5]) Краткій очеркъ Прядкина, 9 стр.

примѣрахъ, но можетъ и отпадать, о чемъ рѣчь будетъ въ отдѣлѣ морфологіи. Въ послѣднемъ случаѣ (въ случаѣ отпаденія *-тъ*) въ 3 лицѣ происходятъ другія измѣненія: звукъ *е* измѣняется не въ *и*, а въ *я*, напр.: танцу́я, пи́ша, ма́ша, заѣ́дя, пакида́я, зна́я, вѣ́дая, ступа́я, зилянѣ́я (Вор., Бобров., Павлов., Н.-дѣвиц. уу.), ду́я, падува́я, гуля́я [1]), зна́я, рѣ́жа [2]), успрыһня, ня мо́жа, һаркня (Троицкое Земл. у.) и др.

Замѣтимъ еще относительно измѣненія *е* въ *и* въ суффиксѣ *-ек-*; въ этомъ отношеніи воронежскіе говоры не стоятъ особнякомъ отъ другихъ русскихъ говоровъ: кромѣ малорусскихъ, во всѣхъ русскихъ говорахъ звукъ *е* въ закрытомъ слогѣ въ суффиксѣ *-чек-* измѣняется въ звукъ *и* [3]).

д) Звукъ *е* = *ѣ* въ поударномъ слогѣ въ однихъ случаяхъ измѣняется въ *и*, въ другихъ — въ *я*, и подвести эти случаи подъ какіе-нибудь законы нѣтъ возможности, потому что, напр., въ одномъ и томъ же положеніи, въ открытомъ конечномъ слогѣ, на мѣстѣ *ѣ* является и *и* и *я*, но при этомъ гдѣ является на мѣстѣ *ѣ* звукъ *и*, тамъ звукъ *ѣ* или совсѣмъ не замѣщается звукомъ *я*, или замѣщается очень рѣдко, и наоборотъ, напр.: на кры́шы, фъ тямни́цы (*ы* вм. *и*: въ этихъ двухъ случаяхъ явилось подъ вліяніемъ твердости *ш* и *ц*), на свѣ́ти, кро́ми, па пра́вди, фъ пахо́ди, въ рабо́ти, на слу́жби, на бярё́зи, на Капка́си, въ һо́ради, на вѣ́тки, при доли́ни (Бобров., Павлов., Новохопер., Вор. уу.), но тамъ же рѣже—вмѣ́стя, уви́дяли, но́ня (Бобров., Вор. уу.); съ другой стороны — къ нявѣ́стя, на-ра́ня (= наранѣ), у ца́рьствя, на һаро́дя (Троицкое Земл. у.), но тутъ же — у те́рями; въ трахти́ря, въ лѣ́ся, въ до́мя, на маши́ня, въ Таһанро́һя, въ астро́һя [4]), у до́мя, у лѣ́ся, у караһо́-

---

[1]) Вор. Юб. Сбор., 614 стр.

[2]) Вор. Лит. Сбор., 273 стр.

[3]) Русскій Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 4, 221—222 стр.

[4]) Вор. Юб. Сбор., 612, 611, 605, 616 стр. Заимствуя

дя [1]), увъ ызбя (Красный Логъ).

е) Въ другихъ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, измѣненія звука *е* тѣ же самыя, что и въ подударномъ слогѣ, и подчинены тѣмъ же самымъ правиламъ. Такъ, съ одной стороны, мы имѣемъ на мѣстѣ *е* звукъ *я*: угыльяфъ, красавѣя, глажая, твержая, за синяя, видалъ тѣлу бѣлая, фсякая званья, фъ шырокуя раздолья, дружалюбія, паслухайтя, увидитя, зацѣпитя, ня троһайтя (Вор., Бобров., Земл., Коротояк., Павлов., Задонск. уу.), даже милёшынякъ — *я* на мѣстѣ *е* въ суффиксѣ *ек* (Московское Вор. у.); по съ другой стороны — приказываить [2]), распрашываить, яблачикъ, пташачикъ, паказываитца, парасёныъчикъ, саловьющыкъ, дожжычикъ, жаваронычыкъ (Вор., Земл., Бобров., Н.-дѣвиц., Новохопер. уу.).

Потебня въ „Двухъ Изслѣдованіяхъ" замѣчаетъ относительно южно-великорусской группы говоровъ, что *е* измѣняется въ *я* и въ именит.-винит. падежахъ множ. числа прилагательныхъ всѣхъ родовъ: нажи булатныя, катлы нѣмецкія, агни жаркія [3]); но по отношенію къ воронежскимъ говорамъ это замѣчаніе Потебни неправильно: въ этихъ формахъ въ воронежской рѣчи всегда встрѣчается на мѣстѣ *е* звукъ *и*, напр.: радныи (Софоновка Бобров. у.), сняшки бѣлаи, кумашнаи палика, заһранишнаи рукава (Бобров. у.), шшочки алаи, брови чёрнаи, за вароты за навыи (Гвазда Павлов. у.), пуховайи майи падушки, свайи ласкавайи слава [4]) и др.

Заканчивая обозрѣніе судьбы звука *е* въ воронежскихъ сильно акающихъ говорахъ, замѣтимъ, что въ бли-

---

матеріалъ изъ различныхъ изданій, я не дѣлалъ пикакихъ измѣненій въ записяхъ этого матеріала; „въ трахтиря", напр., представляетъ ошибку въ записи, потому что голосовой *в* передъ *т* долженъ измѣниться въ безголосный *ф*: я оставилъ запись неприкосновенною.

1) Вор. Лит. Сбор., 273 стр.

2) Сказки Аѳ., V, 178 стр.

3) Два Изслѣдов., 64—65 стр.

4) Краткій Очеркъ Прядкина, 15—16 стр.

жайше-родственномъ имъ мѣщанскомъ говорѣ звукъ *е* имѣетъ нѣсколько отличную судьбу, именно, звукъ *я* на мѣстѣ *е*, какого бы онъ происхожденія ни былъ и какое бы положеніе онъ ни занималъ въ словѣ по отношенію къ ударенію, никогда не является; постояннымъ замѣстителемъ *е* является звукъ *и*, послѣ шипящихъ переходящій въ *ъі*, напр.: дириве́нька, чилавэ́къ, диви́ца, по́мир, масьтири́ца, фпириди́, цвито́чки, раздили́ли, у́мин, ни бири́сь, шыптуно́ф, чырнась[illegible]ф, [illegible]а́жы, сэ́рцы, цылу́йить, зацыпи́лись [1]) и др. Совершенно правильно, значитъ, съ точки зрѣнія фонетики мѣщанскаго говора, представка *пере-* измѣняется въ *пири-* и *пир-*, какъ то было указано выше.

§ 5. Историческія указанія на аканье въ Воронежской губерніи.

Фонетическія измѣненія звуковъ *о* и *е*, разсмотрѣнныя въ предыдущихъ параграфахъ, составляютъ отличительную особенность не одной только воронежской рѣчи; они извѣстны всѣмъ русскимъ говорамъ, которые выдѣляются господствомъ ударяемыхъ слоговъ надъ неударяемыми, т.-е. извѣстны южно-великорусской группѣ говоровъ и бѣлорусской [2]) и составляютъ такъ называемое *аканье*. Аканье представляетъ собою старинное явленіе въ русскомъ языкѣ: смѣну *о* на *а* Колосовъ указываетъ уже въ XIII в., но только въ одномъ словѣ „манамахъ" [3]); но на основаніи одного примѣра нельзя относить аканье къ XIII вѣку. Хотя Колосовъ далѣе замѣчаетъ, „что памятники XIV вѣка не представляютъ смѣны *о* на *а*" [4])

---

[1]) Вор. Этн. Сбор., 263, 262, 249, 253, 260, 265, 269, 249.

[2]) Объ аканьи въ бѣлорусскихъ говорахъ см. „Обзоръ" Карскаго, 42—46 стр.

[3]) „Очеркъ" Колосова, стр. 91, 94.

[4]) Ibid., 104 стр.

и только къ XV в. относитъ аканье [1]), но мнѣніе Колосова не заслуживаетъ довѣрія: его трудъ не отличается „ни полнотою, ни достоинствомъ историческаго матеріала" [2]) и „составленъ исключительно па основаніи печатнаго матеріала, скуднаго и изданнаго не всегда точно" [3]). Несомнѣнные слѣды аканья относятся уже къ XIV в., а въ XV в. оно уже было довольно распространено [4]) и являлось, какъ и въ настоящее время, отличительною чертою южно-великорусской группы говоровъ, во главѣ которой стоялъ и стоитъ говоръ московскій.

Что касается историческихъ указаній на аканье въ Воронежской губерніи, то они восходятъ не далѣе первой половины XVII в.; отъ болѣе ранняго времени, отъ первыхъ дней жизни г. Воронежа, т.-е. отъ конца XVI вѣка, намъ неизвѣстно никакихъ документовъ. Въ актахъ, относящихся къ первой половинѣ XVII в. и къ болѣе позднему времени, встрѣчаются несомнѣнныя слѣды аканья, прокравшагося изъ разговорной рѣчи въ оффиціальную письменность. Такъ въ нихъ мы встрѣчаемъ: „Лазарь Зиновьевъ сынъ, п*а*ртной мастеръ; Наумъ Артемовъ, сынъ З*а*л*а*таревъ; вмѣст*а* дѣтей; а будетъ онъ ис с*а*лдатъ; шапка красная, *а*вчинная, *а*лени, бог*а*атступника, Д*а*роѳею Гаршину, пр*а*ходили, по племяни [здѣсь *я* могло явиться подъ вліяніемъ именит.-винит. падежей, оканчивающихся на *я* [5])]; дворъ С*а*вастьяна Мещерякова, Г*а*расимъ, Аксенъ *А*мельяновъ (о замѣнѣ *е* звукомъ *а*, а не *я* въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи того же явленія въ современномъ, живомъ языкѣ); Иванъ Захаровъ, сынъ Гнѣуш*а*въ, хотя въ другомъ мѣстѣ „сынъ Гнѣушевъ"; точно

---

1) Ibid., 131 стр.
2) „Лекціи" Соболевскаго, см. предъ введеніемъ.
3) Ibid., 78 стр.
4) Ibid., 70 стр.
5) Ibid., 66 стр.

также встрѣчаемъ „воронажцы“ и „воронежцы“ [1], — колебаніе писца въ написаніи какъ послѣдняго, такъ и другихъ словъ, служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что аканье, какъ способъ произношенія, существовало въ живой рѣчи и было настолько сильно, что писецъ колеблется между канцелярскимъ языкомъ и живою рѣчью. Въ другихъ воронежскихъ актахъ также замѣтно вліяніе аканья, господствовавшаго въ живой рѣчи, на оффиціальную письменность, напр.: строченъ шолкамъ лазоревымъ; то мы вѣдоямъ; пришли на́ Данъ; четвера свиней, семера овецъ; списакъ, жеребенакъ, кабылу рыжу, Рамана Өедоровича, дворъ Якушка Авчинникова, дворъ Багдашка Траөимова, у церкви колокала, въ четыря угла, княжатымъ и княжеты [2]; вновь строить келишакъ нечимъ, дровишакъ, таперево [3] (въ послѣднемъ словѣ *а* является на мѣстѣ *е*, какъ и въ современной воронежской рѣчи и объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что „таперево“ восходитъ къ древне-русской формѣ этого слова „топьрьво“, а не къ литературной формѣ этого слова со звукомъ *е* „теперь“).

Но рядомъ съ приведенными примѣрами, несомнѣнно говорящими въ пользу существованія аканья въ Воронежской губерніи въ первой половинѣ XVII вѣка, въ тѣхъ же самыхъ актахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ примѣры какъ будто бы обратнаго явленія, т.-е. находимъ звукъ *о* тамъ, гдѣ ожидали бы *а*, напр.: „и въ нынѣшнемъ году сколько за росходы . . . приходные и росходные книги . . . А отписку, и книги велѣть подать въ розряде“. Названіе рѣки „Усмань“ нѣсколько разъ встрѣчается въ формѣ „Усмонь“: по Усмони, у Усмони. И тѣхъ надолобъ отъ воды много розволялось; и тѣ надолобы . . .

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 317, 319, 383, 332, 336, 328, 327, 333, 321, 326, 317.

[2]) „Воронежскіе Акты“, стр. 212, 220, 239, 206, 207, 205, 203, 224, 201.

[3]) „Древніе Акты“, стр. 42, 39, 18.

и короульная погнили, Тотаринцовъ, тотаринъ, но и татаринъ; у Ондрея Васильевича Бутурина"; и на кобакѣ не пить, государевой козны, не розбивать, кобальной человѣкъ, пашни пахоной, въ роспросе, дворовые усадьбы росписаны" [1]); Ольбрихтомъ, гродскимъ, Мотѳѣй, розбивать, грива на прово, но и на прова, на права [2]); игуменья Огаѳья, кораулить, не дождався роспросу; для молебновъ и понахидъ, въ розныхъ мѣсяцѣхъ, крестьянъ не станемъ хвотать" [3]) и др.

Приведенные примѣры, дѣйствительно, представляютъ смѣну безударнаго *а* на безударное же *о* (за исключеніемъ словъ — „ро́зными, гро́дскимъ, на про́во", въ которыхъ *о́ = а́*); но относить это явленіе на счетъ вліянія окающаго говора, представители котораго существуютъ въ Воронежской губерніи въ настоящее время и существовали, безъ сомнѣнія, въ первой половинѣ XVII в., — нѣтъ необходимости: появленіе *о*, на мѣстѣ ожидаемого *а* въ приведенныхъ примѣрахъ можетъ быть объяснено другими причинами:

1) Въ собственныхъ именахъ, какъ Мотѳѣй, Ондрей, Огафья, Усмонь и др., встрѣчающихся въ актахъ со звукомъ *о* вмѣсто *а*, появленіе *о* на мѣстѣ безударнаго *а* представляетъ собою особенность, свойственную уже древне-русскому языку [4]). Въ русск. языкѣ, какъ и въ другихъ славянск. языкахъ, звукъ *о* бываетъ двоякаго характера: широкій, открытый и узкій, закрытый; первый приближается къ звуку *а*, второй къ звуку *у*. Вслѣдствіе этого иностранныя слова со звукомъ *а* безударнымъ, который болѣе былъ похожъ на *о*, перешли въ русскій языкъ со звукомъ *о* открытымъ, близкимъ къ *а*, напр.: сотона = греч. σατανᾶς, олтарь = altare, окровустия =

---

[1]) „Матеріалы", стр. 15, 339, 340, 316, 318, 319, 322, 326, 325, 320.

[2]) „Воронежскіе Акты", стр. 201, 202, 206.

[3]) „Древніе Акты", стр. 18, 19, 26, 23.

[4]) „Два Изслѣдованія" Потебни, стр. 76.

ακροβοστία [1]. Этотъ звукъ *о*, близкій къ *а*, являлся преимущественно въ началѣ словъ, но также и въ серединѣ, напр.: Лазорю, полатѣ [2], сотона и др. Слѣдовательно, въ написаніи указанныхъ выше собственныхъ именъ, какъ Ондрей, Мотѳѣй и друг., со звукомъ *о* вмѣсто *а* въ современныхъ воронежскихъ и старинныхъ говорахъ нужно видѣть скорѣе отраженіе старины, вліяніе на писца традиціоннаго письма, чѣмъ вліяніе окающаго говора, тѣмъ болѣе, что послѣдній ни въ настоящее время, ни — нужно полагать — въ то время не представлялъ настолько распространеннаго явленія, чтобы могъ оказать воздѣйствіе на канцелярскую письменность.

2) Появленіе *о* на мѣстѣ *а* въ безударномъ префиксѣ *роз-*, что очень часто наблюдается въ приведенныхъ выше примѣрахъ (росходы, розряде, розволялось, росписаны и др.), также нужно отнести къ стариннымъ явленіямъ русскаго языка, т.-е. и здѣсь нужно видѣть вліяніе на писца традиціи. Префиксъ *роз-* и въ настоящее время болѣе свойственъ русскому языку, чѣмъ префиксъ *раз-*: *роз-* употребляется во всѣхъ русскихъ говорахъ, за исключеніемъ южно-великорусской группы говоровъ, которая въ силу аканья безударный префиксъ *роз-* мѣняетъ на *раз-*; если же этотъ префиксъ является подъ удареніемъ, то и въ южно-великорусскихъ говорахъ онъ сохраняетъ древне-русскій видъ „роз-" (исключеніе представляетъ только слово „ра́зумъ"); выше мы видѣли, что вмѣсто современнаго „разный" явилось „ро́зный", хотя въ современныхъ говорахъ этотъ корень извѣстенъ только въ выраженіи „продавать въ розницу" и въ нарѣчіи „врозь".

3) Послѣ этого въ приведенныхъ примѣрахъ остается немного случаевъ смѣны *а* на *о*, при томъ для нѣкоторыхъ словъ существуютъ двойниковыя формы, напр.:

---

1) „Лекціи" Соболевскаго. стр. 39.

2) „Очеркъ" Колосова, стр. 77.

короульня и кораулить, Тотаринцовъ, тотаринъ, но и татаринъ, на прово и на права; слѣдовательно, опираться па эти случаи смѣны *а* на *о*, какъ на доказательство вліяпія окающаго говора, нѣтъ основанія.

Такимъ образомъ на основаніи историческихъ данныхъ является несомнѣннымъ, что аканье существовало въ Воронежской губерніи въ первые уже дни ея заселенія, что оправдывается и самою исторіею заселенія: колонистами Воронежской губ., какъ замѣчено было выше, являлись выходцы изъ центральныхъ губерній, въ которыхъ преимущественно говоръ акающій, слѣды котораго въ рязанскомъ, напр., нарѣчіи встрѣчаются уже въ XIV вѣкѣ [1]. Слѣдовательно, къ концу XVI в. и началу XVII в., когда началось заселеніе Воронежской губерніи, аканье могло являться уже господствующимъ въ южно-великорусской группѣ, а потому и оказало такое сильное вліяніе на оффиціальную воронежскую письменность.

§ 6. Вліяніе аканья.

Какъ крупное фонетическое явленіе, характеризующее собою цѣлую группу говоровъ, аканье оказало сильное вліяніе на народные говоры Воронежской губерніи: въ нихъ явились новообразованія, развившіяся исключительно подъ вліяніемъ аканья; эти новообразованія наблюдаются и въ области фонетическихъ и въ области морфологическихъ явленій.

а) Въ области фонетическихъ явленій, какъ результатъ вліянія аканья, отмѣтимъ прежде всего появленіе ударяемаго *о* на мѣстѣ ударяемаго *а*, при чемъ, не будучи подъ удареніемъ, звукъ *а* сохраняется; такимъ образомъ получается чередованіе безударнаго *а* съ ударяемымъ *о*. Это чередованіе имѣетъ мѣсто лишь въ немногихъ словахъ: качу́, качю́сь—ко́тить, ко́титца; бранюсь—

---

1) „Къ діалектологіи“ Будде, стр. 12.

бро́ня, бро́нитца; валю́сь, вали́тца—во́литца, пирвалилъ—пирляво́ля, варю́—сво́ря, наво́ря, ялта́рь, въ ялтарѣ́—о́лтарь въ о́лтарѣ; другіе примѣры чередованія безударнаго *а* съ ударяемымъ *о* указаны у проф. Соболевскаго [1]). Изъ приведенныхъ примѣровъ два, именно „ко́тить“ и „о́лтарь“ для появленія звука *о* имѣютъ основапіе въ древне-русскомъ языкѣ [2]). Но въ остальныхъ примѣрахъ и другихъ, отмѣченныхъ у пр. Соболевскаго, появленіе ударяемаго *о* объясняется вліяніемъ аканья. Благодаря аканью, коренное *о* могло звучать или какъ *о*, когда оно попадало подъ удареніе, или же какъ *а*, когда оно являлось внѣ ударенія. Такимъ образомъ совершенно правильно въ акающихъ говорахъ могло развиться чередованіе безударнаго *а* съ ударяемымъ *о* въ словахъ съ кореннымъ звукомъ *о*, напр.: паси́ть — но́ша, но́сить, вази́ть — во́зъ, во́зить, нага́ — но́ги, акно́ — о́кны и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и другихъ подобныхъ появленіе *о* подъ удареніемъ и измѣненіе его въ *а*, при отсутствіи на немъ ударенія, совершенно правильно. По аналогіи съ такими случаями чередованія безударнаго *а* и ударяемаго *о*, въ воронежской народной рѣчи, какъ и въ рязанской [3]) и вообще въ южно-великорусскихъ говорахъ, развилось также чередованіе въ указанныхъ выше случаяхъ: браню́—бро́ня, пасади́лъ—пасо́дя, приташшы́лъ—прито́шша и др., хотя здѣсь появленіе *о*, кромѣ аналогіи, не имѣетъ за собой никакого основанія: во всѣхъ этихъ случаяхъ кореннымъ звукомъ является *а*, а не *о*.

б) Параллельно съ чередованіемъ *а* — *о́* въ немногихъ словахъ воронежской рѣчи существуетъ чередованіе *я*—*ё*, напр.: трясу́, тряси́—трё́съ, фстрё́хывалъ, запрягать—запрё́гъ. Происхожденіе этого чередованія объясняется такъ же, какъ и происхожденіе чередованія *а*—*о́*, т. е. вліяніемъ аканья. Здѣсь въ силу аканья развились

---

[1]) „Лекціи“ Соболевскаго, стр. 72.
[2]) Ibid., стр. 39.
[3]) „Къ діалектологіи“ Будде, стр. 19—21.

совершенно правильно такія чередованія: нясу́ — нёсъ, пяку́ — пёкъ; какъ звукъ *я*, такъ и *ё* явились въ этихъ чередованіяхъ вполнѣ правильно: первый явился на мѣстѣ *е* въ предударномъ слогѣ, второй также явился изъ *е* подъ удареніемъ (объ этомъ ниже). По аналогіи съ этими чередованіями могли развиться и указанныя выше — трясу—трёсъ: на звукъ *я* въ „трясу" и другихъ словахъ народъ могъ взглянуть не какъ на коренной *я*=ѧ, а какъ на звукъ, получившійся изъ *е*, находящагося внѣ ударенія, и совершенно правильно затѣмъ измѣнить его подъ удареніемъ въ *ё*. При этомъ по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстамъ Воронежской губерніи, замѣтимъ, что въ словахъ „трясти" и „запрягать" слышится если не вполнѣ явственный звукъ *е*, то, по крайней мѣрѣ, очень близкій къ нему звукъ; этотъ звукъ *я*, близкій къ *е*, я слышалъ въ Новохоперскомъ и Воронежскомъ уѣздахъ, где въ нѣкоторыхъ селахъ довольно явственно произносилось „запреᵃгать, треᵃсти". Въ такомъ случаѣ формы „запрёгъ, трёсъ" совершенно понятны и не требуютъ для себя никакого объясненія: звукъ *е* ударяемый въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго или *j* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, какъ извѣстно, въ южновеликорусской группѣ говоровъ расширяется въ *ё*.

в) Въ области морфологіи воронежскихъ говоровъ самымъ крупнымъ новообразованіемъ, развившимся подъ вліяніемъ аканья, является переходъ словъ средняго рода на *-о* и *-е* въ разрядъ словъ женскаго рода на *-а* и *-я*: въ силу аканья безударное *о* и *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ измѣнились въ *а* и *я*, и такимъ образомъ основы средняго рода въ томъ случаѣ, если удареніе не падало на *о* и *е*, потеряли свое родовое окончаніе, потеряли свою формальную особенность, отличающую ихъ отъ основъ женскаго рода. Примѣровъ для этого можно привести массу, такъ какъ это явленіе рѣзкое, повсемѣстное въ Воронежской губерніи, не замѣтить его нельзя: оно поражаетъ слушателя; но мы ограничимся лишь незначительнымъ количествомъ примѣровъ, необходимыхъ

для подтвержденія высказанной мысли: въ уха, фсякая званья, дружалюбія такая, на мѣста, за синяя моря, тѣла бѣлая, эта дѣла фсё ана напрасна, серца, сярьдечькя мая, гусей стада, раздолья вясёлая, мая скрутная время, мая проса харошая, поля чистая, явленья такая, яблака спѣлая, такая-та дѣла и др. Примѣры взяты изъ разныхъ уѣздовъ. Какъ видно изъ примѣровъ, параллельно съ измѣненіемъ существительныхъ средняго рода на женскій родъ идетъ такое же измѣненіе и прилагательныхъ: прилагательныя всѣ являются въ формѣ женскаго рода.

Но если удареніе въ существительныхъ средняго рода падаетъ на родовое окончаніе, въ такомъ случаѣ родовое окончаніе сохраняется; напр.: жытьё, плячо, кальцо и др. Прилагательныя и въ этомъ даже случаѣ, т.-е. если удареніе падаетъ на родовое окончаніе, при существительныхъ средняго рода принимаютъ окончаніе женскаго рода, напр.: жытье плаха́я, про́са бальша́я, се́рца рятива́я и др.

„Такія измѣненія", замѣчаетъ Потебня относительно разсмотрѣннаго явленія смѣны родового окончанія основъ средняго рода на окончаніе основъ женскаго рода, „въ Воронежской губерніи повели Даля къ заключенію, что здѣсь къ существительному средняго рода идутъ прилагательныя въ женскомъ родѣ. Это — ошибка. Сущ. сѣна (им. п. ед. ч.) не становится женскимъ оттого, что окончаніе его произносится какъ *а*; отъ такой фонетической причины не станетъ женскимъ и прилагательное зеленая, согласуемое съ сѣна" [1]). Какъ Будде въ своемъ трудѣ относительно рязанскихъ говоровъ [2]), такъ и мы въ отношеніи воронежскихъ говоровъ, о которыхъ здѣсь и идетъ рѣчь, позволимъ себѣ не согласиться съ замѣчаніемъ почтеннаго ученаго: фонетическое измѣненіе существительныхъ средняго рода на женскій родъ въ во-

---

1) „Два Изслѣдованія", стр. 64.
5) „Къ діалектологіи" Будде, стр. 28.

ронежскихъ говорахъ повело къ исчезновенію основъ средняго рода; исчезновеніе произошло полное, такъ что народъ утратилъ всякое сознаніе о среднемъ родѣ, отождествивъ его съ родомъ женскимъ. Въ пользу своего мнѣнія мы приводимъ слѣдующіе факты: во 1-хъ, какъ видѣли выше, прилагательное идетъ къ существительному средняго рода всегда въ формѣ женскаго рода, сохраняетъ ли существительное свое родовое окончаніе или измѣняетъ его внѣ ударенія на *а* и *я*; прилагательное принимаетъ форму женскаго рода даже и въ томъ случаѣ, когда удареніе падаетъ на его родовое окончаніе, т.-е. когда съ точки зрѣнія аканья нѣтъ фонетическихъ основаній для видоизмѣненія родового окончанія средняго рода на женскій родъ. Если же тѣмъ не менѣе смѣна совершается и въ этомъ случаѣ, то, слѣдовательно, народъ утратилъ изъ своего сознанія формы средняго рода; иначе онъ сказалъ бы „жытье плахоя", а не „жытье плахáя". Во 2-хъ, смѣшеніе основъ средняго рода съ основами рода женскаго не ограничивается однимъ именительнымъ падежомъ — оно перешло и въ косвенные падежи. Чаще всего смѣшеніе въ косвенныхъ падежахъ наблюдается въ винительномъ падежѣ, который для существительныхъ средняго рода принимаетъ форму вин. пад. женскаго рода, напр.: путяшествію вяликаю ты задумалъ (Олень-Колодезь Коротояц. у.), купилъ бальшýя памѣстью, маю серцу пранзила (Бобров. у.), зрю на сонцу — ана висакó (Задонскій у.), вышалъ у чистаю полю (Землян. у.), въ шырокаю раздолью (Павлов. у.), зернушку (в. п.) [1]. Рѣже смѣшеніе основъ средняго рода съ основами женскаго рода наблюдается и въ другихъ косвенныхъ падежахъ, кромѣ винительнаго, напр.: не зналъ я Ґори, ни нужды (Рогачевка Вор. у.) — „гори", какъ форма род. пад., предполагаетъ основу жен. рода въ родѣ пуля; онъ принялси лѣсть да нёбе"(ѣ) — отъ нёба" род. пад.:

---

[1] Вор. Юб. Сборн., стр. 606.

звукъ *е* близкій къ *и*, здѣсь вслѣдствіе смѣшенія род. и дат. падежей въ существительныхъ женскаго рода, о чемъ будетъ рѣчь въ отдѣлѣ морфологіи; „пакрыта каньёвай адялай“ — и прилагательное и существительное стоятъ въ формѣ творит. пад. женскаго рода; на јэтай древи сидить птица-пава (Клеповка Павлов. у.) — мѣстоименная форма „јэтай“ показываетъ, что говорящій сознаетъ слово „древа“ не какъ только фонетическое видоизмѣненіе „древо“, но вполнѣ какъ существительное женск. рода.

Наконецъ, по поводу того же вопроса замѣтимъ, что формальная сторона дѣла не можетъ еще имѣть рѣшающаго значенія; хотя приведенные нами факты говорятъ противъ мнѣнія Потебни, но они сами по себѣ не опровергаютъ еще этого мнѣнія вполнѣ: извѣстно, напримѣръ, что по отношенію къ флексивной формѣ родит. мн. числа основы женскаго рода очень часто смѣшиваются съ основами рода мужескаго, принимая окончаніе послѣднихъ (рыбафъ, пѣсняфъ и др.), но изъ этого еще не слѣдуетъ, что основы женскаго рода утратились изъ сознанія народа; эти основы, какъ извѣстно, продолжаютъ еще существовать и сознаются именно какъ основы женскаго рода, а не мужескаго. Здѣсь дѣло не въ формѣ, а въ томъ, какъ самъ народъ относится къ этой формѣ, какъ онъ её воспринимаетъ. Разсуждая съ этой точки зрѣнія, съ мнѣніемъ Потебни нельзя согласиться. Можетъ быть, въ болѣе раннюю пору аканья къ тѣмъ фонетическимъ видоизмѣненіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, народное сознаніе относилось только какъ къ фонетическимъ видоизмѣненіямъ основъ средняго рода, не забывая въ то же время ихъ отличія отъ основъ женскаго рода. Но съ теченіемъ времени это разграниченіе, съ формальной стороны не обоснованное, стало постепенно теряться изъ народнаго сознанія и въ настоящее время совершенно исчезло въ воронежской и рязанской рѣчи и, вѣроятно, во всей южно-великорусской группѣ говоровъ. По крайней мѣрѣ, изъ непосредственнаго наблюденія надъ народной рѣчью и вообще изъ близкаго знакомства съ на-

родомъ и постояннаго съ нимъ обращенія я не вынесъ въ этомъ отношеніи ничего, что бы могло оправдать упрекъ, сдѣланный Потебнею Далю: въ народномъ сознаніи утратилось совершенно представленіе о среднемъ родѣ, тогда какъ женскій и мужескій родъ сознаются и различаются, хотя и здѣсь дѣло идетъ къ смѣшенію.

г) Какъ въ именахъ существительн. подъ вліяніемъ аканья произошло смѣшеніе основъ женскаго и средняго рода, поведшее къ исчезновенію послѣднихъ изъ народнаго сознанія, такъ и въ спряженіи, благодаря тому же вліянію, произошло смѣшеніе нѣкоторыхъ формъ основъ на *-о — -е* (*-jo — -je*) съ основами на *-и*, именно нѣкоторыя формы отъ основъ перваго рода смѣшались съ формами основъ второго рода. Смѣшеніе началось съ 3-го лица единств. числа. Тематическое *е*, слѣдующее за удареніемъ и прикрытое личнымъ окончаніемъ, какъ видѣли выше (§ 4), измѣняется не въ *я*, а въ *и*, очевидно, подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго звука, такъ какъ окончаніе *-тъ* 3 л. ед. ч. въ воронежскихъ говорахъ звучитъ всегда мягко [1]). Такимъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда тематическій звукъ стоитъ не подъ удареніемъ и прикрытъ окончаніемъ *-тъ*, форма 3-го лица ед. числа глаголовъ перваго рода совпадаетъ съ тою же формою глаголовъ съ основой на *-и*. Изъ 3-го лица, гдѣ совпаденіе обусловливается мягкостью слѣдующаго согласнаго звука, оказывающей вліяніе въ смыслѣ суженія гласнаго звука (*е* въ *и*), совпаденіе перешло и въ другія формы глаголовъ разсматриваемаго спряженія, хотя тамъ это условіе отсутствуетъ; такимъ образомъ подъ вліяніемъ формъ „посылаить, ѣдить“ и др., развившихся фонетическимъ путемъ, явились аналогичныя имъ формы „знаишъ, грѣишъ, запл’ашим“ и др., т.-е. произошло смѣшеніе формъ глаголовъ даннаго спряженія съ формами глаголовъ съ основами на *-и*, при чемъ въ силу фонетическихъ причинъ возобладали послѣднія формы.

---

[1]) „Лекціи“ Брандта, стр. 7.

§ 7. Измѣненія звука *о*, не связанныя съ явленіемъ аканья.

а) Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, звукъ *о* бываетъ двоякій: широкій, открытый, и узкій, закрытый. Являясь открытымъ, звукъ *о* приближается къ *а* и даже совпадаетъ съ нимъ; примѣры подобнаго совпаденія *о* и *а* видѣли мы въ явленіи аканья. Являясь закрытымъ, звукъ *о* падаетъ, суживается и приближается къ *у*, иногда совпадая съ нимъ. „Спорадическіе случаи смѣны *о* на *у* не чужды древне-русскому языку. Уже въ XI ст. они встрѣчаются, проявляясь изрѣдка и въ слѣдующіе вѣка“ [1]). Въ настоящее время суженіе *о* въ *у* знаютъ въ большей или меньшей степени всѣ русскіе говоры: особенно часто это явленіе наблюдается въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ [2]), извѣстно оно отчасти говорамъ бѣлорусскимъ [3]) и изрѣдка наблюдается въ малорусской группѣ говоровъ [4]). Въ южно-великорусской группѣ говоровъ суженіе *о* въ *у* также извѣстно: „изрѣдка *о* неударяемое, замѣчаетъ Потебня про южно-великорусскіе говоры, падаетъ до *у*“ [5]). Что касается Воронежской губерніи, то она въ этомъ отношеніи не подходитъ подъ опредѣленіе Потебни: суженіе *о* въ *у* наблюдается здѣсь гораздо чаще, чѣмъ можно полагать на основаніи словъ Потебни, и объясняется, можетъ быть, близкимъ сосѣдствомъ съ малорусскими говорами, а вѣрнѣе—вліяніемъ сѣверно-великорусскаго говора, представители котораго, какъ извѣстно, существуютъ

---

[1]) „Обзоръ“ Колосова, стр. 104.

[2]) „Два изслѣдованія“ Потебни, стр. 76; „Обзоръ“ Колосова, стр. 101—104.

[3]) „Обзоръ“ Карскаго, стр. 55.

[4]) „Два изслѣдованія“ Потебни, стр. 100—101, 108—109, 113—114; „Лекціи“ Соболевскаго, стр. 58—59.

[5]) „Два изслѣдованія“, стр. 61.

въ Воронежской губерніи. Это послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ на томъ основаніи, что въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ суженіе *о* въ *у* — явленіе болѣе частое и правильное въ сравненіи съ малорусскими говорами.

Примѣры суженія *о* въ *у* для Воронежской губерніи приводитъ уже Потебня: порусъ (порозъ, быкъ), съ палкуй [1]); къ нимъ добавимъ еще слѣдующіе: музоль — музлы, музель (*е* на мѣстѣ *о*, вѣроятно, подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной, хотя непонятно, почему въ одномъ случаѣ *о*, въ другомъ *е* при тѣхъ же условіяхъ). рѣже встрѣчается „мазлы" безъ суженія *о* въ *у*, но съ отвердѣніемъ *л*; урабѣла (Козловка Бобровск. у.), суюзникъ, сусѣтка, хотя и сасѣтка (Можайскъ Вор. у.), сусѣди (Московское Вор. у.), Крутаякъ, Крутаяцкаго = г. Коротоякъ (Бобров. и Коротояц. уу.), дохтуръ, но и дохтаръ, только всегда съ мягкимъ *р*, дилехтуръ (Гнилуша Павлов. у.), супротивъ тебя, супротивникъ [2]), въ злёнумъ садочькю (Рогачевка Вор. у.), зилянёхунякъ (Троицкое Новохопер. у.), на́ гуру, за́ нугу, по́ нусу видна, голуву, йиму поруху ни выдумать [3]); сумлѣнья — сумляватца (= литер. сомнѣваться, но усумниться и усомниться, ст.-славян. оусѫмьнѣтися). Въ словахъ „на гуру...", взятыхъ мною изъ Воронежскаго Этнографическаго Сборника, *у* на мѣстѣ *о* можно разсматривать не какъ результатъ суженія *о*, а какъ звукъ, явившійся на мѣстѣ *о* вслѣдствіе ассимилирующаго вліянія слѣдующаго звука *у*; а въ словахъ „сусѣтка, сусѣди, супротивъ, супротивникъ" *у*, на мѣстѣ литературнаго *о*, представляетъ удержаніе старины: первая часть этихъ словъ находится въ связи съ сѫ-, т.-е. *у* явилось на мѣстѣ др.-славянскаго ѫ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ суженіе *о* въ *у* наблюдается въ слогахъ безударныхъ, что вполнѣ совпадаетъ

---

[1]) „Два изслѣдованія" Потебни, 61 стр.

[2]) „Сказки" Аѳ., V, 137; I, 148 стр.

[3]) Вор. Этн. Сбор., 233, 128, 262, 134 стр.

съ замѣчаніемъ Потебни относительно суженія *о* въ *у* въ южно-великорус. говорахъ; но рѣже суженіе *о* въ *у* въ воронежской рѣчи наблюдается и въ слогахъ ударяемыхъ, напр.: картýшекъ-картýшекъ! (такъ обыкновенно выкрикиваютъ въ г. Воронежѣ продавцы картофеля, крестьяне ближайшихъ уѣздóвъ, т.-е. Воронежскаго, Землянскаго и Нижнедѣвицкаго), хушь, но и хопь (Бобров., Новохопер. уу.), хуть, хуч, хуш [1]), раздулья (Козловка Бобров. у.), Јикануръ, ласкательно Канура, Канурка—звучитъ такъ во многихъ мѣстахъ Бобров. и Новохопер. уу., встрѣчается и Никануръ. Относительно начальнаго *j*, явившагося на мѣстѣ звука *н* въ словѣ Никаноръ (Јиканур), можно допустить слѣдующее: звукъ *н*, какъ и *j*, въ этомъ словѣ поняты какъ приставные звуки; для звука *н*, какъ приставного, аналогичною формою могла послужить форма мѣстоименія 3-го лица, которое въ косвенныхъ падежахъ послѣ предлоговъ получаетъ призвучный звукъ *н* — у него, съ ней и т. д. По аналогіи съ этими случаями, гдѣ *н* не является органическимъ, народъ и въ словѣ Никаноръ могъ истолковать звукъ *н*, какъ призвучный, неорганическій; а понявъ такимъ образомъ, затѣмъ онъ могъ этотъ сравнительно рѣдкій приставной звукъ замѣнить другимъ, болѣе распространеннымъ, именно звукомъ *j*, который очень часто является призвучнымъ въ началѣ словъ передъ гласнымъ звукомъ (объ этомъ ниже).

б) Не менѣе распространеннымъ въ Воронежской губерніи является переходъ звука *о* въ *и*. Эта черта извѣстна и рязанскому нарѣчію, но тамъ она является слишкомъ рѣдко [2]); въ воронежскихъ же говорахъ ее приходится наблюдать довольно часто, напр.: Кистянтинъ = Константинъ (Новохопер. и Бобров. уу.), приталинка = проталина (Гальское Новохопер. у.), бисикомъ, бисичинамъ

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 248 стр.

[2]) „Къ діалектологіи" Будде, стр. 40.

=босикомъ (Павлов. и Бобров. уу.), диричькяфъ (Верхній Икорецъ Бобров. у.); слово „сколько“ является очень часто и въ разныхъ мѣстахъ въ формѣ „скольки“, хотя такою же распространенностью пользуется и другая форма того же слова „сколькя“, тоже самое нужно замѣтить и относительно „столько“ и „только“; послѣднее слово и въ сказкахъ Аѳанасьева имѣетъ форму „тольки“ [1]); пустишъ = пустошь (Бобровск., Коротояц. уу.), Бирьсихлѣпскъ = Борисоглѣбскъ (городъ Тамбов. губ.), горькій слязой = горькой слязой (Козловка Бобров. у.). Въ селѣ Сергѣевкѣ Бобровскаго у., какъ было уже замѣчено въ введеніи, одна часть жителей, переселившаяся сюда изъ с. Анны того же уѣзда, въ предлогахъ *об-* и *от-* мѣняетъ звукъ *о* на *и*, напр.: иддадуть, итяжжая, итправилась, итвяжись, итрадушки, иблястил, йибманул, ибманшик, иб акошка и др. [2]).

Объяснить эту мѣну *о* на *и* трудно, но, кажется, для звука *и* изъ *о* можно допустить посредствующую ступень со звукомъ *ъ*, который въ слогахъ безударныхъ, преимущественно въ 3-мъ слогѣ къ началу отъ ударенія и въ слѣдующемъ за удареніемъ закрытомъ слогѣ является иногда на мѣстѣ *о* въ воронежской рѣчи (см. § 3). Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, за исключеніемъ „сколько, столько, только“, звукъ *о* является въ этихъ именно положеніяхъ. Затѣмъ могло послѣдовать смѣшеніе звуковъ *ъ* и *и*, что наблюдается въ другихъ случаяхъ, или же появленіе *и* на мѣстѣ *ъ=о* могло произойти подъ вліяніемъ мягкаго задне-небнаго, а иногда и другого согласнаго звука, какъ, напр., въ словахъ: „Кистянтинъ, бисикомъ, Бирьсихлѣпскъ“, въ которыхъ *ст*, *с* и *р* являются мягкими звуками, такъ же, какъ и въ словахъ „сколько, столько, только“, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первомъ случаѣ вліяніе идетъ со стороны

---

1) „Сказки“ Аѳ. V, 114 стр.

2) Вор. Юб. Сбор., 616, 612, 610, 607, 602 стр.

слѣдующаго звука, въ послѣднемъ — со стороны предыдущаго. Но какъ бы ни объяснять измѣненіе *о* въ *и*, это измѣненіе во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ выдающеюся чертою малорусскаго вокализма — измѣненіемъ *о* въ *і* (сжатіе). Послѣдняя мѣна съ тѣмъ характеромъ, какой она носитъ въ малорусскомъ нарѣчіи, чужда всему великорусскому нарѣчію [1]).

в) На ряду съ переходомъ *о* въ *и* изрѣдка встрѣчается мѣна *о* на *ы*, съ тѣмъ только различіемъ, что эта мѣна наблюдается въ случаяхъ ударяемости звука *о*; примѣровъ для этой мѣны немного: фъ помыи = въ помои (Кисляй Павлов. у.), шты=што (Танцыреи Новохопер. у.), ишшы [2]) = ишшо = еще, кыль = коль (Козловка Бобр. у.), аткыль (на ряду съ этой формой и даже чаще употребляются „аткуль" и „аткель"), выеиъ, пыеиъ, крыеиъ, мыеиъ (Красный Логъ Ворон. у., ср. „Обзор" Колосова, 98 стр.).

Въ послѣднихъ словахъ-глаголахъ появленіе *ы* на мѣстѣ литературнаго *о* можно объяснять, какъ остатокъ древне-русскихъ формъ этихъ глаголовъ, которыя и въ настоящее время продолжаютъ существовать, напр., въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ [3]); къ нимъ по корню тѣсно примыкаетъ и слово „помыи", стоящее въ связи съ „мыеть" и сохранившее звукъ *ы*, очевидно, отъ эпохи древне-русскаго языка. Что касается появленія *ы* на мѣстѣ *ó* въ другихъ приведенныхъ примѣрахъ, то болѣе или менѣе удовлетворительно объяснить его можно, кажется, слѣдующимъ образомъ: слова „коль, што и ишшо", имѣющія удареніе обыкновенно на звукѣ *о*, могутъ попадать въ положеніе энклитическихъ частицъ и въ такомъ случаѣ передавать свое удареніе другому слову; безударное же *о*, какъ извѣстно, можетъ измѣняться

---

[1]) „Обзор" Колосова, 105 стр.

[2]) Вор. Этн. Сбор., 263 стр.

[3]) „Два изслѣдованія" Потебни, 59 стр.

въ воронежскихъ говорахъ въ *ъ*. Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ словахъ звукъ *о* могъ измѣниться въ *ъ*, какъ звукъ не имѣющій на себѣ ударенія, напр.: кыль-э̆такая дѣла (Козловка Бобров. у.), мы́-ишшы ничяh͡о ня зна́имъ (Гвазда Павлов. у.). По аналогіи съ этими случаями смѣны *о* на *ъ*, имѣющими за собою основаніе, та же смѣна могла проникнуть въ слова „коль, што, ишшо" и въ томъ случаѣ, когда они удерживаютъ удареніе на звукѣ *о*, т.-е когда они не являются энклитическими частицами; а въ словѣ „аткыль" *ъ* на мѣстѣ ударяемаго *о* могло развиться уже по аналогіи съ „кыль".

г) Наконецъ на мѣстѣ звука *о* ударяемаго и безударнаго въ воронежскихъ говорахъ является иногда звукъ *е*. Въ этомъ отношеніи воронежскіе говоры не представляютъ исключенія изъ ближайше-родственныхъ имъ южно-великорусскихъ говоровъ: смѣна *о* на *е* извѣстна въ Курской, Орловской и Калужской губерніяхъ, примѣры для которыхъ приводятся въ „Двухъ изслѣдованіяхъ" Потебни [1]). Эта смѣна „распространяется на *-ой* въ родит. и предложн. падежахъ прилагательныхъ женскаго рода" [1]), а также на дательный и творительный падежи тѣхъ же прилагательныхъ, напр.: какей вады, у добрей сусѣтки, бизъ адней (Можайскъ Вор. у.), слязой горькей, горькею слязой, горькей сиратѣ [2]). Въ корнѣ смѣна *о* на *е* встрѣчается еще рѣже; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстны случаи смѣны *о* на *е* только въ словахъ: штепъ = чтобы (штепъ тебе аhни выжhли—Титовка Земл. у.), аттеля (Троицк. Земл. у.), аткеля, аттеля (Новохоп. у.), музель = музоль, упевать = уповать (Танцыреи Новохоп. у.) и Нестеръ = Несторъ; послѣднее слово, впрочемъ, встрѣчается и въ формѣ „Нестёръ", т.-е. съ перенесеніемъ ударенія на конечный гласный звукъ *е*, который подъ удареніемъ расширился въ *ё* (Поворино

---

1) „Два изслѣдованія" Потебни, стр. 59.
2) Вор. Юб. Сбор., 616, 603 стр.

Новохопер. у.); со звукомъ *е* на мѣстѣ *о* это слово извѣстно было уже древне-русскому языку: въ XIV в. Несторъ звучало какъ Нестеръ [1]).

Кромѣ южно-великорусскихъ говоровъ, смѣна *о* на *е* извѣстна и въ другихъ говорахъ, именно въ сѣверно-великорусскихъ, гдѣ она наблюдается въ концѣ слова и отчасти въ срединѣ [2]), и въ бѣлорусскихъ, въ которыхъ *е* является на мѣстѣ *о* = *ъ* въ формѣ прилагательныхъ мужескаго и средняго рода въ именит. пад., также въ род. женскаго рода и въ началѣ собственныхъ именъ [3]). Но объяснить это явленіе болѣе или менѣе удовлетворительно—не беремся; очевидно только, что фонетическимъ путемъ смѣны *о* на *е* объяснить нельзя. Для нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ мѣны *о* на *е*, именно для формъ прилагательныхъ, можно допустить образованіе по аналогіи; именно: „какей, бизъ адней, у добрей" явились по аналогіи съ „маей, твaей" [4]); но для другихъ примѣровъ нѣтъ никакихъ аналогичныхъ образованій, подъ вліяніемъ которыхъ они могли бы измѣнить ударяемое *о* на *е*.

§ 8. Измѣненія звука *е*, не связанныя съ явленіемъ аканья.

а) Какъ звукъ *о* переходитъ въ *у*, такъ звукъ *е* иногда замѣняется звукомъ *у* съ предыдущей мягкостью согласнаго (*ю*); примѣровъ для этого наберется немного: за руч*ю*нькю, ден*ю*шка, нас*ю*рьёзна (= серьезна), вс*ю*пяшная (Козловка Бобров. у.); послѣднее слово въ той же формѣ встрѣчается во многихъ мѣстахъ. Замѣну *е*

---

1) „Очеркъ" Колосова, стр. 104.

2) „Обзор" Колосова, 69 стр.

3) „Два Изслѣдованія" Потебни, 59 стр.; „Обзоръ" Карскаго, 34, 47 стр.

4) Ibid.

на *у* съ предшествующею твердою шипящею нужно видѣть въ словахъ: свашу́нькя (во многихъ мѣстахъ), ножу́ньки, дарожу́ньки (Московское Ворон. у.). Какъ смотрѣть на эту замѣну звука *е* звукомъ *ю*—не знаю. Можетъ быть, это явленіе можно разсматривать какъ параллельное суженію *о* въ *у*? Для слова всюняшная", съ замѣною *е* на *ю*, можно, правда, представить другое объясненіе: звукъ *ю* вмѣсто гласнаго *е* могъ явиться здѣсь подъ вліяніемъ формы винит. пад. женскаго рода мѣстоименія весь — всю.

б) На мѣстѣ звука *е* безударнаго часто въ воронежскихъ говорахъ является звукъ *а*; одинъ разъ этотъ звукъ является какъ бы на мѣстѣ *е* ударяемаго; напр.: т*а*перь, к*а*расинъ, П*а*лагея, Г*а*расимъ, *А*лёна, *А*хремъ, С*а*вастьянъ, *А*мальянъ, *а*лей, влад*а*ть — влад*á*йтя. Въ послѣднемъ примѣрѣ звукъ *а* является на мѣстѣ ожидаемаго *ѣ* ударяемаго; въ объясненіе этой смѣны, непонятной съ фонетической точки зрѣнія, можно съ вѣроятностью предположить, что „владать — владайтя", вытѣснившія совершенно „владѣть—владѣйте", явились по аналогіи съ такими словами того же корня, въ которыхъ звукъ *а* является постояннымъ, т.-е. по аналогіи, напр., съ „обладать—обладайте", гдѣ постоянно является звукъ *а*, этотъ звукъ былъ занесенъ и въ слово „владѣть—владѣйте" и и вытѣснилъ изъ него звукъ *ѣ*.

Что касается смѣны безударнаго *е* на *а*, то въ различныхъ словахъ она объясняется различно. Въ собственныхъ именахъ съ начальнымъ *а* = *е* это *а* можно объяснять изъ безударнаго *о*, которое въ др.-русскомъ языкѣ являлось въ началѣ словъ на мѣстѣ ѥ, т.-е. для словъ „Алёна, Ахремъ" и друг. можно предположить ступень: *е—о—а*. Въ словахъ же „карасинъ", „Палагея", „Гарасимъ", „Савастьянъ", изъ которыхъ послѣднія три въ той же формѣ извѣстны древне-русскому языку [1]), смѣ-

[1]) Рус. Фил. Вѣст. 1893 г., № 1, стр. 24.

ну *е* на *а* можно объяснять, какъ результатъ ассимилирующаго вліянія слѣдующаго слога со звукомъ *а*; примѣры подобной ассимиляціи мы видѣли выше на звукѣ *о*. Наконецъ въ словѣ „таперь", которое не подходитъ ни подъ одно изъ приведенныхъ объясненій, звукъ *а* на мѣстѣ *е* обязанъ своимъ происхожденіемъ древне-русской формѣ этого слова, которая являлась съ звукомъ *о*, а не *е*; звукъ же *о* въ предударномъ слогѣ совершенно правильно, съ точки зрѣнія фонетики акающихъ говоровъ, измѣняется въ *а*.

в) Въ нѣсколькихъ словахъ на мѣстѣ ударяемаго *е* (= *е* и *ѣ*) является звукъ *и*; эти слова слѣдующія: дивярь, дравицъ, ракита = ракета, вить = вѣдь, пависила, пависилси, надайисть, узрила, узрить, јисть, јишъ, по ѣмъ, ядять—ядя. За исключеніемъ „ракита" и „пависила" — словъ, представляющихъ мѣстное явленіе въ отношеніи смѣны звука *е* на *и*, всѣ остальные случаи этой смѣны встрѣчаются почти повсемѣстно. Смѣна звука *е* на *и* извѣстна не только въ современныхъ воронежскихъ говорахъ, но и въ древней воронежской письменности, гдѣ мы встрѣчаемъ: „не съ кимъ, больши [1]), въ той же слободки, въ закроми четыре чети ржи, презрилъ [2]), вновь истроить келишакъ печимъ" [3]). Въ приведенныхъ изъ историческихъ актовъ примѣрахъ звукъ *и*, какъ видимъ, является на мѣстѣ *е* = *е* и *ѣ* ударяемаго и безударнаго. Появленіе *и* на мѣстѣ *е* безударнаго — черта, свойственная всѣмъ акающимъ говорамъ въ большей или меньшей степени, имѣющая мѣсто, какъ видѣли выше, и въ современныхъ воронежскихъ говорахъ; но переходъ *ѣ* ударяемаго въ *и* — эта черта свойственна только сѣверновеликорусскимъ говорамъ и малорусскимъ, между тѣмъ она встрѣчается въ воронежск. акающемъ говорѣ, равно

---

[1]) „Матеріалы", стр. 374, 325, 322; въ больши можетъ быть и морфологическое явленіе.

[2]) „Воронежскіе Акты", стр. 204, 209, 211, 259.

[3]) „Древніе Акты", стр. 22, 42.

какъ и въ рязанскомъ [1]). Какъ смотрѣть на это явленіе? Объяснять смѣну *ѣ* на *й* въ воронежскихъ говорахъ вліяніемъ сѣверно-великорусскихъ или малорусскихъ говоровъ нѣтъ необходимости, да и нѣтъ основанія, потому что еслибы эта черта воронежскаго вокализма появилась подъ постороннимъ вліяніемъ, та она развилась бы въ большихъ размѣрахъ, наблюдалась бы чаще; на самомъ же дѣлѣ смѣна *ѣ* на *й* ограничивается только немногими случаями: вить, пависила, узрила, јисть. Нѣтъ также основанія принимать для воронежскихъ говоровъ то объясненіе, которое предлагаетъ г. Будде. Послѣдній предполагаетъ въ отношеніи слова „јисть" (3 л. ед. ч.), что *й* явилось на мѣстѣ *ѣ* вслѣдствіе стремленія различить форму 3-го лица ед. ч. отъ формы неопредѣленнаго наклоненія, которая въ рязанской рѣчи является со звукомъ *ѣ*(ѣсть); появившись въ 3-мъ лицѣ на мѣстѣ *ѣ*, звукъ *и* отсюда затѣмъ перешелъ во 2-е лицо — јишь [2]). Это объясненіе г. Будде, страдающее натяжкой, непримѣнимо къ воронежскимъ говорамъ, потому что въ нихъ обѣ формы, и форма 3-го лица ед. ч. и форма неопредѣленнаго наклоненія, тождественны въ звуковомъ отношеніи; слѣдовательно, о стремленіи къ различенію этихъ формъ не можетъ быть рѣчи.

Съ большею или меньшею вѣроятностью для воронежскихъ говоровъ можно допустить слѣдующее объясненіе смѣны *ѣ* на *й*. Звукъ *ѣ*, какъ извѣстно, уже къ концу XII в. утратилъ свое особое произношеніе, которое онъ несомнѣнно имѣлъ, и смѣшался въ большинствѣ русскихъ говоровъ съ звукомъ *е* [3]). Совпавъ съ послѣднимъ, *ѣ* несетъ ту же судьбу, что и звукъ *е*, который, какъ мы видѣли, въ силу физіологическихъ причинъ, т.-е. вслѣдствіе одинаковыхъ почти условій образованія, совпадаетъ иногда съ звукомъ *и*, какъ, напр., въ словахъ „ди-

---

1) „Къ діалектологіи" Будде, стр. 33—37.
2) Ibid., стр. 34.
3) „Лекціи" Соболевскаго, стр. 60.

вярь, дравицъ, ракита“. Сверхъ того на совпаденіе *ѣ* съ *и* въ словахъ „вить“ и „јисть“ могла оказать вліяніе мягкость слѣдующаго согласнаго звука, подъ вліяніемъ которой гласный звукъ, какъ извѣстно, суживается [1]); тоже можно предположить и относительно остальныхъ словъ съ *и́* = *ѣ́* съ тою лишь оговоркою, что въ нихъ *и* на мѣстѣ *ѣ* явилось первоначально въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія (узрить) и отсюда затѣмъ перешло и въ другія формы, хотя здѣсь звукъ *ѣ* не попадалъ въ положеніе передъ мягкимъ согласнымъ. Впрочемъ, въ словахъ „узрила, узрить“ съ *и* = *ѣ* можно видѣть „распространеніе по аналогіи типа *-ишь — -ить* насчетъ типа *-ишь — -ѣть*“ [2]), т.-е. можно полагать, что по аналогіи съ „любишь — любить, хвалишь — хвалить“ и др. развилось „узрить“, такъ какъ во 2-мъ лицѣ глаголы того и другого типа совпадаютъ.

г) Находясь подъ удареніемъ, звукъ *ѣ* въ нѣсколькихъ словахъ повсемѣстно измѣняется въ *я*; этихъ словъ немного: скоря́я [3]), нафстря́чъ, апасля́ — пасля́, акрамя́. „Этотъ звукъ *а* (съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ) неясенъ по образованію“ [4]), особенно въ словахъ „апасля, акрамя“. Въ объясненіе ихъ можно предположить, что они являются формами третичными; секундарными формами являются формы съ удареніемъ на второмъ отъ конца слогѣ. Въ этихъ формахъ (по́сля, кро́мя) *я* на мѣстѣ *ѣ* — явленіе законное въ акающихъ говорахъ (см. § 4, д); изъ этихъ формъ съ удареніемъ на второмъ отъ конца слогѣ звукъ *я* затѣмъ былъ перенесенъ и въ формы „апасля́, акрамя́“, съ удареніемъ на концѣ, или — вѣрнѣе — въ болѣе древнихъ „кромя, посля“, развившихся фонетически-правильно изъ „кромѣ, послѣ“, позднѣе народъ передвинулъ удареніе на конеч-

---

[1]) „Фонетика“ Богородицкаго, стр. 143.

[2]) Ibid., стр. 144.

[3]) Вор. Литер. Сборн., стр. 273.

[4]) „Лекціи“ Соболевскаго, стр. 66.

ный слогъ, сохранивъ и подъ удареніемъ *я* = *ѣ* [1]). Что касается другихъ случаевъ смѣны *ѣ́* на *я́*, то въ словѣ „скоря́я“ ее нужно разсматривать какъ результатъ регрессивной ассимиляціи, т.-е. *ѣ* ассимилировалось съ слѣдующимъ *я*, явившимся здѣсь фонетически-правильно изъ *е* въ конечномъ открытомъ и неударяемомъ слогѣ [2]). Въ словѣ же „нафстрячъ“ смѣну *ѣ* на *я* можно объяснять какъ слѣдствіе ложной аналогіи: въ другихъ случаяхъ въ томъ же корнѣ на мѣстѣ *ѣ* является *я* въ предударномъ слогѣ, напр., „фстрячя́ть“; отсюда *ѣ* перешло и въ слово „нафстря́чъ“, хотя здѣсь звукъ *ѣ* стоитъ подъ удареніемъ.

д) Въ двухъ словахъ на мѣстѣ ожидаемаго *е* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ звукъ *о*; эта замѣна извѣстна въ словахъ „робятъ“ и „попелъ“ и не составляетъ исключительной особенности воронежскихъ говоровъ: ее знаютъ въ тѣхъ же словахъ сѣверно-великорусскіе говоры [3]) и въ словѣ „попелъ“ бѣлорусскіе [4]).

е) Въ словѣ „кацыли“ = качели на мѣстѣ *е* ударяемаго является звукъ *ы* (Козловка Бобров. у.). Но это явленіе не представляетъ ничего новаго въ сравненіи съ разсмотрѣнною уже смѣною *е* на *и*; здѣсь только подъ вліяніемъ твердаго звука *ц* звукъ *и* измѣнился въ *ы*.

ж) Заканчивая обозрѣніе измѣненій звука *е*, замѣтимъ еще о его расширеніи въ *о* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j* (*ё*). Это расширеніе въ воронежскихъ говорахъ имѣетъ мѣсто при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ это явленіе совершается во всей южно-великорусской группѣ говоровъ, именно въ случаѣ ударяемости звука *е*, стоящаго послѣ мягкаго согласнаго или *j* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Но отъ

---

[1]) По мнѣнію другихъ, *я* въ подобныхъ словахъ обязано вліянію дѣепричастій, какъ хваля́, неся́.

[2]) „Лекціи“ Соболевскаго, стр. 65—66.

[3]) „Обзор“ Колосова, стр. 69.

[4]) „Обзоръ“ Карскаго, стр. 33.

этого общаго правила въ воронежскихъ говорахъ иногда встрѣчаются отступленія, о которыхъ собственно мы и хотимъ говорить.

Какъ исключеніе, расширеніе *е* въ *о* наблюдается прежде всего иногда въ томъ случаѣ, когда звукъ *е* не имѣетъ на себѣ ударенія; это расширеніе имѣетъ мѣсто въ формахъ имепит.-винит. падежей именъ существительпыхъ и прилагательпыхъ средняго рода, напр.: па праваё плячо, па маю бѣлаё лицо (Поворипо Новохопер. у.), заядипаё (Рогачевка Вор. у.), каме́ньё [1]), горё великаё (Красный Логъ Вор. у.), паратнаё, бѣлаё [2]), сюда же можно отнести „пьянёшенёкъ" (Московское Вор. у.) [3]). Съ точки зрѣнія акающихъ говоровъ эти случаи расширенія *е* въ *о* (*ё*) необъяснимы: всякое безударное *е* въ слѣдующемъ за удареніемъ открытомъ слогѣ измѣняется въ *я*; слѣдовательно, на собственной почвѣ это явленіе въ воронежскихъ сильно-акающихъ говорахъ развиться пе могло, а можетъ быть объяснено только посторонпимъ вліяніемъ. Расширеніе *е* въ *о* (*ё*) не подъ удареніемъ и въ указанныхъ именно случаяхъ извѣстно бѣлорусскимъ [4]) и сѣверно-великорусскимъ говорамъ [5]); по о бѣлорусскомъ вліяніи на воронежскую рѣчь въ данномъ случаѣ да и вообще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ оно не имѣетъ для себя ни историческихъ, ни географическихъ основаній, а въ данномъ случаѣ сверхъ того и потому, что сами бѣлорусскіе говоры знаютъ эту

---

[1]) „Сказки" Аѳ., V, стр. 179.

[2]) Вор. Юб. Сбор., стр. 607.

[3]) Относительно противорѣчія, которое, повидимому, является при сопоставленіи этихъ случаевъ расширенія *е* въ *о* съ высказаннымъ выше (§ 6, в) положеніемъ объ исчезновеніи существительныхъ средняго рода въ воронежскихъ говорахъ, см. въ отдѣлѣ морфологіи.

[4]) „Обзоръ" Карскаго, 44 стр., ср. съ 32 стр.

[5]) „Обзор" Колосова, 73—74 стр.; „Два изслѣдованія" Потебни, 78 стр.; „Лекціи" Соболевскаго, 54—55 стр.

черту, какъ исключеніе. Другое дѣло — сѣверно-великорусскіе говоры: въ нихъ очень часто, если не всегда, наблюдается расширеніе *е* въ *о* (*ё*) въ разсматриваемыхъ формахъ; съ другой стороны представители этого говора, какъ мы уже замѣчали, существуютъ въ Воронежской губерніи, и, кромѣ того, по отношенію къ такимъ селамъ, какъ Можайскъ, Московское Вор. у. есть основаніе полагать, что раньше цуканы, встрѣчающіеся въ этихъ селахъ, и окали, и только съ теченіемъ времени подчинились совершенно вліянію акающаго говора: подобный процессъ, такъ сказать, перерожденія языка происходитъ и въ настоящее время: цуканы указанныхъ селъ постепенно переходятъ къ общему правильному произношенію звуковъ *ц* и *ч*, безъ смѣшенія ихъ. Слѣдовательно, приведенные выше случаи расширенія *е* въ *о* (*ё*) можно разсматривать или какъ остатокъ въ этихъ мѣстахъ бывшаго окающаго говора или же какъ результатъ вліянія на акающую рѣчь окающаго говора.

Точно также можно смотрѣть и на слѣдующіе немногочисленные случаи расширенія *ѣ* въ *о* (*ё*) (разумѣется, кромѣ извѣстныхъ всѣмъ южно-великорусскимъ говорамъ „гнѣзда, сѣдла“ [1]) . . .): рѣзвы (чит. рёзвы), пабѣхъ, аслѣпъ. Только сѣверно-великорусскіе говоры знаютъ расширеніе въ этихъ случаяхъ [2]). Впрочемъ, въ словѣ „аслѣпъ“ съ исторической точки зрѣнія расширеніе совершенно правильно, потому что написаніе *ѣ* (при древне-русскомъ *ъ* въ этомъ словѣ) неправильно [3]).

Какъ исключеніе, расширеніе *е* въ *о* (*ё*) въ воронежскихъ говорахъ допускается иногда въ словахъ, заимствованныхъ больше изъ ц.-слав. языка, въ которыхъ литературный языкъ не допускаетъ расширенія; сюда относятся слѣдующіе случаи: скука смёртная [4]), хрёстъ,

---

1) „Два изслѣдованія“ Потебни, 67 стр.

2) „Лекціи“ Соболевскаго, 57 стр.

3) Ibid.

4) „Сказки“ Аѳ., VII, 105 стр.

съ васкрёсным днемъ, въ пёби — да пёбѣ[к], тярёзвай (ср. „Лекціи“ Соболевскаго, 55—56 стр.).

Неправильно также расширеніе *е* въ *о* (*ё*) въ формахъ: маёй, тваёй, сваёй, всёй, даже къ нёй, съ нёй (Верейки Земл. у.), представляющихъ собою, за исключеніемъ послѣдней, повсемѣстное явленіе; также въ формахъ: идёть, несёть и др. Подробнѣе объ этихъ формахъ придется говорить въ отдѣлѣ морфологіи.

§ 9. Измѣненіе звука *а*.

а) Въ силу аканья звукъ *о* неударяемый въ акающихъ говорахъ совпадаетъ съ звукомъ *а* (см. § 3); слѣдовательно, коренное *а* имѣетъ ту же судьбу, что и вторичное *а*, получившееся изъ *о* въ безударномъ слогѣ. Въ слогахъ предшествующихъ ударенію и слѣдующихъ за нимъ открытыхъ, звукъ *а* коренной звучитъ ясно; отодвигаясь отъ ударенія далѣе къ началу или концу, звукъ *а* коренной можетъ являться или также чистымъ или болѣе глухимъ звукомъ, какъ и звукъ *а* вторичный, напр.: сы[а]маһó, ны баркáси, съ сымавáрамъ, зы варóты, зыһранишнай, ды папрадáлъ, ды пракúсъ и др.; даже въ предударномъ слогѣ иногда на мѣстѣ *а*, какъ рѣдкое и случайное исключеніе, является *ъ*, напр.: кыбы́ть = какъ будто (Гнилуша Земл. у.), кыкъ дѣ́фка („какъ“ теряетъ свое удареніе въ данномъ случаѣ, передавая его на слѣдующее слово, и составляетъ предударный слогъ).

Въ мѣщанскомъ говорѣ звукъ *а* безударный, независимо отъ его положенія по отношенію къ ударенію, преимущественно измѣняется въ *ъ*, какъ и звукъ *а* вторичный, напр.: щысьли́ф, чысóф, на чыйóк, пшинúцу, абы́чый, лóшыдьйу, трúцыть, рабóтыли, наварóчыл, нéкуды [1]) и др. Какъ видно изъ примѣровъ, звукъ *ъ* является на мѣстѣ *а* часто въ положеніи послѣ шипящихъ (передне-

---

[1]) Вор. Этн. Сбор., стр. 260, 213, 215, 257, 267, 230.

небныхъ) звуковъ въ предударномъ слогѣ. Будде отмѣчаетъ ту же черту и въ народныхъ рязанскихъ говорахъ [1]); но намъ, за исключеніемъ слова „жыке́тка", гдѣ *ы* является на мѣстѣ *а* при указанныхъ условіяхъ, другихъ словъ съ такимъ произношеніемъ не встрѣчалось: приведенные у Будде примѣры смѣны *а* на *ы* послѣ шипящихъ, кромѣ „жыкетка", являются въ воронежскихъ говорахъ или съ чистымъ *а*, напр.: лашаде́й, или же съ звукомъ, близкимъ къ *е*, т.-е. ша^е ли́ть, ча^е сы́ и др., но никогда съ *ы*.

б). Какъ звукъ *о* безударный, такъ и безударное *а* знаетъ замѣну звукомъ *и*, напр.: жыбату́=заботу (здѣсь *ы* = *и* послѣ твердаго шипящаго звука — Красный Логъ Ворон. у.), Низа́ръ = Наза́ръ (Поворино Новохопер. у.), за́фтрикать (Гвазда Павлов. у.; въ этомъ словѣ звукъ *и* собственно восходитъ къ древне-русскому *о* [2])), кинаре́йкя, паштильо́нъ (Бобров. у.), кампильо́нъ = компаніонъ (Бобров. и Земл. уу.), звенушкими. Можетъ быть, случаевъ смѣны *а* на *и*, какъ можно судить по послѣднему примѣру, больше, но намъ они не встрѣтились.

Не всѣ приведенные примѣры смѣны *а* на *и* имѣютъ одинаковую важность. Прежде всего слова „кампильонъ, паштильонъ"—иностранныя, приспособленіе которыхъ къ русской рѣчи въ народныхъ говорахъ совершается иногда съ сильными звуковыми видоизмѣненіями, имѣющими основаніе не въ фонетическихъ законахъ, а въ „народной этимологіи". Затѣмъ, въ словѣ „звенушкими" переходъ *а* въ *и*, очевидно, явленіе морфологическое, развившееся по аналогіи съ формою творительнаго пад. множ. числа прилагательныхъ мягкаго различія — синими (форма „звенушкими" не стоитъ, навѣрное, особнякомъ, а предполагаетъ цѣлый рядъ такихъ же формъ, развившихся подъ тѣмъ же вліяніемъ). Наконецъ, въ остальныхъ словахъ мѣну *а* на *и* нужно, вѣроятно, раз-

1) „Къ діалектологіи" Будде, стр. 33.
2) „Лекціи" Соболевскаго, стр. 71.

сматривать параллельно съ мѣною *о* на *и* (см. § 7), такъ какъ *о* и *а* въ слогахъ безударныхъ въ акающихъ говорахъ совпадаютъ въ одномъ звукѣ *а*.

в) Изрѣдка на мѣстѣ безударнаго *а* является звукъ *у*, напр.: въ кутухѣ́, пуути́на (но павутина), Сумаду́рофка = Самодуровка, или Орловка, куве́ркать, куве́ркатца. Фонетическимъ путемъ мѣну *а* на *у* объяснить довольно трудно: въ такомъ случаѣ пришлось бы предположить посредствующею ступенью отъ *а* до *у* форму со звукомъ *о*, что невозможно съ точки зрѣнія фонетики акающихъ говоровъ, знающихъ измѣненіе *а* въ *о* только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (см. § 6, а). Болѣе или менѣе удовлетворительно объяснить мѣну *а* на *у* можно, допустивъ въ приведенныхъ примѣрахъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, вліяніе ассимиляціи: подъ вліяніемъ звука *у*, находящагося въ сосѣднемъ слогѣ, а въ словѣ „Сумадурофка“ черезъ слогъ, *а* измѣнилось въ *у*, т.-е. ассимилировалось съ слѣдующимъ *у*; такимъ образомъ явились „въ кутухѣ́, пуути́на, Сумаду́рофка“; впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ мѣна *а* на *у* явилась, можетъ быть, вслѣдствіе народнаго перетолкованія этого слова.

г) Особенно замѣчательна почти повсемѣстная мѣна звука *а* ударяемаго на *е* въ положеніи послѣ шипящихъ звуковъ, извѣстная и рязанскимъ говорамъ. Эта мѣна происходитъ въ глаголахъ, которые въ ст.-славянскомъ языкѣ имѣли суффиксъ неопредѣленнаго наклоненія ē; но уже въ ст.-слав. яз. при встрѣчѣ съ ē задне-небные звуки подвергались переходному смягченію въ шипящіе, послѣ которыхъ ē удержаться не могъ, а расширялся въ *а*. Съ этимъ суффиксомъ эти глаголы перешли и въ литературный нашъ языкъ [1]); но въ воронежскихъ говорахъ, какъ и въ рязанскихъ, вмѣсто литературныхъ „пи-

---

[1]) „Лекціи“ Брандта, стр. 4; „Къ діалектологіи“ Будде, 31—32 стр.

щать, кричать" и др. являются эти глаголы съ суфф. *е*: стучѣ́ть — стучѣ́ла, пишшѣ́ть — пишшѣ́ла, адичѣ́ть, аплашѣ́ть, тряшшѣ́ть, жужжѣ́ть и друг. Происхожденіе этихъ формъ выясняется, если сопоставить неопредѣленное наклоненіе съ 3-мъ л. множеств. числа наст. вр., гдѣ звука *е* нѣтъ: пишшать, стучять, жужжать и др. Стремясь, очевидно, различить формы неопред. накл. и 3-го л. мн. числа, которыя, въ томъ случаѣ, если бы неопредѣленное наклоненіе имѣло суффиксъ *а*, совпадали бы въ звуковомъ отношеніи, — народъ измѣнилъ суф. *а* неопред. накл. на *е*, — имѣя для такого измѣненія основаніе въ аналогіи глаголовъ типа **горѣти—гориши**, какъ вялять — вялѣть, грямять — грямѣть, гдѣ чередованіе *а(я)—ѣ* совершенно правильно. Изъ неопред. накл. *е (ѣ)* былъ затѣмъ перенесенъ и въ другія формы.

д) Въ рѣдкихъ случаяхъ ударяемое же *а* переходитъ въ глухой *ъ*; примѣровъ этой мѣны немного: куды́, туды́, сюды́, тады́, кады́, тады́шній, хотя въ первыхъ пяти словахъ является и звукъ *а* — куда, сюда и т. д.

е) Наконецъ въ словѣ „крепи́вушка—крепи́ва" [1]) на мѣстѣ безударнаго *а* находимъ звукъ *е* (мнѣ это слово встрѣчалось также, но со звукомъ *я*—см. въ приложеніи L пѣсню). Хотя древняя форма этого слова является со звукомъ *о* [2]), но литературный языкъ, съ которымъ мы собственно сравниваемъ воронежскіе говоры, знаетъ это слово со звукомъ *а*; слѣдовательно, вопросъ здѣсь сводится къ замѣнѣ *а* звукомъ *е* (объ этомъ будетъ ниже, § 10).

§ 10. Измѣненія звука *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, т.-е. *я*.

„*Я*, будетъ ли оно коренное или образованное изъ **а**, въ слогахъ неударяемыхъ измѣняется въ *е* въ москов-

---

[1]) Вор. Юб. Сбор., 603 стр.
[2]) „Лекціи" Соболевскаго, 71 стр.

скомъ и въ *и* (изъ *е*) въ другихъ изъ южныхъ говоровъ" [1]). Такъ формулируетъ Потебня измѣненіе *я* въ южно-великорусской группѣ говоровъ. Но это его опредѣленіе, во-первыхъ, страдаетъ неполнотою и неточностью и, во-вторыхъ, неправильно, по крайней мѣрѣ, для воронежскихъ и рязанскихъ говоровъ. Въ послѣднихъ „произносится почти всегда ясно и чисто *я* и *а*, находящіяся въ слогѣ предъ ударяемымъ" [2]). Эта черта — „принадлежность акающаго говора" [3]). Подъ удареніемъ иногда звукъ *я* въ рязанскихъ говорахъ переходитъ въ *е* или *ё* [4]), но это измѣненіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ измѣненіемъ, о которомъ говоритъ Потебня.

Что касается воронежскихъ говоровъ, то они въ отношеніи измѣненія звука *я* не подходятъ вполнѣ къ опредѣленію Потебни, но и не совпадаютъ вполнѣ съ рязанскими говорами. Какъ и въ послѣднихъ, въ воронежскихъ говорахъ иногда находимъ на мѣстѣ *я* ударяемаго *е* или *ё*, напр.: паменим [5]) на прашшеньице, дитё, съ её руки [6]), отъ неё [7]), петь = пять (Гвазда и Клеповка Павлов. у.), апеть (во многихъ мѣстахъ), мечъ = мячъ (Коротояц. и Бобров. уу.), пляменникъ, пляменница [не со звукомъ *я*, развившимся въ послѣднихъ двухъ словахъ подъ вліяніемъ винит. пад. существительныхъ на *-мя*, какъ указываетъ Соболевскій [8])], пётнушка (Козловка Бобров. у.), на санёхъ, на лашадёхъ, у людёхъ и др. — формы мѣстнаго падежа, часто встрѣчаемыя въ Красномъ Логу Вор. у. Въ послѣднихъ формахъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ морфологическимъ, а не фонетическимъ,

---

1) „Два изслѣдованія" Потебни, 65 стр.
2) „Къ діалектологіи" Будде, 18 стр.
3) Ibid., 23 стр.
4) Ibid., 23—24 стр.
5) Вор. Юб. Сборн., 603, 610 стр.
6) Ibid., 602, 609, 607 стр.
7) „Сказки" Аѳ. V, 142 стр.
8) „Лекціи" Соболевскаго, 66 стр.

а потому и разсмотримъ ихъ въ отдѣлѣ морфологіи. Что же касается другихъ случаевъ смѣны *я* па *ё*, то эту смѣну нужно разсматривать какъ результатъ вліянія аканья (ср. выше § 6, б), а въ формѣ «её» звукъ *ё* могъ развиться на мѣстѣ литературнаго *я* изъ древне-русской *еѣ* черезъ посредство *ее* [1]).

Въ отличіе отъ рязанскихъ говоровъ, которые не знаютъ измѣненія безударнаго *я* въ *е*, воронежскіе говоры это измѣненіе иногда допускаютъ: 1) въ слогѣ передъ удареніемъ, напр.: шея захрестить (Кисляй Павлов. у,), ейцо (Козловка Бобр. у.), погледѣла, крепивушка [2]); 2) въ 3-мъ слогѣ къ началу отъ ударенія, напр.: редавой, въ јелтарѣ (*е* на мѣстѣ *а* вторичнаго изъ „о́лтарь"); 3) въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ, напр.: маслепица, појесъ (Козловка Бобров. у.). Къ приведеннымъ примѣрамъ добавимъ сдѣланное выше замѣчаніе, что звукъ *а* безударный въ положеніи послѣ передне-небныхъ звуковъ иногда приближается къ звуку *е* (см. § 9, а).

Эта черта воронежскаго вокализма представляетъ собою явленіе древнее въ русскомъ языкѣ и составляетъ собственно отличительную особенность сѣверно-великорусскихъ говоровъ, преимущественно новгородскаго, въ которомъ переходъ *а* въ *е* замѣчается уже въ XI в. [3]); но и акающіе говоры отчасти знаютъ переходъ *а* въ *е*, развившійся въ нихъ одновременно съ аканьемъ [4]). Памятники воронежской письменности свидѣтельствуютъ, что воронежскіе говоры знали эту черту уже въ XVII в.; такъ, напр., въ памятникахъ читаемъ: всѣ редовыя поручились, Богоевленской попъ, всей петены, разбойною рухледью не промышлять, хлѣбъ впредь сѣеть, драгунские службы петидесятники, дровеной, о ловитвѣ птицъ и звѣрей промышлеть, дворенинъ, волуйченинъ, съ нимъ-

---

1) Русскій Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 4, 131—132 стр.

2) Вор. Юб. Сборн., 603 стр. Ср. еще выше § 9 е.

3) „Лекціи" Соболевскаго, 67 стр.

4) Ibid., 70 стр.

де воровскихъ людей тысечь сорокъ [1]), строеніе бывшего игумена Кирилла, воденое поймище, пшеницы петь копенъ, взелъ у Антопа, нанелся [2]), выбраны двѣ старицы въ чесовню, поставить чесовню для збору, учела сильно отнимать, архіепископъ Резанскій и Муромскій, у старицы отпела 20 рублевъ, вмѣсто прихожепъ, съ верховыми лошедьми, въ сей памети написаны,ш етеръ [3]) и др. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаяхъ, какъ бывшего, явленіе не фонетическое.

Итакъ, воронежскіе говоры и въ XVII в. и въ настоящее время знаютъ измѣненіе *я* въ *е* подъ удареніемъ и внѣ ударенія. Что касается послѣдняго измѣненія звука *я* въ *е*, т.-е. внѣ ударенія, то его можно съ значительной долей вѣроятности объяснять такъ же, какъ и смѣну *е* на *и* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго звука (см. § 6, г), т.-е. переходъ *я* въ *е* можно разсматривать, какъ суженіе *я* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго звука, хотя, какъ видно изъ примѣровъ, не ко всѣмъ случаямъ измѣненія безударнаго *я* въ *е* примѣнимо это объясненіе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ (редавой) звукъ *я* находится передъ твердымъ согласнымъ. Если трудно поддается объясненію измѣненіе безударнаго *я* въ *е*, то измѣненіе ударяемаго *я* въ *е* (а не въ *ё*) представляетъ еще большія трудности при своемъ объясненіи. Впрочемъ, Потебня и для измѣненія ударяемаго *я* въ *е* предлагаетъ то же объясненіе, т.-е. что это измѣненіе зависитъ отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго, хотя это объясненіе не всегда примѣнимо, и находитъ аналогичное измѣненіе въ другихъ славянскихъ языкахъ [4]).

Измѣняясь иногда въ *е*, звукъ *я* въ воронежскихъ говорахъ преимущественно измѣняется въ *и* (согласно опредѣленію Потебни): 1) въ слогѣ предударномъ — дли

---

[1]) „Матеріалы", 317, 318, 319, 322, 331, 327, 325, 337, 336.
[2]) „Воронежскіе Акты", 203, 204, 206, 207, 208, 240 стр.
[3]) „Древніе Акты", 26, 39, 18, 22, 24, 35, 40 стр.
[4]) „Два изслѣдованія" Потебни, 80—81 стр.

дѣвакъ (Московское Вор. у.), дли дома (Танцырей Новохопер. у.), питнацать, завизали (Кисляй Павлов. у.), заивленья (Озерки Бобров. у.), глижу (В. Икорецъ Бобр. у.), свишшеникъ, асвишшенья (Левоново и Козловка Бобров. у.), но и „свяшшенникъ (ibid.), святой (В. Икорецъ); 2) въ слогѣ третьемъ къ началу отъ ударенія — јисянёвай (Гнилуша Земл. у.), дли сибе, дли патёшки (Козловка), питачёкъ (Кисляй Павлов. у.), јиравой, мисаѣтъ, чижала (во многихъ мѣстахъ); 3) въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ—братьи, памѣсишна, десить (Козловка), мѣсицъ (Рогачевка Вор. у.); прилагательныя женскаго рода, если удареніе не падаетъ на родовое окончаніе, въ с. Можайскѣ оканчиваются въ именит. падежѣ на *-ія* (=*яя*): парожнія кадушка, луччія время, харошыя жана (*ы* = *і* послѣ твердаго шипящаго); такія же формы рѣже встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ, напр.: горькія сляза, любофъ прежнія (Козловка, В. Икорецъ Бобров. у.). Въ глаголахъ возвратнаго залога *ся* часто измѣняется въ *си*—принялси, накушалси, павѣсилси, шатайси и др.; одинъ разъ вмѣсто „ся“ мы слышали „се́“— спустилсе́ (Гнилуша Земл. у.), какъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ звукъ *и* находимъ на мѣстѣ *я* ударяемаго; сюда относятся слова: вядри́нный, взвилси́, растрѣли́лъ — растрѣли́ть, няльзи́.

Звукъ *и* на мѣстѣ *я* въ представленныхъ примѣрахъ—это дальнѣйшее фонетическое ослабленіе звука *я*; первою ступенью ослабленія является измѣненіе *я* въ *е*, и слѣдующею затѣмъ ступенью, черезъ посредство *е*, ослабленіе *я* въ *и*. Только по отношенію къ измѣненію *я* въ *и* въ „ся“ — частицѣ возвратнаго залога, это объясненіе непримѣнимо: здѣсь на основаніи единичнаго факта измѣненія „ся“ въ *се* нѣтъ основанія предполагать измѣненіе (ослабленіе) *я* въ *и* черезъ посредство *е* [1]); вѣрнѣе допустить, что въ глаголахъ возвратнаго залога

---

[1]) Русскій Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 3, 207 стр.

частица „си" вм. „ся" развилась подъ вліяніемъ формы дательнаго падежа возвратнаго мѣстоименія (си — себѣ), употреблявшейся первоначально только въ сочетаніи съ нѣкоторыми глаголами, требовавшими послѣ себя дательнаго падежа [1]).

Говоря объ измѣненіи *я* въ *и* въ воронежскихъ народныхъ говорахъ, замѣтимъ, что и мѣщанскій воронежскій говоръ знаетъ это измѣненіе и употребляетъ его исключительно, не допуская измѣненія въ *е*, напр.: проклит, завизала, време (им.-винит. падежи), павизать, взила, крихтить, плисал, десить, памить, такой-сикой, девить, йивилась, гаричо, пусьтикоф и др. [2]).

Кромѣ измѣненія въ *е*, *ё* и *и*, звукъ *я* въ воронежск. народныхъ говорахъ измѣняется въ *ю*. Это измѣненіе мы встрѣчаемъ очень часто въ формѣ 3-го л. множественнаго числа настоящаго времени глаголовъ типа хвалити и горѣти: свое окончаніе *-ять* глаголы этого спряженія часто мѣняютъ на *-ють*, напр.: гонются, видють, просють [3]), гутарють, тужуть [4]), хочють (Кисляй Павлов. у.), ня выпустють (Козловка Бобров. у.) и др. Кромѣ этихъ случаевъ, смѣна *я* на *ю* встрѣтилась только разъ въ словѣ „работюжинькя" при „работяшшый". Происхожденіе *ю* въ послѣднемъ случаѣ неясно; вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мѣною не звуковъ, а суффиксовъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ смѣны *я* на *ю* мы имѣемъ дѣло съ морфологическимъ, а не фонетическимъ явленіемъ, и вернемся къ этому вопросу въ отдѣлѣ морфологіи.

---

1) „Лекціи" Соболевскаго, 74 стр.

2) Вор. Этн. Сбор., 251, 254, 131, 243, 245, 247, 248, 238 239, 228, 232, 204, 147, 155.

3) „Сказки" Аѳ., I, 60; V, 140, 142 стр.

4) Вор. Юб. Сборн., 610, 607 стр.

§ 11. Измѣненія звука *у*.

а) Отмѣченный проф. Соболевскимъ въ его „Очеркѣ русск. діалектол.“ [1]) переходъ звука *у* въ согласный *в* черезъ посредство ў наблюдается въ воронежскихъ говорахъ, народныхъ и мѣщанскихъ, довольно часто, напр.: в адной матки, дастала ума в дурака, ни адин камарь ни вкусил, в сими двароф адин тапор, душы в миня нет, в салдата (= у салдата) [2]), в ней = у нея, вгодно [3]) спрашывалъ в купца, былъ в дяди, вдарилъ [4]), ни взнавалъ = не узнавалъ (Козловка Бобр. у.), вдарилси (Танцыреи Новохопер. у.); въ словѣ „вдарилъ“ переходъ *у* въ *в* представляетъ повсемѣстное явленіе, наблюдаемое даже среди образованныхъ лицъ; въ Нижнедѣвицкомъ у. „предлогъ *въ* замѣняется *у*“ и наоборотъ [5]). Словомъ, переходъ безударнаго *у* въ *в* представляетъ настолько распространенное явленіе въ области воронежской фонетики, что одинъ изъ воронежскихъ этнографовъ 60-хъ годовъ, на основаніи этой черты, а также обратной ей (мѣна *в* на *у*) и нѣкоторыхъ другихъ, сдѣлалъ такую характеристику жителей Воронежской губ. со стороны языка: „большая часть жителей Вор. губ. есть какъ будто новая отрасль русскаго племени, что-то среднее между великороссами и малороссами. Таково почти все населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда“ [6]). Не вдаваясь въ разборъ вопроса, насколько это замѣчаніе преувеличено, замѣтимъ, что слова г. Малыхина даютъ ключъ къ разъясненію вопроса, подъ чьимъ вліяніемъ развилась разсматриваемая нами черта воронежскаго вокализма. Въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) Живая Старина, 1892 г.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 125, 109, 104, 97, 115, 102.

[3]) „Сказки“ Аѳ., V, 140, 183; VII, 107.

[4]) Вор. Литерат. Сборн., 273 стр.

[5]) Ibid.

[6]) Вор. Лит. Сбор., 271 стр.

великорусскимъ говорамъ переходъ *у* въ *в* вообще мало свойственъ: сѣверно-великорусскіе говоры не знаютъ этой мѣны [1]), изъ южно-великорусскихъ, напр., рязанскимъ говорамъ эта мѣна также неизвѣстна (исключеніе представляетъ „вдарилъ") [2]); знаютъ эту мѣну только бѣлорусскіе говоры [3]) и малорусскіе [4]). Слѣдовательно, эту черту воронежскаго вокализма нужно отнести насчетъ малорусскаго вліянія, тѣмъ болѣе, что она наблюдается преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ великороссы тѣсно соприкасаются съ малороссами, какъ, напр., въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ.

Явленіе перехода неударяемаго *у* въ *в* черезъ посредство ў — древнее въ русскомъ языкѣ, его можно отнести къ началу XII в. [5]) и даже памятники XI в. иногда представляютъ смѣшеніе *у* и *в* [6]). Но въ памятникахъ старой воронежской письменности отмѣтить эту черту намъ не удалось.

б) Довольно часто на мѣстѣ *у* является *ю*; этотъ переходъ особенно распространяется на *у*, стоящее въ началѣ слова, и на *у* — предлогъ, при чемъ нерѣдко на появленіе *j* оказываетъ вліяніе предшествующій „мягкій" гласный, напр.: ни юспѣлъ, на юлицу (Озерки Бобровск. у.), ю мине, ю тибе (Козловка Бобров. у.), фъ пустыню юдаляюсь, юрадила, юсы (ibid.), юташшыла, паютру, пріютѣшъ, юшъ [7]) и др. Рѣже *у* въ *ю* измѣняется и въ серединѣ словъ, напр.: Узрюмъ = Ерзерумъ (Бобр. и Коротояц. уу.), дюже [8]), дюжа, дюжай — повсемѣстное явленіе при „нядухъ, нядужный" [9]); также „стюдяно,

---

1) „Обзор" Колосова, 84—86 стр.
2) „Къ діалектологіи" Будде, 41—43 стр.
3) „Обзоръ" Карскаго, 53—54 стр.
4) „Два изслѣдованія" Потебни, 117—118 стр.
5) „Обзоръ" Карскаго, 54 стр.
6) „Обзор" Колосова, 86 стр.
7) Вор. Юб. Сборн., 615, 616, 603, 602, 613 стр.
8) „Сказки" Аѳ., V, 33 стр.
9) „Лекціи" Соболевскаго, 96 стр.

стюдёнай" при „стужа, простуда" (въ словахъ „стюдяно, стюдёпай", а также „дюжа, дюжай" умягченіе согласнаго передъ *у* произошло, очевидно, подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ мягкимъ гласнымъ, при чемъ въ послѣднихъ двухъ словахъ это случилось еще въ то время, когда *ж* не былъ твердъ [1]). Наконецъ въ одномъ словѣ измѣненіе *у* въ *ю* извѣстно во флексіи: при именит. пад. „путрё" мѣстный падежъ „ни па нутрю". Появленіе звука *ю* обусловлено, очевидно, мягкостью плавнаго *р*, хотя послѣднее явленіе, т.-е. смягченіе *р*, непонятно.

в) На мѣстѣ *у* ударяемаго и безударнаго стоитъ въ немногихъ словахъ *ы*. Подъ удареніемъ звукъ *ы* = *у* встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: глыбжай (Вор. у.), слыхамъ ни слыхать [2]), кыбыть (во многихъ мѣстахъ, кромѣ Гнилуши Земл. у.), быдто [3]). Безударное *ы* на мѣстѣ *у* извѣстпо въ словахъ: пажалыя = пожалуетъ (Гнилуша Земл. у.), катышо́къ (Козловка Бобров. у.), жыравецъ, шшыкатурка = штукатурка (*шш* изъ *шт* черезъ посредство *щ*); въ суффиксѣ -ушк *у* часто мѣняется на *ы*: кы заловышки, һаловышки (Троицкое Новохоп. у.), мыставинышка (Поворино того же у.), дѣдышка (Козловка), калинышка (Московское Вор. у.), дѣвышка, вы салдатышки, удовышка (Рогачевка Вор. у.) и др. Смѣна *у* на *ы* въ томъ случаѣ, когда на немъ не стоитъ удареніе, очевидно, находится въ связи съ удареніемъ, т.-е. объясняется вліяніемъ ударенія, имѣющаго, какъ извѣстно, большое значеніе въ южно-великорусскихъ говорахъ. Что касается смѣны *у* на *ы* подъ удареніемъ, то въ различныхъ случаяхъ ее можно объяснить различно. Въ словахъ „кыбыть" и „быдто" эту смѣну можно объяснять тѣмъ, что народъ забылъ производство этихъ словъ отъ формы повелительнаго наклоненія (будь), вмѣсто которой подставилъ форму неопредѣленнаго наклоненія того же глагола

---

1) „Лекціи" Соболевскаго, 96 стр.
2) Вор. Этн. Сборн., 19 стр.
3) „Сказки" Аѳ., V, 33 стр.

(быть). Въ словѣ „глыбжай“ происхожденіе *ы* стоитъ въ связи съ древне-славянской основой глѫбокъ; тотъ же звукъ *ы* въ этомъ словѣ находимъ и въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. Въ случаѣ отсутствія ударенія на *ы* бываетъ звукъ *у*: глубако́. Въ словѣ „слыхамъ“ = слухомъ *ы* на мѣстѣ *у* обязано своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, двойниковой формѣ корня этого слова — со звукомъ *у* — слух и со звукомъ *ы* — слых, причемъ возобладалъ послѣдній.

г) Нерѣдко на мѣстѣ безударнаго *у* является звукъ *а* (выше въ § 9 мы видѣли случаи обратной смѣны). Въ корнѣ эта мѣна встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: Таманофка=Тумановка (село Бобр. у.), саляма (Козловка Бобров. у.), Раминія (Гвазда Павлов. у.), баяракъ [1]), гало́вашку (Титовка Земл. у.). Во флексіи мѣна *у* на *а* наблюдается чаще: въ винит. п. прилагательныхъ женскаго рода вмѣсто *-ую*, если удареніе не падаетъ на *у*, является часто *-аю* — черта, извѣстная и бѣлорусскимъ говорамъ [2]); напр.: милаю сваю, на бѣлаю лицо, на лѣваю плячо, любезнаю сваю, вольнаю мазурку, краснаю д'эфку; пахл'обач'к'у н'э сал'онаю, д'эвушку чэрнаброваю, черв'онаю калинку [3]) и др.

Формы винит. пад. прилагательныхъ женскаго рода на *-аю* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію другихъ падежей, гдѣ большею частью является звукъ *а*, напр.: милая, милай (род.-дат. п.), съ милай и т. д. По аналогіи съ другими падежами и въ винительномъ падежѣ на мѣстѣ *у* могъ явиться звукъ *а*, проведенный вслѣдствіе того черезъ всѣ падежи единственнаго числа. Въ пользу этого объясненія говоритъ тотъ фактъ, что когда удареніе падаетъ на родовое окончаніе и звукъ *о* — род.-дат.-творит. и мѣстн. падежей удерживается подъ удареніемъ, и, слѣдовательно, звукъ *а* не является господствующимъ,

---

1) Вор. Губ. Вѣд. 1864 г., № 17.

2) „Обзоръ“ Карскаго, 42 стр.

3) „Краткій очеркъ“ Прядкина, 14—15 стр.

то въ такомъ случаѣ и винительный падежъ удерживаетъ свое *у*, хотя и не всегда (см. ниже). Какъ интересный фактъ, отмѣтимъ, между прочимъ, по тому же вопросу, что въ старинныхъ воронежскихъ памятникахъ для вин. пад. прилагательныхъ женскаго рода мы встрѣтили окончаніе *-ею*: въ проѣзжею избу, въ съѣзжею избу, купчею [1]). Эта форма интересна въ томъ отношеніи, что она является какъ бы посредствующею ступенью отъ формы на *-ую* къ современной формѣ на *-аю*: звукъ *е*, являющійся въ окончаніи внѣ ударенія, по закону акающихъ говоровъ, измѣняется послѣ шипящихъ въ *а*.

Что касается остальныхъ случаевъ смѣны *у* на *а* (въ корнѣ), то въ словахъ „Таманофка, саляма, садяржать" эту мѣну можно разсматривать, какъ результатъ ассимиляціи *у* слѣдующему звуку *а(я)*, при чемъ въ послѣднихъ двухъ словахъ этотъ *я* получился изъ безударнаго *е* по закону акающихъ говоровъ. Гораздо труднѣе объяснить смѣну *у* на *а* въ словахъ „Раминія, галовашку": въ первомъ, можетъ быть, эта мѣна произошла вслѣдствіе приспособленія этого иностраннаго слова къ русскому корню по народной этимологіи; второе же слово можно сблизить, кажется, съ „головочку"; звукъ *о* безударный въ этомъ словѣ измѣняется въ *а* (или *ъ*), отсюда онъ занесенъ и въ „головашку" вм. головушку".

д) Въ двухъ словахъ на мѣстѣ безударнаго *у* встрѣтился звукъ *и*: клявизничила = кляузничила (Озерки Бобров. у.), Сисой = Сусой (Бобров., Новохопер. у.). Происхожденіе этого звука въ данныхъ словахъ неясно.

§ 12. Измѣненія звука *ю* (=*у* съ предшествующимъ *j* или смягченнымъ согласнымъ).

Если удареніе въ винительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода падаетъ на *у*, то, какъ видѣли, ви-

---

1) „Матеріалы", 352; „Воронежскіе акты", 234, 205 стр.

нит. падежъ оканчивается не на *-аю*; окончаніемъ въ такомъ случаѣ является *-уя*, т.-е. звукъ *у* сохраняется, а *ю* измѣняется въ *я* или подъ вліяніемъ формы родительнаго падежа или же подъ вліяніемъ формъ именит.-винительнаго падежа средняго рода, въ которыхъ, какъ видѣли, безударное *е* измѣняется въ *я*, напр.: раднýя (В. Икорецъ Бобр. у.), мачиху лихýя, жапу маладýя [1]), вы чистýя поля (Гвазда Павлов. у.), прастýя вотку пьемъ (Козловка Бобров. у.) и др. Но это разграниченіе формъ на *-аю* и *-уя* не вполнѣ выдержано: нерѣдко окончаніе *-уя* является въ винит. пад. въ томъ случаѣ, когда удареніе не стоитъ на *у*, напр.: распухóвуя (В. Икорецъ), на правуя, на лѣвуя (ibid.) при рядомъ стоящихъ: растясоваю, бѣлаю. Обратное смѣшеніе, т.-е. смѣшеніе формъ на *-уя* съ формами на *-аю* не встрѣчается.

Въ одномъ словѣ на мѣстѣ *ю* звукъ *я* является въ корнѣ: индякъ (индякъ-дуракъ, кочатъ-умникъ — слова, которыми пользуются, когда хотятъ раздразнить индюка). Можетъ быть, *я* на мѣстѣ *ю* въ этомъ словѣ обязано своимъ происхожденіемъ стремленію составить риѳму для слова „дуракъ".

Въ одномъ словѣ на мѣстѣ *ю* стоитъ звукъ *у* — атцуда, развившійся, очевидно, подъ вліяніемъ твердаго согласнаго *ц*—замѣстителя мягкаго *с*; болѣе обычными формами этого слова, впрочемъ, являются „атцеда, атцедава".

§ 13. Измѣненія звука *и*.

а) Безударный звукъ *и* часто измѣняется въ воронежскихъ говорахъ въ *я*; это измѣненіе наблюдается: 1) въ прошедшемъ времени глаголовъ съ тематическимъ *и*: напр.: ћавóрялъ, павѣрялъ (Рогачевка Ворон. у.), ѣздялъ, павѣрялъ, приходялъ, приносялъ (Бобров. у.), састарялъ, паставялъ (ibid.), ня ѣздялъ, выпялъ (Поворино,

---

[1]) Вор. Юб. Сборн., 615 стр.

Троицкое Новохопер. у.); 2) въ 3-мъ лицѣ единств. числа настоящаго времени въ томъ случаѣ, когда окончаніе *-тъ* отпадаетъ, напр.: ходя, нося, прося, чеша, водя, видя и др.; 3) въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, напр.: воянъ (Козловка Бобров. у.), мерянъ—меряпа [1]), суккянъ сынъ (Бобров., Новохопер. и Задонскій уу.), третяй (Троицкое Земл. у.), хто-лябо (Земл., Бобров. у.), ливязоръ = ревизоръ (Бобров. у.), мяпутъ—мянута (ibid.), пильшакафъ (послѣ передне-небнаго *я*=*а*). Въ словахъ „услужатель" и „варяшка" = воришка въ *я* измѣняется *и* ударяемое.

Хотя всѣ случаи мѣны *и* па *я* мы сгруппировали въ одно мѣсто, но тѣмъ не менѣе причина этой мѣны въ различныхъ случаяхъ различпа. Такъ, въ прошедшемъ времени глаголовъ мѣпа *и* на *я* можетъ быть объяснена вліяніемъ аканья. Благодаря аканью звукъ *е*, слѣдующій за удареніемъ, часто, какъ видѣли, измѣняется въ *я*; вслѣдствіе этого въ воронежскихъ говорахъ нерѣдко встрѣчаются формы прошедшаго времени съ окончаніемъ *-ялъ*, напр.: вымялъ (отъ мести), выцвялъ, вывялъ, вышалъ и др. По аналогіи съ этими формами, правильно развившимися на почвѣ аканья, и въ глаголахъ съ окончаніемъ въ прошедшемъ времени на *-илъ* вмѣсто этого окончанія явилось окончаніе *-ялъ*, т.-е. явились „павѣрялъ, приходялъ, приносялъ"...

Такъ же или почти такъ же можно объяснить смѣну *и* пеударяемаго на *я* въ существительныхъ и прилагательныхъ: звукъ *я* обязанъ своимъ происхожденіемъ въ нихъ во всякомъ случаѣ вліянію аканья; но только между звукомъ *и* и *я* нужно допустить посредствующую ступень со звукомъ *е*, что вполнѣ возможно для воронежскихъ говоровъ, знающихъ измѣненіе *и* въ *е*, т.-е., напр., „воянъ" образовалось изъ „воинъ" черезъ посредство „военъ"; „третяй" изъ „третій" черезъ посредство „тре-

---

[1]) Вор. Лит. Сбор., 273 стр.

тей“ (подъ удареніемъ вм. звука *і* въ этомъ словѣ имѣемъ *е* — самъ-третéй) и т. д.

Подобный же процессъ измѣненія совершается и въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа глаголовъ II спряженія: теряя окончаніе *-тъ*, эта форма, какъ видѣли, измѣняетъ звукъ *и* въ *я* чрезъ посредствующую ступень со звукомъ *е*, такимъ образомъ получаются формы „видя“, „слыша“ . . .

Что касается, наконецъ, измѣненія *и* ударяемаго въ *я* ударяемое въ словахъ „варяшка“, „услужатель“, то въ нихъ происхожденіе звука *я* неясно; можно предполагать, что онъ явился вслѣдствіе какой-либо ложной аналогіи.

б) Въ немногихъ словахъ на мѣстѣ *и*, ударяемаго и безударнаго, является звукъ *а*: антирясуимса (Бобров. и Павлов. уу.), анжиперъ и анжижеръ (ibid. и Новохопер. у.), красáвѣя (Козловка Бобров. у.). Въ послѣднемъ словѣ звукъ *а* на мѣстѣ *и* явился, можетъ быть, по аналогіи съ „красавецъ“; въ словахъ „анжынеръ, антирясуимса“, какъ иностранныхъ, смѣна *и* на *а* оправдывается, можетъ быть, народной этимологіей, приспособившей эти слова къ русскому языку.

в) Хотя въ южно-великорусскихъ говорахъ, какъ и вообще въ великорусскихъ, звуки *ѣ* и *и* различаются между собою въ противоположность малорусскимъ говорамъ, въ которыхъ эти звуки смѣшались однако иногда и въ южно-великорусскихъ говорахъ эти звуки также смѣшиваются, и одинъ является на мѣстѣ другого. Впрочемъ, случаевъ смѣшенія *ѣ* и *и* немного въ современныхъ воронежскихъ говорахъ, и при томъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для себя основаніе въ древне-русскомъ языкѣ. На мѣстѣ ожидаемаго *и* встрѣчается *ѣ* въ слѣдующихъ словахъ: Лыски = Лиски (названіе станціи), рыһа, вышня, рыскъ — рыскнемъ; скрыпъ — скрыпѣть, стрыгу, грып — грыбы [1]). Если предлогъ *съ* или *въ* соединяется

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 19, 260, 256.

съ словомъ, начинающимся съ звука *и*, то это *и* подъ вліяніемъ твердаго согласнаго предлога всегда измѣняется въ *ы*, напр.: ув ызбя (Красный Логъ Вор. у.), с ыконай (В. Икорецъ), с ыһолачки, с Ываномъ, с Ыкавенкай (Ековенко—фамилія); въ послѣднемъ случаѣ звукъ *ы* восходитъ къ *е—я*, который въ 3-мъ слогѣ отъ ударенія, по законамъ аканья, измѣняется въ *и*.

Смѣшеніе звуковъ *и* и *ы* въ отдѣльныхъ случаяхъ — др.-русское явленіе; оно извѣстно уже въ XII в. [1]) всему великор. нарѣчію [2]). Въ старинныхъ воронежск. памятникахъ эта черта также наблюдается; напр.: в ыныя орды, в ызбѣ у чулана чепь о двухъ звенахъ, товарышевъ, но и товаришевъ [3]), Крыстина; латынской печати; отъ такова ихъ насыльного разоренья, обыдъ [4]). Послѣднія два слова со звукомъ *ы* на мѣстѣ *и* встрѣтились въ грамотѣ, писанной и посланной жителемъ Острогожскаго уѣзда; поэтому „насыльного", „обыдъ", вѣрнѣе, представляютъ малорусское произношеніе звука *и*, а не смѣшеніе *и* и *ы* въ великорусскихъ говорахъ.

г) На мѣстѣ звука *и* ударяемаго часто является звукъ *ѣ*. Это явленіе приходится наблюдать преимущественно въ мѣстномъ и родительномъ падежахъ именъ существительныхъ съ основою на -ĭ, напр.: слѣсъ съ лашадѣ́, на лашадѣ (Павлов. у.), вы цапѣ́, на-зямѣ́, фпирядѣ (Козловка Бобров. у.), фъ кравѣ, на путѣ (Горѣлка Новохопер. у.), фъ пячѣ (Танцыреи Новохопер. у.), ва ржѣ, ва грудѣ [5]), на грудѣ (В. Икорецъ Бобров. у.), сбилси съ праведной путѣ (Рогачевка Вор. у.) и др. Эта черта воронежскаго вокализма, извѣстная всему великорусскому нарѣчію [6]), встрѣчается и въ памятникахъ воронеж-

---

1) „Лекціи" Соболевскаго, 63—64 стр.

2) „Два изслѣдованія" Потебни, 83 стр.

3) „Матеріалы", 318, 382, 320, 321 стр.

4) „Воронежскіе Акты", 201, 277, 318 стр.

5) Вор. Юб. Сборн., 604, 602 стр.

6) „Два изслѣдованія" Потебни, 83 стр.; „Къ діалектологіи" Будде, 111—112 стр.

ской письменности, напр.: къ сѣмъ книгамъ, въ сѣхъ книгахъ, въ рѣчѣ пришепетываетъ, невѣдомо, что въ той церкви есть ризъ и патрахѣлей [1]).

Что касается причины этого явленія, наблюдаемаго въ основахъ на -ї, а также въ словахъ, въ родѣ — къ *сѣмъ*, то ея придется коснуться въ отдѣлѣ морфологіи, такъ какъ данное явленіе представляетъ морфологическій, а не фонетическій фактъ.

д) Какъ было уже замѣчено, на мѣстѣ звука *и* является звукъ *е*. Звукъ *е* ударяемый на мѣстѣ *и* подмѣченъ нами въ слѣдующихъ словахъ: Гурей, Рассея (повсемѣстно), плателъ (Кисляй Павлов. у.), Кеифъ, Кеяфъ —повсемѣстное явленіе; старенный, старенскій = старинный (Рогачевка Вор. у.), на хватери (повсемѣстно); сяло Траéцкая = Троицкое (Бобров. и Новохопер. у), каврега =каврига — явленіе повсемѣстное.

Безударное *е* на мѣстѣ *и* является иногда въ имен. пад. прилагательныхъ мужескаго рода преимущественно съ основою на задненебный звукъ, напр.: младшей (Гвазда Павлов. у.), хорошенькей, миленькей [2]), тёмненькей (Задонскій у.), маленькей, тоненькей (Шаталовка Нижнедѣвиц. у.); также — станцея (Козловка Бобров. у.), подходе [3]) (здѣсь ожидали бы *я* — ср. выше въ этомъ же § подъ а). Формы прилагательныхъ муж. рода на *-ей* въ воронежскихъ говорахъ — нужно замѣтить — являются исключеніемъ и представляютъ какъ бы остатокъ старины, на основаніи котораго можно судить о томъ, какимъ образомъ явились современныя обычныя формы на *-яй:* изъ формъ на *-ій* черезъ посредство формъ на *-ей* явились и современныя формы на *-яй*; махонькяй, тонинькяй и т. д.

Переходъ *и* въ *е*, подъ удареніемъ и внѣ ударенія, кромѣ малорусскаго, извѣстенъ всѣмъ остальнымъ нарѣ-

---

1) „Древніе акты", 20 стр.
2) Вор. Юб. Сборн., 602, 617 стр.
3) „Сказки" Аѳ., V, 33 стр.

чіямъ русскаго языка [1]); болѣе всего онъ свойственъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ, менѣе — южно-великорусскимъ, изъ которыхъ, напр., рязанскій говоръ знаетъ только переходъ въ *е* звука *и* ударяемаго и то въ рѣдкихъ случаяхъ [2]). Восходитъ это явленіе, по свидѣтельству древне-русскихъ памятниковъ, къ первой половинѣ XIII вѣка; въ XIV вѣкѣ это явленіе становится уже обычнымъ [3]). Въ памятникахъ воронежской письменности смѣна *и* на *е* встрѣчается довольно часто, напр.: попъ Василей, всей петены, подъячей Марка, измѣревъ, помѣстейце (но „помѣстьице"), рѣка Бетюкъ [4]); игуменъ Ѳеодосей, шесть келей, старецъ Саватей да старецъ Гурей да старецъ Геронтей, дворъ коровей, фетиль [5]); на старицу Ираиду Кипреянову [6]) и др.

Доискиваясь причины, которая могла бы вызвать измѣненіе *и* въ *е*, Колосовъ въ „Обзорѣ" замѣчаетъ: „объясняется оно (измѣненіе *и* въ *е* въ сочетаніи *ий*), съ вѣроятностью, диссимиляціей слога, вызванною нелюбовью языка къ сочетанію *ий*. Но неясно, почему нетерпимость къ этому сочетанію сказалась въ языкѣ лишь въ извѣстную пору его жизни" [7]). Болѣе вѣроятнымъ, впрочемъ, слѣдуетъ считать то объясненіе, по которому *ей* прямо выводится изъ стариннаго **-ьи**.

е) Во многихъ мѣстахъ на мѣстѣ звука *и* безударнаго въ четырехъ словахъ является звукъ *у*; эти слова слѣдующія: пусталетъ = писталетъ, узюмъ = изюмъ, мужуки, съ мужукомъ—мужикъ, мякушка—мякишъ. Но фо-

---

1) „Два изслѣдованія" Потебни, 57 — 58, 75 стр.; „Обзоръ" Карскаго, 47 стр.; „Обзор" Колосова, 113—120 стр.

2) „Къ діалектологіи" Будде, 41 стр.

3) "Обзор" Колосова, 114 стр.; „Очеркъ" его же, 91, 104 —105 стр.; „Два изслѣдованія" Потебни, 97 стр.

4) „Матеріалы", 317, 319, 320, 321—322, 330, 332.

5) „Воронежскіе акты", 203, 204, 213 стр.

6) „Древніе акты".

7) „Обзор" Колосова, 114 стр.

нетическимъ путемъ объяснять эту смѣну нельзя: въ первомъ случаѣ на появленіе *у* вм. *и* оказало, навѣрное, вліяніе народное словопроизводство, сблизивъ первую часть составного слова, неизвѣстную въ русскомъ языкѣ, съ извѣстнымъ хорошо корнемъ „пуст“ (пустой); въ послѣднемъ словѣ, вѣроятно, произошло смѣшеніе суффиксовъ *-ушк* и *-ъшк* (*-ъшк* послѣ задне-небнаго звука измѣнился въ *-ишк*). Что касается остальныхъ двухъ случаевъ смѣны *и* на *у*, то въ нихъ это явленіе произошло вслѣдствіе ассимиляціи *и* съ сосѣднимъ *у(ю)*; только въ одномъ случаѣ ассимиляція прогрессивная (мужуки), въ другомъ — регрессивная (узюмъ); но, можетъ быть, въ словѣ „мужуки“, которое подъ удареніемъ звукъ *и* сохраняетъ (мужикъ), *у* на мѣстѣ *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію ударенія, т.-е. подъ удареніемъ звукъ *и* сохраняется, а теряя удареніе, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и явственность свою и измѣняется въ *у*.

ж) Совершенно непонятно и, должно быть, случайно появленіе звука *о* на мѣстѣ *и* ударяемаго въ словѣ „аблажомши“ (XXIX пѣсня) и *ё* на мѣстѣ того же звука въ „адёнъ“ = одинъ (XXXVII пѣсня) [1]. Для послѣдней смѣны мы имѣемъ одинъ обратный фактъ: до́инка = доёнка (Красный Логъ). Впрочемъ, для звука *о* вм. *и* въ „аблажомши“ можно указать основаніе въ аналогіи такихъ образованій, какъ ст.-славянск. форма „**въз̂ьмъши**“.

§ 8. Измѣненія звука *ѣ*.

а) Въ предыдущемъ § было замѣчено, что звуки *и* и *ѣ* иногда смѣшиваются, являясь одинъ на мѣстѣ другого; примѣры замѣны *и* звукомъ *ѣ* были указаны; здѣсь отмѣтимъ немногочисленные случаи обратной замѣны. Со звукомъ *и* вм. *ѣ* въ воронежскихъ говорахъ всегда являются слова: диря, диричька, висако — високай; это

---

[1] Относительно „адёнъ“, см. ниже § 45.

явленіе повсемѣстное въ Воронежской губ. Кромѣ этихъ словъ въ различныхъ мѣстахъ со звукомъ *и* вм. *ы* являются „прастина“ (но „прастынькя“—ср. „Къ діалектологіи“ Будде, 38 стр.), „Раминія“=Румынія, „Давидовка“. Впрочемъ, послѣднее слово со звукомъ *и* знаетъ и литературный языкъ; только по сопоставленіи съ древне-русскимъ языкомъ, который употреблялъ „Давыдъ“, „Давыдовъ“, открывается смѣна *ы* на *и* въ этомъ словѣ.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ы* является иногда въ именительномъ падежѣ множеств. числа прилагательныхъ краткаго окончанія: сыти, ради, молади, багати, винавати [1]) при круты hоры, добры молатцы и др. Очевидно, формы на *и* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію аналогичныхъ формъ прилагательныхъ мягкаго различія „сини“ или прилагательныхъ съ основою на задне-небный звукъ „дороги“, „крѣпки“, утратившихъ способность сочетаться съ *ы*, а не представляютъ собою результата вліянія малорусскихъ говоровъ, какъ полагаетъ г. Дикаревъ [2]). Можно также — и это вѣрнѣе — разсматривать указанныя формы на *и*, какъ остатокъ старины.

Ту же замѣну знаетъ, наконецъ, форма родительнаго падежа единств. числа существительныхъ женск. рода основъ на -ā, напр.: пріѣхалъ съ ахоти, вышалъ исъ хати, атъ сильнай работи (Павлов., Ворон., Бобров. уу.), у баби, у карови, ат грамати, са сцэни, ат этай рами, да опщый кватери [3]). Эти случаи мѣны *ы* на *и* произошли не вслѣдствіе какихъ-либо фонетическихъ причинъ, а вызваны смѣшеніемъ родительн. и дательнаго падежа, т.-е. звукъ *и* является на мѣстѣ не *ы* (окончанія родит. пад.), а *ѣ* (окончанія дательн. пад.). Слѣдовательно, это явленіе морфологическое, и къ нему придется вернуться въ отдѣлѣ морфологіи.

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 16 стр.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Въ памятникахъ Воронежской письменности находимъ только два примѣра замѣны *ѣ* звукомъ *и:* „сѣн*и*ми покосы, списивалъ“ [1]); примѣры очень сомнительные и представляютъ, по всей вѣроятности, плодъ ошибки или писцовъ или издателей.

б) На мѣстѣ безударнаго *ѣ* въ формѣ именительнаго падежа един. числа прилагательныхъ мужескаго рода и именит. множеств. числа прилагательныхъ всѣхъ родовъ твердаго различія является всегда звукъ *а*—черта, свойственная всѣмъ южно-великорусскимъ говорамъ [2]); напр.: бѣлай, кумашнай, фъ тёмнаи ляса, конь старай, сняшки бѣлаи, заhранишнаи рукава, шшочки алаи, брови чёрнаи и т. д. Подъ удареніемъ въ единственномъ числѣ является на мѣстѣ *ѣ* звукъ *о*, а во множественномъ числѣ *ѣ* въ такомъ случаѣ удерживается, напр.: сляпой, милой, за вароты за навыи, фсѣ радныи и т. д.

Звукъ *а* на мѣстѣ *ѣ* въ указанныхъ формахъ — явленіе древне-русское, уже въ XIV в. на мѣстѣ безударнаго *ѣ* сталъ являться звукъ *о* [3]), который затѣмъ, удержавшись въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, въ южновеликорусскихъ по закону аканья измѣнился въ *а* [4]). Но посредствующая ступень со звукомъ *о* не совсѣмъ еще исчезла изъ воронежскихъ говоровъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ и соотвѣтствующая форма на *-еи*, встрѣчается форма на *-ой*, напр.: славной хвостъ, криводушной, правдивой, чудесной, золоторогой, золотохвостой [5]).

Кромѣ указанныхъ примѣровъ смѣны *ѣ* на *а* то же явленіе извѣстно и въ другихъ случаяхъ, напр.: съ баhатами купцами, скидаваить (Бобр. у.), паѣхала ба, палятѣла ба [6]), ка́ба=кабы, не́ бала, не́ бал, вымать, вырал, опат,

---

1) „Воронежскіе Акты“, 319, 318 стр.
2) „Обзор“ Колосова, 93—94, 97—98 стр.
3) „Два изслѣдованія“ Потебни, 58—59 стр.
4) „Обзор“ Колосова, 97—98.
5) „Сказки Аѳ., I, 59, 149, 148; II, 270, 272 стр.
6) Вор. Юб. Сборн., 603 стр.

прибаль, пастарь [1]). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ фонетическимъ явленіемъ, развившимся по фонетическимъ законамъ: въ „баһатами“ нужно видѣть не смѣну *ѣ* на *а*, а смѣну окончанія *ѣми* на окончаніе *ами* по аналогіи съ существительными, т.-е. нужно видѣть явленіе морфологическое. Въ словахъ „вымать, вырал, прибаль“ смѣну *ѣ* на *а* нужно разсматривать, какъ результатъ диссимиляціи гласнаго *ѣ;* а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ та же смѣна произошла, можетъ быть вслѣдствіе ассимиляціи звука *ѣ* съ звукомъ *а* (кромѣ „не бал“, „опат“).

в) На мѣстѣ звука *ѣ*, преимущественно безударнаго, часто является звукъ *у*, напр.: музукантъ (Кисляй Павлов. у.), вдубошки, на-дубошки (повсемѣстно), кружовникъ, пузурёкъ, умуватца; на пабуфку (Козловка Бобров. у.), ни забуть (неопред. накл.), бувайить, расхлёбувай [2]); въ суффиксѣ *-ѣшк* на мѣстѣ *ѣ* часто является *у*, какъ и въ рязанскихъ говорахъ [3]), напр.: звенушка, солнушка, зёрнушка, крылушками и др.

За исключеніемъ „музукантъ“, гдѣ *у* явилось по ассимиляціи съ предшествующимъ *у*, и словъ, произведенныхъ отъ „быть“, въ которыхъ *у* обязано своимъ происхожденіемъ малорус. вліянію, — во всѣхъ остальныхъ случаяхъ нужно признать явленіе, обусловленное фонетическими причинами—вліяніемъ ударенія съ одной стороны и близостью или родствомъ звуковъ *у—ѣ* — съ другой. Вслѣдствіе родства звуковъ *у—ѣ* спорадическая мѣна ихъ извѣстна всѣмъ русскимъ говорамъ [4]).

г) Въ одномъ словѣ звукъ *ѣ* подъ удареніемъ замѣняется звукомъ *о*. Это слово „но́ня, но́няшній“, извѣстное современнымъ воронежскимъ говорамъ, извѣстно

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 15, 257 стр.

[2]) Ibid., 238, 249, 247 стр.

[3]) „Къ діалектологіи“ Будде, 43 стр.

[4]) „Обзор“ Колосова, 86—88; „Обзоръ“ Карскаго, 55 стр.; „Два изслѣдованія“ Потебни, 83 стр.

было и древне-русскому языку въ XIV в. [1]); извѣстно оно въ настоящее время сѣверно-великорусскимъ говорамъ [2]). Звукъ *о* въ народныхъ говорахъ правильно восходитъ къ основному *ъ:* нънѣ.

§ 15. Измѣненія звуковыхъ сочетаній.

До сихъ поръ измѣненія разсматривались въ области отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ; но въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ въ воронежскихъ говорахъ встрѣчаются измѣненія цѣлыхъ звуковыхъ сочетаній, т.-е. сочетаній гласнаго звука съ гласнымъ же или согласнымъ. Въ результатѣ эти измѣненія сказываются главнымъ образомъ на звукѣ гласномъ, почему эти явленія мы считаемъ болѣе удобнымъ разсматривать въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ. Назовемъ это явленіе стяженіемъ, хотя, какъ увидимъ, этотъ терминъ не вполнѣ примѣнимъ къ явленіямъ, которыя войдутъ въ данную рубрику.

Явленіе стяженія встрѣтилось намъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Звуковыя сочетанія *ой*, *ои*, *ай* и *ъй* въ положеніи передъ слѣдующимъ согласнымъ звукомъ измѣняются въ нѣкоторыхъ словахъ въ звукъ *а* или *ъ:* пымалъ=поймалъ, вылакъ=войлокъ, пыдемъ, падемъ, патить; пыђрайтя = поиграйте, ни замай — ни зымай, кушыти=кушайте, паслушыти=паслушайте, выду=выйду. Въ словѣ „ня бось“ = не бойся въ результатѣ стяженія является звукъ *о*.

2) Сочетаніе *ей* всегда и повсемѣстно измѣняется въ *и* въ словѣ „сичасъ“. Впрочемъ, въ Красномъ Логу Воронежскаго уѣзда вмѣсто *и* является *ъ* — сычасъ, при чемъ *съ*, какъ составная часть слова сычасъ, извѣстно въ самостоятельномъ положеніи — по сы дни,

---

[1]) „Очерк“ Колосова, 104 стр.
[2]) „Обзор“ Колосова, 93 стр.

по сы часы. Измѣняя *ей* на *а*, народъ, можетъ быть, хранилъ память о древнихъ формахъ мѣстоименія „сей"— сь-си-се, о чемъ говорятъ и приведенныя „по сы дни, по сы часы"; только въ послѣднемъ случаѣ произошло отвердѣніе звука *с*, можетъ быть, по аналогіи съ указанными выше (§ 13) случаями вліянія твердости предлога *съ* на слѣдующій *ы* — с ыholачьки и др.

3) Звуковое сочетаніе *ъе* (= *ийе*) измѣняется въ *я*, напр.: шшастя, няшшастя (нящастя); въ мѣстн. падежѣ вм. *ъи* (= *ийи*) имѣемъ *и*: въ шырокамъ раздоли и раздули. Въ „Этнографическомъ Сборникѣ" г. Дикарева такихъ примѣровъ много: тирьпэни, учэни, варэни, ат варэни и др. [1]). Для мѣщанскихъ говоровъ это явленіе обычное; но въ народныхъ говорахъ измѣненіе *ъе* въ *я*, т.-е. выпаденіе *ъ* и измѣненіе неударяемаго *е* въ *я* представляетъ рѣдкое явленіе: звукъ *е*, какъ видѣли, всегда измѣняется въ *я*, если не стоитъ подъ удареніемъ, но *j* (орѳогр. *ъ*) выпадаетъ очень рѣдко.

4) Стяженіе въ собственномъ смыслѣ наблюдаемъ въ слѣдующихъ случаяхъ, извѣстныхъ и древне-русскому языку [2]) и сѣверно-великорусскому нарѣчію въ настоящее время [3]): а) сочетаніе *ае* стягивается въ *а* чрезъ посредство ассимиляціи второго звука первому во II и III лицѣ единств. числа настоящаго времени глаголовъ съ темами на *-о* — *-е* (= *-jo* — *-je*): знашъ, хто знать (обычное выраженіе), надявать = надѣваетъ (Поворино Новохопер. у.), вѣдашъ (Красный Логъ Ворон. у.); также въ прилагательномъ „нязнамый" — вы нязнамайо, незнамо [4]). б) Сочетаніе *оо* стягивается въ *о*, который затѣмъ измѣняется въ *а* вслѣдствіе отсутствія на немъ ударенія; падаля = поодаль, пабѣдали = пообѣдали, сталаблятцы = старообрядцы, сапчя, вапче. Послѣднія два слова, замѣ-

---

[1]) 17 стр.

[2]) „Лекціи" Соболевскаго, 78 стр.

[3]) „Два изслѣдованія" Потебни, 77 стр.

[4]) Вор. Юб. Сборн., 615 стр.

тимъ между прочимъ, въ той же формѣ извѣстны и въ памятникахъ воронежской старой письменности [1]). в) Сочетаніе *ео*, послѣ ассимиляціи второго звука, стягивается въ безударное е, которое затѣмъ въ силу аканья измѣняется въ *я* — Нянила=Неонила, Ѳяфанъ=Ѳеофанъ, Ѳядосъ и др. г) Сочетаніе *ое* стягивается послѣ ассимиляціи второго звука первому въ звукъ *о*, который въ безударномъ слогѣ измѣняется въ *а*; это стяженіе имѣетъ мѣсто въ косвенныхъ падежахъ притяжательныхъ мѣстоименій: маhо, тваhо, сваму, тваво, маму и др., хотя существуютъ и нестянутыя формы „маяhо, тваяhо". д) Часто стяженіе бываетъ въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ съ суффиксомъ *-ев*, напр.: Аляксѣфъ, Матѳѣфъ, Сяргѣфъ и др.

Явленіе, обратное стяженію, распаденіе гласнаго звука или замѣну его цѣлымъ звуковымъ сочетаніемъ, встрѣчаемъ гораздо рѣже. Такъ въ словѣ „пацалóвами" мы имѣемъ на мѣстѣ *уя* сочетаніе *ова*, въ „прóбываить" — вм. *у* сочетаніе *ъва*, въ „уhражываить" — вм. *а* группа *ъва*. Въ приведенныхъ случаяхъ вѣроятно однако не звуковое явленіе, а особое образованіе. Въ „Былинѣ о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ" встрѣчается разъ растянутая форма прилагательнаго, свойственная сѣверно-великорусскимъ говорамъ и составляющая особенность былинной рѣчи [2]); эта форма — „русскіимъ" [3]). Въ пѣснѣ, записанной въ с. Шаталовкѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, два раза встрѣчается дифтонгическое сочетаніе *у͡о* на мѣстѣ простой гласной, именно: начну͡ою пару͡ою (V пѣсня). Больше случаевъ дифтонгическихъ сочетаній я не встрѣчалъ, но, какъ видно изъ „Воронежскаго Этнографическаго Сборника", они извѣстны воронежскимъ говорамъ. Чаще всего слышится дифтонгъ *у͡ô*, въ которомъ первый

---

[1]) „Матеріалы", 322, 394 стр.
[2]) „Обзоръ" Колосова, 123—124 стр.
[3]) Вор. Лит. Сборн. 60 стр.

членъ едва замѣтенъ, напр.: харашуо́, харуо́шый. Другой дифтонгъ *е͡а* вм. *ѣ* случалось наблюдать только въ словахъ: хле́ап, не́ат.... Собственно въ воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ дифтонги *у͡о* и *е͡а* составляютъ явленіе спорадическое, наносное, заимствованное изъ сельскихъ говоровъ, и употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда медленнымъ произношеніемъ слова желаютъ придать ему извѣстную выразительность. Въ с. Иловскомъ Бирюченскаго у. дифтонгъ *е͡а* обыкновенно употребляется въ прямыхъ ударяемыхъ конечныхъ слогахъ, какъ, напр., въ словѣ двеа" [1]). Насколько справедливо это замѣчаніе г. Дикарева — не знаю; но вообще извѣстно, что дифтонгическія сочетанія великорусскому языку несвойственны [2]).

§ 16. Отпаденіе и приставка гласнаго звука.

Отпаденіе начальнаго гласнаго звука замѣчается въ воронежскихъ говорахъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Чаще всего отпадаютъ звуки *и* и *о*, при чемъ послѣдній звукъ отпадаетъ преимущественно въ томъ случаѣ, когда слову, начинающемуся съ этого звука, приходится стоять послѣ предлога, оканчивающагося на гласный звукъ. Примѣрами отпаденія того и другого звука могутъ служить слѣдующіе случаи: сьминилась, мянины, мянинникъ (но „именинникъ"), Смаилъ = Измаилъ, ни һраютъ, спужалась, счесъ, свабадила, на һаро́тъ (безъ предлога тоже „һаротъ"), за 'кно, на'тмачъ, на'һанёчикъ, на'борачки, ня'дной, ня'тказываитца, ня'тмоли (=не отмолвитъ) и др.

Гораздо чаще, чѣмъ отпаденіе, встрѣчается присоединеніе, приставка гласнаго звука въ началѣ словъ. Обычными приставочными звуками являются *а* и *и*, напр.:

---

1) Вор. Этн. Сборн. 21—22.

2) „Обзоръ" Колосова, 124 стр.

апасля, акрамя, акруҺам = кругомъ, афчяра, аржаной, алляной, аряпей, алимонъ, Аксинья = Ксенія; ишолъ, ишла, иструбъ=срубъ (здѣсь кромѣ того группа *ср* распространена вставкой *т*). Въ словѣ „ишолъ" приставочное *и* взято изъ другого корня „ид-" настоящаго времени.

Какъ видно изъ примѣровъ, отпадаютъ и приставляются одни и тѣ же звуки *и* и *а* (при отпаденіи *а* вторичный, получившійся изъ безударнаго *о*).

§ 17. Выпаденіе и вставка гласнаго звука.

Выпаденіе, какъ и отпаденіе гласнаго звука, имѣетъ мѣсто только въ безударныхъ слогахъ: находясь внѣ ударенія, гласный звукъ теряетъ силу, слабѣетъ и иногда совсѣмъ выпадаетъ. Какъ явленіе, обусловленное вліяніемъ ударенія, выпаденіе гласнаго звука потому и имѣетъ большое распространеніе въ воронежскихъ говорахъ. Чаще всего выпадаетъ звукъ *а* коренной и вторичный (=*о* безударному), напр.: Кар'чянская поля, за в'ратá, на п'ли=на поля, на поле, камп'ліонъ, мат'ри, запичат'ны, Х'ритонъ, н'и́большый, пуг'вица, ни п'тяряйтя, ми́л'стивай Һасударь, но миласти́вай, кол'калъ, благ'вистють, рыз'драла, п'раличъ и др. (Много примѣровъ выпаденія *а* представлено въ „Вор. Этн. Сборн.", стр. 22).

Кромѣ звука *а* выпадаетъ еще звукъ *и* коренной и вторичный (=безударному *е*), напр.: лич'камъ (Танцыреи Новохоперск. у.), Снибрацкая степь = семибратская, за збир'женья (Козловка Бобров. у.), пир'валилъ, пир'сказалъ, пир'вазилъ и т. д. (см. § 4, б). Но не всегда гласный звукъ ослабѣваетъ до полнаго исчезновенія; иногда гласный звукъ выпадаетъ, оставляя слѣдъ въ мягкости предыдущаго согласнаго звука; это явленіе наблюдается и въ срединѣ, и въ концѣ слова, напр.: шкальчикъ (Московское Вор. у.), курьца, кустьчикъ (Танцыреи, Троиц-

кое Новохопер. у.), умерьти [1]), ня бойсь, пасяредь (Козловка Бобров. у.), но „посерёдъ“ [2]), Апроськь, Дунькь (Олень-Колодезь Коротояц. у.), палошъ, пи варошъ (ъ подъ вліяніемъ твердыхъ шипящихъ звуковъ), ни журить, ни бранить, вы падить, привядить — формы II л. повелительн. наклоненія къ с. Поворинѣ Новохопер. у. Кромѣ мягкости согласнаго (ъ), на мѣстѣ гласнаго является й, а иногда гласный совершенно исчезаетъ, даже не смягчая предыдущаго согласнаго, какъ было выше, напр.: дядя Павлухъ, Андрюхъ (относительно этихъ формъ и выше приведенныхъ „Апроськь, Дунькь“ замѣтимъ, что они являются всегда формами звательнаго падежа, въ отличіе отъ именительнаго, не знающаго такой потери гласнаго элемента); нейдя, взяла да й бросила, ни сустрѣнъ-ли я яво (потеря у въ послѣднемъ словѣ, отмѣченная въ Титовкѣ Земл. у., звучитъ странно и представляетъ исключительное явленіе, обусловленное, вѣроятно, потребностью стиха); о-земь, на-земь — явленіе повсемѣстное (эти слова не стоятъ въ связи съ „земля“, изъ котораго трудно вывести „о-земь“; вѣрнѣе предположить рядомъ съ „земля“— основой на -ā, основу женскаго рода на -ĭ).

Обратное явленіе, вставка гласнаго звука или появленіе его на мѣстѣ старинныхъ ъ—ь, встрѣчается не менѣе часто и имѣетъ мѣсто преимущественно въ такой группѣ согласныхъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ — или плавный *р* или губно-носовой *м*. Вставочнымъ гласнымъ является звукъ неполнаго образованія, звучащій въ рѣчи кратко и приближающійся то болѣе къ *а*, то болѣе къ *ъ*, напр.: вихăръ (съ отвердѣніемъ *р*), министяръ (Колѣно Новохоп. у.), вăзвилсй (Танцыреи того же у.), вăздыхала, кăладушка (Козловка Бобров. у.), һăрячиха, сăлучиласи (Рогачевка, Можайскъ Вор. у.), въ рăту, на лăбу (Олень-Колодезь Коротояц. у.), кăраватушка [3]), пяять =

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 92 стр.

[2]) „Сказки“ Аѳ., II, 278 стр.

[3]) Вор. Лит. Сборн., 301 стр.

пѣть или скорѣе изъ *пѣйти (во многихъ мѣстахъ), фильтяръ (Коротояц. у.); сы̆-мала, сы̆мародина (Козловка Бобров. у.), вы̆плянилси (Танцыреи Новохоп. у.) = вплѣнился = влюбился, ты̆варохъ, һы̆ладать = глодать (Кисляй Павл. у.), пы̆шано, пы̆шаница (повсемѣстно), пы̆чалы 500 калодакъ (Гнилуша Землян. у.), шшы̆катулка [1]) и др.

Появленіе гласнаго звука на мѣстѣ старинныхъ *ъ*—*ь* въ серединѣ и концѣ слова мы имѣемъ въ слѣдующихъ случаяхъ: ляслифъ, лястилъ = льстивъ, льстилъ (Гвазда Павлов. у. и Московское Вор. у.), Пулухерья = Пульхерія (Задонскій у.), у третяю ночь — *я* изъ *ь* черезъ посредство *е* (Троицкое Земл. у.), пойманъ = поймань [2]); таперя, здѣся, нѣту (въ послѣднемъ словѣ, правда, удержана древне-русская форма этого слова); сы травы, вы слязахъ, вы саду, ка дварочькю, са паходамъ, ку Узрюму, кы свякровьи, ва кулакъ, са врагами и т. д. Вообще нужно замѣтить, что предлоги съ *ъ* почти всегда измѣняютъ этотъ *ъ* въ гласный звукъ или — вѣрнѣе — на его мѣстѣ является гласный звукъ, и это явленіе повсемѣстное. Причина этого явленія, какъ кажется намъ, лежитъ въ требованіяхъ стихосложенія; большею частью гласный звукъ на мѣстѣ *ъ* является тогда, когда это вызывается необходимостью соблюденія ритма.

Явленія, разсмотрѣнныя въ этомъ и предыдущемъ §§, стали извѣстны русскому языку уже въ XIV в., и даже въ XIII в. по отношенію къ звуку *е* извѣстны случаи его отпаденія въ концѣ словъ. Причина отпаденія и выпаденія, какъ мы уже замѣчали, лежитъ въ удареніи, такъ какъ только гласные неударяемые, ослабѣвая, могли отпадать и выпадать [3]). Въ старинныхъ воронежскихъ памятникахъ мы встрѣчаемся почти со всѣми разсмотрѣнными въ двухъ послѣднихъ §§ явленіями, напр.: при-

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 22 стр.
[2]) „Сказки" Аѳ., V, 178.
[3]) „Лекціи" Соболевскаго, 74—78 стр.

слана... грамота... въ Курескъ, игдѣ = гдѣ (въ современныхъ говорахъ выпало *г* — идѣ) [1]), Асторохань [2]) (можетъ быть, здѣсь форма полногласія), невѣдомо, что въ той церкви есть ризъ и потрахѣлей, о к р о м ѣ [3]).

§ 18. Ассимиляція и диссимиляція гласныхъ звуковъ.

Разсматривая измѣненія гласныхъ звуковъ, мы неоднократно имѣли дѣло съ такими измѣненіями, которыя развились по законамъ ассимиляціи и диссимиляціи, т.-е. уподобленія и расподобленія гласныхъ звуковъ — по законамъ, основаніе которыхъ лежитъ въ стремленіи къ болѣе удобному и легкому произношенію слова, т.-е. въ стремленіи человѣческаго организма къ сохраненію своей энергіи или къ меньшей затратѣ ея. Наибольшимъ распространеніемъ и примѣненіемъ пользуется въ воронежскихъ говорахъ ассимиляція и при томъ регрессивная, т.-е. уподобленіе перваго звука слѣдующему, хотя въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ бываетъ и прогрессивная ассимиляція, т.-е. уподобленіе слѣдующаго звука предыдущему. Диссимиляція звуковъ какъ въ воронежскихъ, такъ и вообще въ русскихъ говорахъ имѣетъ небольшое распространеніе; но при разсмотрѣніи звуковыхъ измѣненій приходилось, какъ видѣли, сталкиваться и съ этимъ явленіемъ. Примѣровъ того и другого явленія приводить здѣсь не будемъ, потому что достаточное количество ихъ было указано раньше (см. § 7, а; § 8, б; § 9, в; § 11, г; § 13, д, е; § 14, б, в); много примѣровъ ассимиляціи гласныхъ звуковъ указано въ „Вор. Этн. Сборн.“, стр. 23.

---

[1]) „Матеріалы“, 385, 387 стр. Въ „игдѣ“—„идѣ“ можетъ быть и относительное мѣстоименное нарѣчіе (=ὅπου).

[2]) „Воронежскіе Акты“, 240 стр.

[3]) „Древніе Акты“, 20, 22 стр.

§ 19. Йотація гласныхъ звуковъ.

Заканчивая обзоръ гласныхъ звуковъ, замѣтимъ, что они въ воронежскихъ говорахъ, находясь въ началѣ слова, нерѣдко принимаютъ передъ собою призвучный *j*. Не всѣ гласные звуки въ одинаковой мѣрѣ любятъ и допускаютъ йотацію: чаще всего призвучный *j* является передъ гласнымъ *у*, на что уже было указано выше, при разсмотрѣніи измѣненій этого звука (см. § 11, б); тамъ же были указаны примѣры йотаціи этого звука, хотя, разумѣется, приведенные примѣры не исчерпываютъ собою всѣхъ случаевъ йотаціи *у*. Послѣ звука *у* призвучный *j* чаще всего принимаютъ звуки *а* (коренной и вторичный) и *о*, напр.: јанисавая, јадинъ, јадно акно, јахвицерикъ, јачютилси, вы јазёрахъ, јонъ—јаны, јочень, јосень и др. Звуки *и* и *е (э)* также иногда принимаютъ передъ собою *j*, но рѣдко, напр.: јэтотъ, јэта, вы јэтай, јаташъ (*а* = *е* въ предударномъ слогѣ), јишшо = еще, правду јистиннаю, идѣ латъ, тамъ ји клатъ (пословица). Но что особенно заслуживаетъ вниманія въ области йотаціи гласныхъ звуковъ, такъ это — существованіе въ воронежскихъ говорахъ йотованнаго звука *ы* — явленіе, мною лично нигдѣ неотмѣченное, но указываемое г. Дикаревымъ, напр.: чайым, Ничайыв, папугайым, пйынюга, думайыш, йывляйицца, йыврейыф, в найыбре, знайыт, Йырмалайыф, пастройык, устройыл [1]). Такъ какъ по Бодуэну-де-Куртенэ сочетаніе *j* съ *ы* для великорусскаго нарѣчія невозможно, то г. Дикаревъ йотацію *ы* считаетъ наноснымъ явленіемъ, заимствованнымъ изъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ йотація *ы* представляетъ „обычное явленіе“ [1]). Но мнѣ кажется, что въ подобномъ утвержденіи г. Дикарева кроется ошибка его слуха. Можетъ быть, въ малорусскихъ говорахъ воронежскихъ, съ которыми г. Дикаревъ знакомъ хорошо, и существуетъ

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 19 стр.

йотованное *ѣ*, но въ великорусскихъ воронежскихъ говорахъ едва ли возможно подобное явленіе: во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *ѣ* не является кореннымъ звукомъ, онъ стоитъ на мѣстѣ *и*, *е* и *я*; подъ вліяніемъ предшествующаго *j* эти звуки, мягкіе по природѣ въ воронежскихъ великорусскихъ говорахъ, отвердѣть и измѣниться въ *ѣ* никоимъ образомъ не могли; вѣроятно, слухъ г. Дикарева не вполнѣ различилъ звукъ *ѣ* отъ *и*, который, по моему мнѣнію, долженъ явиться въ приведенныхъ примѣрахъ съ точки зрѣнія фонетики мѣщанскихъ говоровъ; такимъ образомъ йотованнымъ звукомъ будетъ *и*, а не *ѣ*, что вполнѣ возможно и извѣстно, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, въ воронежскихъ говорахъ, напр.: јирлыкъ, јизыкъ, ружейици, ругайить, крутайи, талагайи и др.

Какъ видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, звукъ *j* является призвучнымъ, не измѣняя гласнаго звука. Только изрѣдка, какъ и въ другихъ великорусскихъ говорахъ, преимущественно въ сѣверно-великорусскихъ, подъ вліяніемъ *j* происходитъ перегласовка гласнаго звука, напр.: јейцо = яйцо, појесъ = поясъ. Можетъ быть, случаевъ перегласованія подъ вліяніемъ *j* въ воронежскихъ говорахъ больше, но намъ встрѣтилось только два.

Б. Явленія въ области согласныхъ звуковъ.

§ 20. Переходъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные и обратное явленіе.

Въ области согласныхъ звуковъ отмѣтимъ, какъ явленіе, общее для всей системы согласныхъ звуковъ, переходъ голосовыхъ въ безголосные и обратное измѣненіе. Правда, это явленіе не составляетъ отличительной и исключительной черты только воронежскихъ говоровъ; но мы считаемъ необходимымъ упомянуть о немъ

въ виду тѣхъ немногочисленныхъ особенностей, которыя имѣютъ въ этомъ отношеніи воронежскіе говоры.

Въ древнѣйшую эпоху русскаго языка согласнымъ звукамъ стоять въ изглашеніи не приходилось, потому что за ними всегда слѣдовали глухіе гласные ъ и ь. Но уже во второй половинѣ XI вѣка глухіе гласные ъ и ь „исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ разговорѣ“ [1]); благодаря этому во многихъ случаяхъ явилось согласное изглашеніе. Попавъ въ положеніе конечныхъ звуковъ и лишившись поддержки глухихъ ъ и ь, согласные звуки стали слабѣть и терять свою энергію и ясность. Въ результатѣ этого явился переходъ голосовыхъ конечныхъ звуковъ въ безголосные, т.-е. измѣненіе болѣе ясныхъ звуковъ, произносимыхъ съ большею энергіею, въ звуки менѣе ясные, требующіе меньшей затраты энергіи. Это явленіе извѣстно всему русскому языку, исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только восточно-малорусскіе, или украинскіе говоры и нѣкоторые изъ великорусскихъ [2]). Въ воронежскихъ говорахъ переходъ голосовыхъ въ безголосные представляетъ обычное и повсемѣстное явленіе; система этого измѣненія слѣдующая: *б — п*, *в — ф*, *д — т*, *з — с*, *ж — ш*, *һ — х* (но не *к*, какъ въ московскомъ, напр., говорѣ и сѣверно-великорусскихъ), напр.: дупъ, иструпъ, һолупъ, газыфъ, пастафъ, карофъ, низдарофъ, рублёфъ, латъ, клатъ, наротъ, пахотъ, ни маросъ, маросъ, һасъ, приһошъ, што-шъ, дапрешъ, друхъ, вдрухъ, беряхъ, пабёхъ и т. д. Исключеніе изъ этого правила, общаго для воронежскихъ говоровъ великорусской половины, встрѣтилось только въ Красномъ Логу Воронежскаго уѣзда, гдѣ голосовые гласные звуки иногда сохраняютъ свою ясность въ концѣ слова, напр.: идѣ-жъ, што-жъ, паложъ, када-жъ.

---

1) „Лекціи“ проф. Соболевскаго, 45 стр.

2) Ibid., 86 стр.

Въ срединѣ словъ съ потерею глухихъ ъ и ь, какъ гласныхъ звуковъ, также произошли измѣненія согласныхъ звуковъ, и это понятно въ виду того, что съ исчезновеніемъ ъ и ь, какъ гласныхъ, явились новыя звуковыя комбинаціи: два, напр., согласныхъ звука, раздѣленныхъ прежде глухимъ гласнымъ, попадали теперь въ положеніе сосѣднихъ звуковъ. Если одинъ изъ согласныхъ былъ звонкій, голосовой, а другой безголосный, глухой, то такая группа безъ измѣненія остаться не могла, такъ какъ согласнымъ звукамъ на основаніи физіологическихъ условій свойственна однородность. Такимъ образомъ и въ срединѣ слова явилась возможность измѣненія голосовыхъ въ безголосные передъ слѣдующимъ безголоснымъ и, наоборотъ, измѣненія безголоснаго въ голосовой передъ слѣдующимъ безголоснымъ, т.-е. съ потерею ъ и ь, какъ глухихъ гласныхъ, явилась возможность ассимиляціи согласныхъ звуковъ. „Первые случаи ассимиляціи . . . , дошедшіе до насъ въ памятникахъ, относятся къ XIII и XIV в., но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большая ихъ часть получила свое начало много раньше“ [1]).

Въ воронежскихъ говорахъ мы встрѣчаемся постоянно съ тѣмъ и другимъ явленіемъ ассимиляціи, т.-е. и съ переходомъ голосовыхъ въ безголосные и съ обратнымъ переходомъ, напр.: һалупчикъ, аптянута, шупка, молатца, слаткій, бутта, слёски, нямношка, друшка, падрушка, дяфчоныцькя, раскрасафчикъ, һалофку, залофки; аддамъ, збиречъ, зъ һоря, зъ бабушкай, збориппа нячястивая и др. Но иногда встрѣчается переходъ голосовой въ безголосную и даже обратный переходъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этотъ переходъ не имѣетъ для себя указаннаго основанія. Такъ, въ словахъ: лиманату, вотачки, скыпитаръ, лотачкя, па Капкаси, Капкасамъ, паратный и, можетъ быть, еще въ нѣсколькихъ словахъ

---

1) „Лекціи“ Соболевскаго, 80 стр.

мы имѣемъ переходъ голосового въ безголосный передъ гласнымъ звукомъ, за исключеніемъ „паратнай“, гдѣ этотъ переходъ произошелъ передъ голосовымъ согласнымъ и, слѣдовательно, также не имѣетъ для себя основанія. Всѣ эти случаи измѣненія голосового звука въ безголосный, передъ гласнымъ, невозможные съ физіологической точки зрѣнія, объясняются вліяніемъ формъ тѣхъ же словъ со звукомъ безголоснымъ, но правильно явившимся на мѣстѣ голосового передъ слѣдующимъ безголоснымъ звукомъ или же въ концѣ слова, въ изглашеніи; т.-е. въ „лиманату“ *т* вмѣсто *д* явилось подъ вліяніемъ „лиманатъ“, гдѣ *т* изъ *д* правильно развилось въ изглашеніи; въ „лотачькя“ *т* вм. *д* явилось подъ вліяніемъ „лотка“, гдѣ *т* изъ *д* въ положеніи передъ безголоснымъ *к* и т. д. Наоборотъ, въ словахъ „варажить = ворошить, мальчижычькя, бавукъ, бавутина (но и паукъ, пуутина), бикеты», а также въ „кандрахтъ“ = контрактъ безголосный мѣняется на голосовой въ положеніи передъ гласнымъ звукомъ или, какъ въ послѣднемъ словѣ, передъ *р*. Причиной такой перемѣны слѣдуетъ впрочемъ считать какую-либо народную этимологію перечисленныхъ словъ.

Памятники воронежской письменности представляютъ не мало примѣровъ перехода голосовыхъ въ безголосные и наоборотъ, напр.: Гутковъ, ис тѣхъ, ис стрѣльцовъ, ис кабаковъ, блиско, бес пищалей, завотчиковъ, з дѣтьми жить, не збѣжать, зборовъ [1]); дворъ Серешки сапожника, въ малыхъ лоткахъ, къ Лисенской слоботки, монастыря слушка, учинить годовую смѣту в тетратехъ [2]); три скаски, поставить чесовенку для збору, вопче, сопча [3]) и др.

---

[1]) „Матеріалы“, 315, 15, 318, 324, 374, 394, 316 ст.

[2]) „Воронежскіе Акты“, 203, 234, 247, 248, 223 стр.

[3]) „Древніе Акты“, 26, 39, 33, 38 стр.

§ 21. Задненебные звуки.

Въ области воронежскаго консонантизма задненебные звуки обращаютъ на себя наибольшее вниманіе. Какъ извѣстно, въ древнерусскомъ языкѣ существовали сочетанія *кы*, *гы*, *хы*, т.-е. сочетанія задненебныхъ звуковъ съ *ы*. Но уже въ XII в. эта особенность русскаго языка стала утрачиваться, задненебные звуки въ положеніи передъ *ы* стали подвергаться неорганическому смягченію, т.-е. явились сочетанія *ки*, *ги*, *хи*, вытѣснившія собою древне-русскія *кы*, *гы*, *хы*. Въ современномъ русскомъ языкѣ послѣднія сочетанія сохранились только въ незначительныхъ остаткахъ старины, напр., отыскывать, растягывать и др. [1]). Изъ современныхъ нарѣчій русскаго языка только малорусское нарѣчіе и то не во всемъ составѣ, знаетъ древне-русскія сочетанія *кы*, *гы*, *хы* (говоръ карпатскій и лемковъ). Эти же сочетанія существуютъ и въ воронежскихъ народныхъ говорахъ, хотя наиболѣе распространенными являются сочетанія *ки*, *хи*, *ги*. Повсемѣстно сочетаніе задненебнаго *к* съ *ы* встрѣчается только въ двухъ словахъ: въ ласкательномъ имени кошки—кыска и въ словѣ „кышъ"; но въ этомъ случаѣ воронежскіе говоры не являются исключеніемъ: тѣ же слова въ той же формѣ извѣстны, напр., рязанскимъ говорамъ [2]) и др. Но въ Красномъ Логу Воронежскаго уѣзда,—тамъ, гдѣ голосовые въ изглашеніи не теряютъ своей ясности, древне-русскія сочетанія *кы*, *гы*, *хы* проведены послѣдовательно черезъ весь организмъ языка и никогда не измѣняются въ *ки*, *ги*, *хи*, чѣмъ говоръ этого села рѣзко выдѣляется изъ говоровъ всей великорусской половины Воронежской губерніи (ниже увидимъ, что есть и еще не менѣе рѣзкая черта, выдѣляющая этотъ говоръ). Такимъ образомъ здѣсь постоянно говорятъ: такыи, су-

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 90—91 стр.

[2]) „Къ діалектологіи" Будде, 61 стр.

хыи, какыи, пѣгыи лошади, па дикымъ, глухыи, у глухыхъ, дарагыми и др. Кажется, тѣ же сочетанія *кы*, *гы*, *хы* извѣстны и въ другихъ мѣстахъ; напр. въ селѣ Козловкѣ Бобров. уѣзда говорятъ: һыря=гиря. Несомнѣнно, что сочетанія *кы*, *гы*, *хы* представляютъ остатокъ старины, уцѣлѣвшій при различныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергся русскій языкъ вообще и воронежскіе говоры въ частности.

Съ другой стороны въ воронежскихъ говорахъ извѣстно смягченіе задненебныхъ звуковъ тамъ, гдѣ его не знаетъ языкъ литературный, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и ст.-славянскій языкъ. Извѣстная славянскому языку способность задненебныхъ звуковъ подвергаться переходному смягченію передъ *е*, *и* и *ѣ* (изъ ă°і) въ русскомъ языкѣ утратилась въ древнюю его пору: къ XV в. смягченіе задненебныхъ въ живомъ языкѣ было уже, вѣроятно, утрачено [1]), хотя въ письменныхъ памятникахъ этого вѣка смягченіе еще встрѣчается. Въ настоящее время переходное смягченіе задненебныхъ звуковъ извѣстно только малорусскимъ говорамъ, гдѣ оно выдержано болѣе или менѣе строго и послѣдовательно, и бѣлорусскимъ [2]), хотя и въ тѣхъ и въ другихъ говорахъ смягченіе носитъ нѣсколько иной характеръ, отличный отъ ст.-славянскаго языка, вслѣдствіе потери для звуковъ *г*, *к*, *х* свойства чисто задненебнаго произношенія [3]). Въ великорусскихъ говорахъ переходное смягченіе задненебныхъ мало извѣстно и представляетъ спорадическое явленіе [4]). Литературный языкъ допускаетъ иногда, какъ исключеніе, смягченіе, обусловливаемое вліяніемъ церковно-славянскаго языка; впрочемъ, смягченіе задненебныхъ въ шипящіе литературный языкъ допускаетъ часто, но не всегда тамъ, гдѣ его зналъ языкъ ст.-славянскій, напр.: рядомъ съ пра-

---

[1]) „Очеркъ“ Колосова, 135 стр.
[2]) „Обзоръ“ Карскаго, 70 стр.
[3]) „Обзор“ Колосова, 139—140 стр.
[4]) Ibid. и „Два изслѣд.“ Потебни, 67 стр.

вильными „божій“ при „богъ“, „душевный“ при „духъ“ литературный языкъ употребляетъ „бѣгите“, „помогите“ безъ смягченія. Воронежскіе говоры въ этомъ отношеніи часто расходятся съ литературнымъ языкомъ. Сохранивъ свойство задненебныхъ звуковъ сочетаться съ широкими *а, о, у* и даже, какъ видѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ *ѣ*, воронежскіе говоры удерживаютъ задненебные звуки даже передъ узкими гласными тамъ, гдѣ литературный языкъ знаетъ переходное смягченіе, напр.: стиряге, биряге, тякеть, пякеть, жгеть, стрыгеть, магёть, талкеть, бѣгить и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ смягченіе задненебныхъ звуковъ въ воронежскихъ говорахъ встрѣчается иногда передъ широкими гласными, т.-е. тамъ, гдѣ его не знаетъ ни литературный, ни ст.-славянскій языкъ; сходство съ литературнымъ языкомъ воронежскихъ говоровъ въ этомъ случаѣ заключается лишь въ томъ, что какъ и въ литературномъ языкѣ, въ воронежскихъ говорахъ задненебные смягчаются только въ шипяціе звуки. Это смягченіе задненебныхъ въ положеніи передъ твердыми гласными имѣемъ въ слѣдующихъ словахъ: 1) глаголъ „мочь“ въ 3-мъ лицѣ множеств. числа настоящаго времени всегда является съ смягченіемъ *г* въ *ж* передъ *у* — можуть; въ первомъ лицѣ то же смягченіе допускается рѣже, т.-е. „магу“ является болѣе распространенною формою, чѣмъ „можу́“ (интересна форма буд. вр. вида совершеннаго отъ этого глагола—„смажу́“) 2) глаголъ „лечь“ въ тѣхъ же формахъ всегда является съ звукомъ *ж*=*г* передъ *у:* ляжу, ляжуть; лягу, лягутъ — совершенно неизвѣстны воронежскимъ говорамъ; даже лица образованныя нерѣдко пользуются въ своей рѣчи народными, а не литературными формами 1-го ед. и 3 мн. ч. отъ глагола „лечь“, и хотя въ «Сказкахъ» Аѳанасьева мало соблюдены звуковыя особенности воронежскихъ говоровъ, но форма „ляжу“ отмѣчена и у него [1]); 3) глаголъ „пугать“ во всѣхъ

---

[1]) I, 22 стр.

формахъ, передъ широкими гласными смягчаетъ *г* въ *ж*— испужалси, пужай, распужаю, пужать, пужають, пужалъ и т. д.; эти формы отмѣчены и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева [1]); 4) глаголъ „бѣгу“ въ 3-мъ лицѣ множ. числа настоящаго вр. имѣетъ всегда „бяжать“ (ср. литерат. „бѣгутъ“), но „бѣгить“; повелительное накл. „бяжы, убяжы“ (ср. литерат. „бѣги“); 5) наконецъ, какъ очень рѣдкія, являются формы съ смягченіемъ *к* въ *ч* передъ *у* и *а*— ру́чу, въ ручя́хъ = руку, въ рукахъ (см. IX и LXXVIII пѣсни). Объясняются всѣ указанные случаи отступленія отъ обычныхъ правилъ смягченія задненебныхъ звуковъ съ вѣроятностью возобладаніемъ формъ тѣхъ же корней, гдѣ такое смягченіе законно, т.-е. формы „можешь, можетъ“ и т. д. повліяли и на первое лицо, которое въ силу этого является съ смягченіемъ *г* — „мажу“; въ „бяжать“ старина = бѣжать.

Но, кажется, въ двухъ словахъ, которыя встрѣтились лично мнѣ, можно видѣть переходное смягченіе задненебныхъ звуковъ въ свистящіе звуки: 1) фамилія „Звигинцевъ“ въ Бобровскомъ и Новохоперскомъ уѣздахъ вездѣ, гдѣ мнѣ пришлось слышать эту фамилію, произносится народомъ съ звукомъ *з* — Звизинцевъ; 2) прилагательное „маленькій“ часто является въ формѣ „масичькяй“, которая невольно напрашивается на сопоставленіе съ другой формой того же слова „маханькяй“, не менѣе употребительной, чѣмъ „масичькяй“: звукъ *с*, кажется, въ послѣднемъ словѣ получился изъ *х* въ „маханькяй“. Впрочемъ болѣе вѣроятно въ обоихъ случаяхъ видѣть не фонетическое явленіе.

Сдѣлавъ общія замѣчанія, относящіяся ко всей группѣ задненебныхъ звуковъ, перейдемъ теперь въ отдѣльности къ каждому звуку: *к*, *г*, *х*. Кромѣ послѣдняго звука (*х*) задненебные звуки въ отдѣльности въ своемъ произношеніи и судьбѣ представляютъ рѣзкую отличительную черту воронежскаго консонантизма.

---

[1]) V, 97, 141, III, 85 стр.

§ 22. Звукъ *к* и его замѣна другими звуками.

Переходъ голосовыхъ въ безголосные и обратно безголосныхъ въ голосовые, о чемъ выше говорилось, представляетъ намъ многочисленные примѣры регрессивной ассимиляціи въ области согласныхъ звуковъ, т.-е. примѣры вліянія слѣдующихъ звуковъ на предыдущіе. Эта ассимиляція и въ области согласныхъ звуковъ, какъ и въ области гласныхъ, имѣетъ наибольшее распространеніе. Но рѣже встрѣчаются примѣры обратной ассимиляціи, прогрессивной, когда предыдущій звукъ оказываетъ вліяніе на послѣдующій. Въ области воронежскаго консонантизма едва ли не единственный случай такой ассимиляціи мы наблюдаемъ надъ задне-небнымъ звукомъ *к:* этотъ звукъ, попадая въ положеніе послѣ мягкаго согласнаго или *j*, самъ становится мягкимъ. Это явленіе непереходнаго смягченія звука *к* извѣстно не одному воронежскому говору; изъ южно-великорусскихъ говоровъ его знаютъ рязанскіе, курскіе, сѣверно-харьковскіе и, можетъ быть, другіе; извѣстно оно отчасти и сѣверно-великорусскимъ говорамъ [1]).

Въ великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи непереходное смягченіе *к* въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго или *j* представляетъ повсемѣстное, строго выдержанное явленіе; поэтому и примѣры для него встрѣчаются постоянно едва-ли не во всѣхъ собранныхъ нами пѣсняхъ; приведемъ для примѣра нѣсколько случаевъ: люлькя, дочькя, патихонькя, горькяя, славечькя, дяфчёнычькя, рѣчинькя, крутинькяй, милачькя, калечькя, дабренькя, питачькя, Танькя, Ванькя, чайкю, дай-кя, налейкя, судамойкя, талагайкя, папрашайкя, свайкя, ни умирай-кя, дочькю, въ лясочькю, па калечькю, па лавачькямъ, начальничькю, малачькё и т. д.

[1]) „Къ діалектологіи" Будде, 55—56 стр.

Въ другихъ случаяхъ, т. е. не послѣ мягкаго согласнаго или *j*, звукъ *к* не подвергается смягченію, а потому постоянно слышится: на рѣчюшку, шашка, личюшка, Микитка, Гришка, каляска, друшка́, батюшка, расписка, вдовышка, калинышку, парасёнка и др.

Говоръ Краснаго Лога Вор. у. и въ этомъ случаѣ является исключеніемъ, или совсѣмъ не допуская непереходнаго смягченія звука *к*, стоящаго послѣ мягкаго согласнаго или *j*, или же въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя его только съ нѣсколько отличнымъ характеромъ. Эта особенность заключается въ томъ, что въ результатѣ смягченія въ Красномъ Логу получается не вполнѣ мягкій *к*, а средній по мягкости; такъ, напримѣръ, слово „горькяй" въ Красномъ Логу звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ, напр., въ Козловкѣ Бобровск. уѣзда, Танцыреяхъ Новохопер. у. и др. Но и это, такъ сказать, неполное смягченіе въ Красномъ Логу допускается очень рѣдко; въ большинствѣ случаевъ звукъ *к* и въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго и *j* остается безъ измѣненія своего качества, напр.: Ваничька, Мишычька, Ганька, Васютычька, харошенька, маладёханьку и др.

Какъ видно изъ матеріала, помѣщеннаго въ „Вор. Этн. Сборн.", говоръ мѣщанскій также не допускаетъ разсматриваемаго смягченія звука *к*; формы несмягченныя въ „Сборникѣ" обычныя: милинькай, горькай, капейка, иньдейка, балалайка, памаленьку, свисьтюлька, дириваеньку, угалькоф, маленька, сладенька, Васька, Ванька [1]) и др. Если и встрѣчаются изрѣдка въ „Сборникѣ" примѣры непереходнаго смягченія, какъ напр.: бачькя, горькя, Ванькя [1]), то эти случаи нужно отнести насчетъ сельскихъ, народныхъ говоровъ, такъ какъ, по заявленію г. Дикарева, матеріалы для мѣщанскихъ говоровъ собирались и въ селахъ Воронежской губерніи [2]).

---

[1]) „Вор. Этн. Сборн.", 264, 265, 259, 263, 237, 154, 89, 84; 223, 170, 88 стр.

[2]) Ibid., 58 стр.

Итакъ, непереходное смягченіе задненебнаго звука *к* представляетъ въ воронежскихъ народныхъ говорахъ почти повсемѣстное явленіе и составляетъ настолько рѣзкую черту воронежскаго консонантизма, что не замѣтить и пройти молчаніемъ ее нельзя. Насколько это явленіе старо въ русскомъ языкѣ—я не знаю; смягченіе звука *к* непереходное, напр., постановка вм. *кы* сочетанія *ки*, о чемъ говорилось выше, явилось уже въ древнюю пору русскаго языка; но насколько можно судить по примѣрамъ, представленнымъ въ „Лекціяхъ" проф. Соболевскаго для непереходнаго смягченія звука *к* въ сочетаніи съ другими гласными, кромѣ *ы* [1]),—разсматриваемое нами смягченіе звука *к* не извѣстно было древне-русскому языку и не обусловливалось тѣми причинами, которыя для него существуютъ теперь въ воронежскихъ и рязанскихъ, напримѣръ, говорахъ. Что касается письменныхъ документовъ Воронежской губ., то въ тѣхъ предѣлахъ, которыми мы ограничились, они представляютъ одинъ примѣръ непереходнаго смягченія звука *к*, стоящаго послѣ *j*; въ „Воронежскихъ Актахъ" читаемъ: „губной староста . . . продалъ клѣтъ съ приклѣтомъ да . . . стойкю" [2]). Но мнѣ кажется, что и на основаніи этого единственнаго примѣра нужно допустить существованіе непереходнаго смягченія звука *к* въ живой рѣчи того времени въ виду слѣдующихъ соображеній: если въ оффиціальной письменности, державшейся извѣстныхъ выработанныхъ орѳографическихъ пріемовъ, является случай непереходнаго смягченія задненебнаго *к*, хотя и единственный, то, безъ сомнѣнія потому, что это явленіе существовало въ живой рѣчи и было даже настолько сильно распространено, что съ его вліяніемъ не могъ вполнѣ справиться писецъ-грамотей, дьякъ, и, вытѣснивъ это явленіе въ другихъ случаяхъ, все-таки невольно поддался общему теченію, вліянію общаго явленія современнаго ему языка. Такимъ

---

1) „Лекціи" Соболевскаго, 91—92 стр.

2) „Воронежскіе Акты", стр. 208.

образомъ, мнѣ кажется, несомнѣннымъ фактомъ нужно признать то, что въ началѣ XVII вѣка непереходное смягченіе звука *к* при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ оно происходитъ въ настоящее время, было извѣстпо воронежскимъ говорамъ и представляло собою уже замѣтное явленіе.

Для полнаго обзора особенностей звука *к* воронежскихъ говоровъ остается еще сказать о его замѣнахъ другими звуками, которыхъ немного. Самымъ частымъ замѣстителемъ *к* является звукъ той же категоріи — *х*. Какъ замѣститель *к*, этотъ звукъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ положеніи *к* передъ слѣдующимъ *т*, напр.: тарахтяръ и карахтяръ, па бальшому трахту, фъ трахтирѣ, атитехтаръ=архитекторъ, хто, дохтарь (дохтурь), дилехтарь, тахъ-та, парикмахтяръ (въ послѣднемъ словѣ *т* — вставочный звукъ, явившійся, можетъ быть, по аналогіи съ „дохтарь, дилехтарь“ и др.). Является *х* на мѣстѣ *к* и въ положеніи послѣдняго передъ слѣдующимъ *к*; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ диссимиляціей звука *к*, напр.: хъ краснаму, хъ краватки, хъ Казанску Собору, хъ каму, хъ кураһоду и др. Рѣже *х* на мѣстѣ *к* встрѣчается и передъ другими звуками, напр.: хрясцы=крестцы, хрёстъ, хрястины („кстины“ отъ „кстить“ изъ „крьстити“) [1]), хъ стѣнки, хъ серцу, хватера, сахваяшъ, хлапы, хъ полначи, лехшай; даже передъ гласнымъ *к*=*х* въ словѣ „патхалодная“, можетъ быть, по аналогіи съ „холодъ“.

Кромѣ *х*, имѣющаго для себя примѣры и въ исторической письменности Воронежской губ. [хъ Коротояку [2]), хто, хъ клену, ни хъ кому, нихто [3])], на мѣстѣ звука *к* изрѣдка являются и другіе звуки: 1) звукъ *п* въ словѣ „папиряпоръ“=наперекоръ; можетъ быть, подъ

---

[1]) Рус. Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 1-й, 21 стр.

[2]) „Воронежскіе Акты“, 234 стр.

[3]) „Матеріалы“, 331, 336 стр.

вліяніемъ близкаго по смыслу глагола „препираться“; 2) звукъ *т* въ имени „Авдотья“ по сравненію съ „Евдокія“ и въ словахъ: табатерка, калинтору = коленкору (въ послѣднемъ какая-либо особая этимологія).

§ 23. Звукъ *г* и замѣна его другими звуками.

Уже въ XII—XIII вв. русскій языкъ сталъ мѣнять мгновенный звукъ *г* = лат. *g* на фрикативный *г* = лат. *h*. Въ XIV в. въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ послѣдній звукъ сдѣлался господствующимъ [1]) и сохранился въ нихъ и по настоящее время [2]). Великорусскимъ говорамъ этотъ проточный *г* = *h* также извѣстенъ, но въ различной степени для разныхъ говоровъ. Московскій, напримѣръ, говоръ знаетъ этотъ звукъ, но употребленіе его здѣсь ограничено преимущественно словами, взятыми изъ церк.-славянскаго языка, и словами съ группами *гд* (когда, тогда и др.) [3]). Рязанскій говоръ знаетъ проточный *h* очень хорошо, и здѣсь его употребленіе распространено не менѣе, чѣмъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ [4]). Въ воронежскихъ говорахъ, какъ и въ рязанскихъ, звукъ *h* очень хорошо извѣстенъ; можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губ. звукъ *г* произносится какъ *g*, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ лично, такого произношенія звука *г* наблюдать не приходилось, и потому можно сказать, что господствующимъ звукомъ является *г* = *h*. Иногда даже передъ этимъ проточнымъ *h* является придыхательный *х*; это мнѣ пришлось наблюдать въ селѣ Гнилушѣ Павлов-

---

[1]) „Лекціи“ Соболевскаго, 89 стр.

[2]) „Обзоръ“ Карскаго“, 23 стр., „Очеркъ“ Соболевскаго.

[3]) „Лекціи“ Соболевскаго, 90 стр.; „Два изслѣдованія“ Потебни, 69 стр.

[4]) „Къ діалектологіи“ Будде, 50—54 стр.

скаго уѣзда: Хһнилуша, хһдѣ и др. Благодаря только такому произношенію звука *г*, въ воронежскихъ говорахъ не рѣдко приходится наблюдать съ одной стороны полное его исчезновеніе, какъ придыхательнаго звука, напр.: када, тада, никада (также со звукомъ *ъ* на мѣстѣ конечнаго *а*), зафсяда (но и „зафсяһда"), блаародный, па'лидика, блаславить, съ извярамъ = съ извергомъ, дѣ-идѣ = гдѣ и др.; съ другой стороны смѣшеніе этого звука съ средненебнымъ *j*: въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ воронежскій *г* измѣняется иногда въ *j* или только приближается къ нему въ произношеніи, напр.: јанаралъ, Јаһоръ=Георгій [1]), въ Боји ходимъ; и наоборотъ, *j* иногда измѣняется въ *г*=*h*, напр.: налоһа, налох(һ)ъ= налоя, налой (въ именит. п. *h*, измѣнившееся въ изглашеніи въ *х* по закону о переходѣ голосовыхъ въ безголосные, занесенъ изъ косвенныхъ уже падежей); впрочемъ здѣсь скорѣе народная этимологія. Такое смѣшеніе *j* и *г* возможно только подъ условіемъ существованія *г*= лат. *h*, т.-е. проточнаго *г*, а не мгновеннаго, который, напримѣръ, извѣстенъ московскому говору и никогда тамъ не смѣшивается съ *j*. Далѣе, только благодаря существованію *г*=*h*, въ изглашеніи звукъ *г* въ воронежскихъ говорахъ всегда измѣняется въ придыхательный *х*, а не *к*, какъ, напр., въ говорѣ московскомъ и сѣверно-великорусскихъ говорахъ. Наконецъ, въ пользу проточнаго *г*, какъ господствующаго звука воронежскихъ говоровъ, говоритъ и то обстоятельство, что звукъ *г* и въ срединѣ слова, не въ положеніи передъ слѣдующимъ безголоснымъ, произносится такъ мягко, что совпадаетъ съ *х*, напр., Бирьсихлѣпскъ = Борисоглѣбскъ. Впрочемъ и въ этомъ переходѣ скорѣе слѣдуетъ видѣть особую этимологію — вліяніе слова хлѣбъ. И это явленіе настолько распространено, что отъ него въ Воронежской губ, не свободенъ даже человѣкъ, получившій образованіе. Мнѣ

---

[1]) Рус. Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 1, стр. 28.

самому однажды пришлось диктовать извѣстныя стихи изъ басни Крылова „Водопадъ и Ручей“: „Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ“ . . . Произношеніе мое звука *г* было настолько мягко, что одинъ изъ учениковъ написалъ „сверхаяся“.

И такъ, несомнѣнно, что господствующимъ звукомъ воронежскихъ говоровъ является проточный *h* [1]), а не мгновенный *g*, существованіе котораго въ воронежскихъ говорахъ, можетъ быть, откроется при болѣе обстоятельномъ знакомствѣ съ ними.

Примѣровъ проточнаго *h* можно, какъ и непереходнаго смягченія звука *к*, привести массу, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости; достаточно и слѣдующихъ случаевъ, въ которыхъ звукъ *h* является передъ согласными и гласными звуками: hлупую, успрыhнуть, hринадеръ, hромка, аhромнай, праhлядѣлъ, иhраютъ, hрямить, инаhда, hлавная дѣла, hлазушки, паhрызлись, hнались; hарошыкъ, hара, hадала, hаркня, зhубила, hуляй, драhунъ, hаласила, hадочькю, hотъ, мноhа и др. Примѣры взяты изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ уѣздовъ. Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что форма родит. падежа прилагательныхъ мужескаго и средняго рода въ воронежскихъ народныхъ говорахъ преимущественно оканчивается на *hа* — милаhа, дараhоhа, харошинькяhа, также каhо, яhо (откуда и названія „каhуны“, „яhуны“), хотя очень часто является окончаніе *ва*, т.-е. то окончаніе, которое обыкновенно употребляютъ лица, говорящія языкомъ литературнымъ. Но между этими двумя окончаніями родительнаго падежа прилагательныхъ (*hа* и *ва*) — на мой взглядъ — нѣтъ никакой связи, т.-е. окончаніе *ва* нѣтъ основанія выводить изъ *hа*, восходящаго къ болѣе древнему окончанію съ звукомъ *г* мгновеннымъ, какъ это дѣ-

---

[1]) Записывая пѣсни, звукъ *г* проточный воронежскихъ говоровъ мы передавали латинскимъ, общепринятымъ въ такихъ случаяхъ знакомъ *h*.

лаетъ Будде [1]). Выводя *ва* изъ *hа*, Будде, между прочими, ссылается на тотъ фактъ, что въ рязанскихъ говорахъ извѣстна и обратная мѣна, мѣна *в* на *h* въ предлогѣ *въ* (h Маскву, h Мурамъ и др.). Въ Воронежской губ. подобной мѣны нѣтъ, но тѣмъ не менѣе оба окончанія родит. пад. прилагательныхъ мужескаго рода существуютъ, и „*ва*" я отношу насчетъ вліянія литературнаго языка, потому что это окончаніе свойственно мѣстамъ, наиболѣе доступнымъ вліянію цивилизаціи. Что же касается происхожденія „*ва*", то вѣрнѣе его объяснять слѣдующимъ образомъ: когда мгновенный *г* въ русскомъ языкѣ сталъ измѣняться въ фрикативный *h*, то и въ формѣ родительнаго падежа на мѣстѣ *г* явился *h*, который съ теченіемъ времени въ этой формѣ сталъ выпадать; вслѣдствіе его выпаденія являлось зіяніе, нетерпимое русскимъ языкомъ; для устраненія этого зіянія, образовавшагося съ выпаденіемъ *h*, между двумя гласными былъ вставленъ звукъ *в*, который одновременно, какъ вставочный и приставочный звукъ на мѣстѣ отпавшаго и выпавшаго *h*, сталъ являться и въ другихъ случаяхъ [2]). Такимъ образомъ вмѣсто *hо* = древнему *го*, но не изъ *hо*, явилось „*во*" въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ.

Изъ замѣстителей звука *h*, за исключеніемъ *j* и *x*, съ которыми звукъ *h* иногда смѣшивается въ воронежскихъ говорахъ, извѣстны еще слѣдующіе: 1) звукъ *д* въ словахъ: аньдялъ, андильскай и яваньдиля (измѣненіе *г* въ *д* было извѣстно и древне-русскому языку) [3]); 2) звукъ *л* въ именахъ: Явлеnій (Явленьтій) и Явленія = Евгеній и Евгенія (Поворино Новохопер. у.); въ рязанскихъ говорахъ на мѣстѣ *г* въ этихъ случаяхъ, какъ и въ первыхъ, является звукъ *д* [4]); 3) звукъ *н* въ словѣ „шлан-

---

[1]) „Къ діалектологіи" Будде, 53—54 стр.
[2]) „Лекціи" Соболевскаго, 90 стр.
[3]) Ibid., 92 стр.
[4]) „Къ діалектологіи" Будде, 55 стр.

баумъ". Звукъ *в*, какъ видимъ, на мѣстѣ *h* въ воронежскихъ говорахъ не является.

§ 24. Замѣна звука *х* другими звуками.

Звукъ *х* изъ задненебныхъ звуковъ вызываетъ наименѣе замѣчаній о себѣ; слѣдуетъ отмѣтить только замѣну его звукомъ *ф*, частымъ замѣнителемъ котораго является съ своей стороны *х*, напр.: куфарка, куфня и друг.

§ 25. Звукъ *й (j)*.

Вводя этотъ звукъ въ свое изслѣдованіе, мы имѣемъ въ виду указать одну особенность, отмѣченную нами въ области этого звука, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ говорилось раньше, именно, на мѣстѣ *j* иногда является *ль* или просто мягкое *л*, напр.: муравли—муравель, һарнасталь—һарнастали, жевельный=живейный (извощикъ), пительный = питейный. Извѣстно, что губная +*j* въ результатѣ даетъ губную + *л*, напр.: люблю, ловлю и т. д. Очевидно, что въ „муравли" вм. муравьи звукъ *л* на мѣстѣ *j* развился аналогичнымъ путемъ; но въ другихъ случаяхъ смѣна *j* на *л* въ положеніи послѣ гласной непонятна.

§ 26. Губные и зубно-губные звуки: *б, п, в, ф, м.*

Губные и зубно-губные звуки въ воронежскихъ говорахъ обнаруживаютъ склонность къ отвердѣнію; но эта черта въ живой рѣчи не выдержана строго, замѣтно колебаніе между твердымъ и мягкимъ произношеніемъ этихъ звуковъ, хотя чаще они являются звуками твердыми, напр.: крофъ, любофъ, пролупъ, һолупъ, бравами, па-

стафъ; сем, восим, церкаф, пригатофте, пастафте [1]) и друг.; но съ другой стороны „червённай“ = червоннай, хазявья = хозяева. Слѣдовательно, въ области губныхъ звуковъ воронежскіе говоры рѣзко расходятся съ рязанскими говорами, которымъ свойственно смягченіе губныхъ звуковъ въ положеніи ихъ передъ мягкимъ слогомъ [2]); воронежскіе говоры и въ этомъ случаѣ удерживаютъ губные твердые, напр., въ „дѣфки, залофки, гупки, зупки“ и др. губные являются такими же твердыми звуками, какъ и въ „һалупчикъ, Капкасамъ, һалофку, за пакрофскаю“ и т. д.

Только иногда губные воронежскихъ говоровъ по своему характеру приближаются къ тѣмъ же звукамъ рязанскихъ говоровъ, именно въ двухъ случаяхъ—„гатовю, ставю“ пришлось отмѣтить непосредственное смягченіе губныхъ звуковъ — черту, извѣстную въ нѣсколько большихъ размѣрахъ и въ рязанскихъ говорахъ. Указанные случаи непосредственнаго смягченія губныхъ звуковъ въ воронежскихъ говорахъ представляютъ собою рѣдкое исключеніе, развившееся подъ вліяніемъ другихъ лицъ настоящаго времени, гдѣ звукъ *л* выпадаетъ (люблю — любишь, любимъ . . .); вообще же губные звуки воронежскихъ говоровъ знаютъ только посредственное смягченіе, извѣстное всему великорусскому языку, и проводятъ это смягченіе далѣе, чѣмъ языкъ литературный; такъ, посредственное смягченіе губныхъ въ словахъ „наступливать, заһанливала, заламливала, тярплѣнья“, и др. литературному языку неизвѣстно.

Что касается замѣны губныхъ звуковъ другими звуками, то въ этомъ отношеніи не всѣ они представляютъ одинаковый интересъ: болѣе замѣчательны звуки *в*, *ф* и *м*.

---

1) Вор. Этн. Сборн., 156, 115, 109, 89, 97, 53 стр.

2) „Къ діалектологіи“ Будде, 60—62 стр.

§ 27. Замѣна звука *в* другими звуками.

а) Какъ звукъ *в* въ воронежскихъ говорахъ является нерѣдко на мѣстѣ *у*, такъ, наоборотъ, звукъ *у* замѣняетъ собою *в*. Относительно этой послѣдней мѣны высказались раньше Потебня и Соболевскій; но — на мой взглядъ — ни тотъ, ни другой, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о Воронежскихъ говорахъ, не опредѣлили вполнѣ вѣрно предѣлы этой мѣны. Проф. Соболевскій говоритъ очень неопредѣленно, что „здѣсь (т.-е. въ Вор. губ.) отмѣчены *у* вм. *в* и наоборотъ“ [1]). Съ другой стороны Потебня, когда говоритъ, что „на югъ отъ Москвы *в* никогда не звучитъ какъ *ф*, а напротивъ близится къ гласному *у*. Предлогъ *у* измѣняется въ *в* и наоборотъ въ Калуж., Орлов., Курск. Воронеж.“ . . . [2]), — отводитъ слишкомъ много мѣста для мѣны *в* на *у*, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Воронежской губ. Дѣйствительно, мѣна звука *в* на *у* извѣстна воронежскимъ говорамъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ какіе отводитъ ей Соболевскій; но съ другой стороны эта мѣна не представляетъ настолько распространеннаго и общаго явленія, чтобы могла оправдать опредѣленіе Потебни. Измѣняясь нерѣдко и во многихъ мѣстахъ въ *у*, звукъ *в* въ то же время очень часто измѣняется въ *ф* въ томъ случаѣ, когда *в* приходится стоять въ изглашеніи или передъ безголоснымъ согласнымъ звукомъ (примѣры этого измѣненія были уже указаны въ своемъ мѣстѣ); также и предлогъ *въ*, который — по замѣчанію Потебни — мѣняется на *у*, очень часто измѣняется въ *ф* при извѣстныхъ условіяхъ, напр., ф поли, ф тѣли, ф церкви и т. д.

Такимъ образомъ, мѣна *в* на *у* не представляетъ постояннаго явленія въ воронежскихъ говорахъ; но тѣмъ не менѣе она является очень часто для того, чтобы ее

---

[1]) „Очеркъ“ Соболевскаго, 19—20 стр.

[2]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 69 стр.

не замѣтить. Случаи мѣны *в* на *у* замѣчаются преимущественно въ предлогѣ *вѣ*, но иногда та же мѣна является и въ корнѣ, напр.: сижу у куряню, унучёнычикъ, у пярвой расъ, усѣхъ — усю — усѣ, вышалъ у чистаю полю, у терями, успрыѣня, у томъ у царьствя, узмалилась, у самаю у полначъ, узялъ, удава—удавая (но и вдовышка), уредитель, узвалили, у клуни, у пячи, у хати, у церкви, у рощи, узирали, у саду,— примѣры взяты изъ Землян., Нижнедѣв., Воронеж., Павлов. и Бобров. уу.; узялъ [1]), у стаканъ, у рукафъ, у тялѣгу, у лѣсъ, узялъ, у сталѣ, у домя, у лѣся [2]), у колодезѣ, у одномъ селѣ, узялъ [3]). Иногда вмѣсто *в* является *ув*, т.-е. начальное *в* развиваетъ передъ собою еще полугласный звукъ ў, напр.: ув акошка, ув ызбя увайдешъ (Красный Логъ Вор. у.), увесь (Троиц. Земл. у.), уво́фся (Кисляй Павлов. у.).

Переходъ *в* въ звукъ *у* — явленіе древнее въ русскомъ языкѣ: по памятникамъ галицко-волынскимъ онъ восходитъ къ XII вѣку; по другимъ памятникамъ — къ XIII—XIV в. [4]) (Колосовъ относитъ это явленіе еще къ болѣе раннему времени, именно къ XI в.) [5]). Въ настоящее время этотъ переходъ извѣстенъ всѣмъ русскимъ говорамъ, но въ различной степени. Говоры сѣверно-великорусскіе знаютъ этотъ переходъ сравнительно рѣдко [6]); малорусскимъ же и бѣлорусскимъ говорамъ мѣна *в* на *у* извѣстна въ значительныхъ размѣрахъ [7]).

Что касается южно-великорусскихъ говоровъ, то распространенность этой мѣны въ нѣкоторыхъ, по крайней

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 77, 258 стр.
[2]) Лит. Сборн., 301, 273 стр.
[3]) „Сказки" Аѳ., V, 181, 190, 178.
[4]) „Лекціи" Соболевскаго, 87 стр.
[5]) „Очеркъ" Колосова, 62, 78 стр.
[6]) „Обзор" Колосова, 85 стр.; „Лекціи" Соболевскаго, 88 стр.; „Два изслѣдованія" Потебни, 91 стр.
[7]) „Обзоръ" Карскаго, 53—54 стр.; „Два изслѣдованія" Потебни, 134—135 стр.

мѣрѣ, изъ нихъ указывается Потебнею, а также Колосовымъ [1]). Но добавимъ отъ себя, что не вездѣ въ южновеликорусскихъ говорахъ мѣна *в* на *у* имѣетъ одинаковое распространеніе — и такой фактъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ для себя основаніе. Въ рязанскихъ, напр., говорахъ мѣна *в* на *у* гораздо менѣе распространена, чѣмъ въ воронежскихъ (ср. „Къ діалектологіи" Будде, 65—66 стр.) — и это количественное различіе, мнѣ кажется легко объясняется сличеніемъ этнографическаго состава той и другой губерніи. Великороссы Воронежской губ. живутъ о-бокъ съ малороссами, входятъ съ ними въ частыя отношенія; въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ населеніе смѣшанное, состоящее изъ великорусскаго и малорусскаго населенія, причемъ смѣшеніе этихъ двухъ элементовъ иногда простирается на одно село: въ с. Верхо-Тишанкѣ Бобров. уѣзда часть населенія — великорусская, другая — малорусская. Такое близкое сосѣдство не могло, конечно, остаться безъ вліянія со стороны малороссовъ на великорусскую рѣчь — и распространенность мѣны *в* на *у*, какъ и обратной мѣны, безъ сомнѣнія нужно считать результатомъ малорусскаго вліянія. Это предположеніе кажется мнѣ несомнѣннымъ въ виду слѣдующихъ фактовъ. Съ одной стороны воронежская письменность I-й половины XVII в. не представляетъ ни одного случая смѣны *в* на *у* (равно и обратной смѣны) — и это понятно: къ этому времени вліяніе малороссовъ на великорусскую рѣчь не могло еще сказаться, такъ какъ малороссы въ качествѣ колонизаторовъ Воронежской губерніи явились только около 1640 г. Съ другой стороны, мѣна *в* на *у* замѣчается въ Воронежской губерніи преимущественно въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ населеніе смѣшанное, именно, въ Павловскомъ, Бобровскомъ, Нижнедѣвицкомъ, Землянскомъ и, навѣрное, другихъ, гдѣ населеніе также смѣшанное (напр., Коротояцкомъ, Валуйскомъ, Бирюченскомъ), но для которыхъ у насъ или

---

[1]) „Обзоръ" Колосова, 84—85 стр.

нѣтъ совсѣмъ матеріала, какъ для двухъ послѣднихъ, или есть очень мало (для Коротоякскаго).

б) Изъ другихъ замѣнъ звука *в* самою частою является въ воронежскихъ говорахъ переходъ его въ *м*, извѣстный въ дѣепричастіи прошедшаго времени на „*вши*", которое всегда и вездѣ замѣняется посредствомъ „*мши*", напр.: расчясамшы, сасламшы, абнямшысь, призадумамшы, набрамшы, напримамшы, иблажомшы, падашомшы, падаёмшы, працыжомшы, убрамшы, пакушамшы, пиряплымшы, пирлятёмшы и др.

Объясняется смѣна „вши" на „мши" болѣе или менѣе удовлетворительно тѣмъ, что въ форму русскаго дѣепричастія вмѣсто обычнаго „вши" была взята причастная форма славянскаго глагола ıѧти — емъши.

в) Въ нѣсколькихъ словахъ на мѣстѣ звука *в* встрѣтился въ различныхъ мѣстахъ звукъ *б*; эти слова слѣдующія: ƕубярнанка, Абрамъ, Аббакумъ, абакатъ (и аввакатъ). Эта черта, какъ и предшествующая, кромѣ воронежскихъ, извѣстна и другимъ говорамъ [1]) и, вѣроятно, не представляетъ фонетическаго перехода.

г) Въ слѣдующихъ словахъ на мѣстѣ *в* является звукъ *л*: Алдошка = Евдокимъ (Поворино Новохоп. у.), слабода, слабодинъ (повсемѣстное явленіе), Алгенья = Евгенія (Танцыреи Новохоп. у., но въ Поворинѣ „Явленья").

д) Наконецъ въ единичныхъ случаяхъ на мѣстѣ *в* находимъ слѣдующіе звуки: 1) *п* въ словѣ „Капкасъ" (Горѣлка Новохоп. у. и въ другихъ мѣстахъ); 2) *р* въ словѣ „скрось", хотя въ старо-славянскомъ языкѣ извѣстны и „сквозѣ" и „скрозѣ" [2]); 3) *с* въ словѣ „скусъ" = вкусъ, можетъ быть, по аналогіи съ „скусить" и 4) *д* въ словѣ „дубродушка" = дубровушка; послѣдняя смѣна совершенно непонятна и носитъ характеръ случайности.

---

[1]) „Обзор" Колосова, 168, 169 стр.; „Къ діалектологіи" Будде, 68 стр.

[2]) Ср. также „Обзоръ" Карскаго, 60 стр.

§ 28. Замѣна звука *ф* другими звуками.

Зубно-губной *ф* мало свойственъ русскому языку. Изъ всѣхъ русскихъ говоровъ наибольшее распространеніе этотъ звукъ получилъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: эти говоры не только удержали звукъ *ф* въ словахъ, въ которыхъ онъ являлся, но стали употреблять его часто на мѣстѣ другихъ звуковъ [1]. Къ другимъ русскимъ говорамъ этотъ звукъ или совсѣмъ не привился и былъ съ ранняго времени замѣняемъ другими, какъ, напримѣръ, въ говорахъ малорусскихъ [1], или же нашелъ сравнительно незначительное распространеніе, замѣняясь чаще другими звуками. Къ этой послѣдней группѣ говоровъ относятся бѣлорусскіе, знающіе *ф*, но чаще замѣняющіе „этотъ непривычный для бѣлорусскаго уха звукъ черезъ *п*, *хв*" [2], и говоры южно-великорусскіе. Впрочемъ, въ послѣднихъ употребленіе *ф* довольно распространено, насколько можно объ этомъ судить на основаніи рязанскихъ и воронежскихъ говоровъ. О появленіи звука *ф* на мѣстѣ *в* при извѣстныхъ условіяхъ уже говорилось въ предыдущемъ §. Здѣсь сверхъ сказаннаго отмѣтимъ еще интересные, хотя очень рѣдкіе, ограниченные нѣсколькими словами, случаи появленія *ф* на мѣстѣ тѣхъ звуковъ, которыми обыкновенно онъ самъ замѣщается, напр.: фостъ = хвостъ, сфатить = схватить, фастаисьси = хвастаешься, Фирсанъ = Хрисанфъ, штрафовка = страховка, куфня, куфарка. Больше этихъ случаевъ въ воронежскихъ говорахъ указать нельзя, хотя въ другихъ говорахъ извѣстны еще нѣкоторые случаи появленія звука *ф* на мѣстѣ *х*, *хв* [3].

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 99.

[2]) „Обзоръ" Карскаго, 69 стр.

[3]) „Лекціи" Соболевскаго, 100 стр.; „Обзор" Колосова, 171 стр.

Получивъ нѣкоторое распространеніе въ воронежскихъ говорахъ, звукъ *ф* все же чаще замѣняется другими, какъ звукъ менѣе привычный для слуха. Наиболѣе распространенною замѣною звука *ф* въ воронежскихъ говорахъ, какъ и другихъ русскихъ говорахъ, является или звукъ *хв* или *х*. Эта замѣна звука *ф* извѣстна всей великорусской половинѣ Воронежской губ.; напр.: Стяхванъ—Стяхвашка, съ Хвилипамъ, Хвёдаръ, Хвилатъ (сокращенное изъ Ѳеофилактъ черезъ посредство Филатъ), хвунтъ, праштрахвилси, хварсить, хвитиль, хвамилія и хамилія, хвальшъ — хвальшивай, хватера (изъ квартера черезъ посредство „фатера"; хотя здѣсь можно видѣть ослабленіе *к* въ *х*), Хавронья, палуштохъ, Трахимъ, Ахремъ, по хранцуски, хрунтъ, хавраль, кахизма.

Другою замѣною, менѣе распространенною, является звукъ *п*, напр.: Проска, Апроськя = Евфросинья, Стяпанъ (но и Стяхванъ), Апанасъ (какъ и въ малорусскомъ и, вѣроятно, благодаря малорусскому вліянію), потрапить (но патрафилъ), Осипъ = Іосифъ. Послѣднее слово, кромѣ замѣны *ф* звукомъ *п*, вызываетъ и другое замѣчаніе относительно начальнаго *о*. Судя по другимъ подобнымъ примѣрамъ, напр., Ярдань, гдѣ *я* изъ *е* безударнаго, которое восходитъ къ тому же сочетанію *іо* (Іорданъ), которымъ начинается слово Іосифъ,—и въ послѣднемъ ожидали бы *е* или *я*, а не *о*, т.-е. *Есипъ (*Ясипъ), а не Осипъ [1]). Такая форма, какъ переходная, и существовала навѣрное; изъ нея затѣмъ явилась существующая и теперь рядомъ съ „Осипъ" форма „Ёсипъ", въ которомъ звукъ *ё (jo)* явился изъ *е* ударяемаго, хотя и не вполнѣ правильно. Изъ этой послѣдней (Ёсипъ) и рядомъ съ ней явилось „Осипъ" съ отпаденіемъ *j*.

---

1) „Лекціи"... Брандта, стр. 40.

§ 29. Замѣна звука *м* другими звуками.

Губно-носовой звукъ *м*, какъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ, замѣняется въ воронежскихъ говорахъ звукомъ *н*; эта замѣна происходитъ преимущественно въ томъ случаѣ, когда звуку *м* приходится стоять передъ слѣдующимъ губнымъ звукомъ, напр.: лanпада—ланпатка, ланпа, анбаръ, бонба, Танбофъ, канпальонъ (канпильонъ). Рѣже *м* измѣняется въ *н* передъ другими согласными и даже гласнымъ звукомъ, напр.: ранка = рамка, небиль = мебель (въ послѣднемъ словѣ *н* вмѣсто *м* могло явиться вслѣдствіе приспособленія иностраннаго слова къ русскому языку.

Замѣна *м* звукомъ *н* завѣщана воронежскимъ говоромъ стариною. Въ памятникахъ воронежской письменности эта замѣна встрѣчается въ тѣхъ словахъ, которыя въ той же формѣ живутъ и по настоящее время, именно: анбаръ, Танбовъ [1]), Тонбовскій [2]).

§ 30. Плавные звуки *р* и *л*.

Въ области плавныхъ *р* и *л* воронежскихъ говоровъ, какъ выдающуюся черту, слѣдуетъ отмѣтить диссимиляцію этихъ звуковъ, примѣры которой въ области согласныхъ мы видѣли уже на звукѣ *к* (см. § 23). Случаи диссимиляціи плавныхъ звуковъ встрѣчаются въ русскомъ языкѣ уже въ XIII вѣкѣ; въ XIV вѣкѣ этихъ случаевъ больше, но вообще нужно замѣтить, что „число примѣровъ диссимиляціи плавныхъ въ нашемъ языкѣ невелико“ [3]).

---

1) „Воронежскіе Акты“, 210, 248 стр.
2) „Матеріалы“, 373 стр.
3) „Лекціи“ Соболевскаго, 98 стр.

Въ воронежскихъ говорахъ диссимиляцію плавныхъ мы отмѣтили въ слѣдующихъ словахъ: сиклятарь, ляпортъ, на кульерскихъ, калидоръ, ливязоръ, ливальеръ, дилехтурь, пролупъ, сталавѣръ, сталабрядецъ (и сталаблядецъ), алхирей, аларь, лыцарь, лыцарьскій (Ворон., Павлов., Бобров., Новохоп. и Коротояц. уу.), — во всѣхъ этихъ случаяхъ диссимилируется плавный *р*; диссимиляція другого плавнаго *л* встрѣтилась только въ одномъ словѣ — флигарь = флигель.

Къ явленію диссимиляціи не относимъ случаевъ взаимной мѣны плавныхъ звуковъ, развившейся несомнѣнно подъ вліяніемъ диссимиляціи, напр.: чиликалъ, чиликанье, п'рисадникъ, ириктричества (въ послѣднемъ словѣ *л* ассимилировался съ слѣдующимъ звукомъ *р*). Въ словахъ „чиликалъ“, чиликанье“, какъ и въ выше приведенныхъ примѣрахъ, проф. Соболевскій также видитъ диссимиляцію плавнаго звука.

Но иногда плавный звукъ, встрѣчаясь два раза въ томъ же словѣ, не диссимилируется, не замѣняется другимъ плавнымъ звукомъ, а имѣетъ своимъ замѣстителемъ звукъ *н*. Этотъ звукъ на мѣстѣ плавнаго *р* встрѣтился намъ въ трехъ словахъ: ярманка, антилерія, некрутъ, хотя въ замѣнѣ *р* звукомъ *н* въ послѣднихъ двухъ словахъ, безъ сомнѣнія, сказалось вліяніе народной этимологіи (относительно послѣдняго слова см. „Обзоръ“ Карскаго, 61 стр.).

Сдѣлаемъ замѣчаніе относительно плавнаго *л*. Этотъ звукъ въ воронежскихъ говорахъ иногда переходитъ въ ў и далѣе въ *в* — явленіе, хорошо извѣстное говорамъ малорусскимъ. Переходъ *л* въ ў (*в*) извѣстенъ намъ въ двухъ уѣздахъ, Павловскомъ и Нижнедѣвицкомъ, напр.: упашоў Ванькя у һару (Кисляй Павлов. у.), наһулявся, расплатився, наруһався [ibid.), принимався, заступивсь за няво, хвалиў (Хвощеватка Нижнедѣвиц. у.); но безъ сомнѣнія, смѣна *л* на ў (*в*) извѣстна и въ другихъ уѣздахъ, напр., Землянскомъ, Бирюченскомъ, вообще тамъ, гдѣ великорусское населеніе перемѣшано съ малорусскимъ, такъ какъ замѣну *л* на ў (*в*) нужно разсматри-

вать какъ явленіе наносное въ великорусскомъ говорѣ, заимствованное изъ говоровъ малорусскихъ.

§ 31. Зубные звуки. Непереходное смягченіе зубныхъ.

Въ области зубныхъ звуковъ воронежскіе говоры имѣютъ одну черту, которою они рѣзко выдѣляются изъ семьи великорусскихъ говоровъ. Эта черта — непереходное смягченіе зубныхъ звуковъ, изъ всѣхъ русскихъ говоровъ извѣстное только восточно-малорусскимъ, украинскимъ говорамъ [1]). Но и въ воронежскихъ говорахъ непосредственное смягченіе зубныхъ не является общею, распространенною чертой: только какъ исключеніе, оно извѣстно въ томъ же Красномъ Логу, о которомъ не разъ уже упоминалось, и въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда, и при томъ и здѣсь это смягченіе не представляетъ постояннаго явленія, проведеннаго черезъ весь организмъ языка, а наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объ обобщеніи которыхъ за недостаткомъ матеріала не можетъ быть рѣчи. Мнѣ извѣстны случаи смягченія зубныхъ въ слѣдующихъ словахъ: пасвистю (дай-ка я пасвистю), насю (халоднаю смитану насю), јѣздю, совѣстюсь, свѣсю, һлядю, ухадю, уһадю (=угожу), вычистю. Можетъ быть, случаевъ непосредственнаго смягченія зубныхъ больше перечисленныхъ, но несомнѣнно, что это явленіе строго не выдержано и оказывается какъ бы случайнымъ.

Мнѣ кажется, что это явленіе нельзя считать заимствованнымъ изъ малорусскаго языка, хотя другіе говоры и не знаютъ его; не могло оно развиться подъ малорусскимъ вліяніемъ потому, что нѣтъ основанія предполагать для Краснаго Лога дѣйствіе этого вліянія: съ одной стороны Красный Логъ окруженъ великорусскими се-

---

[1]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 125 стр.

лами, а не малорусскими, съ другой стороны, если въ Красномъ Логу подъ малорусскимъ вліяніемъ могло развиться непосредственное смягченіе зубныхъ, то почему же въ окрестныхъ селахъ и въ тѣхъ, которыя близко соприкасаются съ малорусскими слободами, не развилась та же черта? Ограничиться только однимъ селомъ малорусское вліяніе въ этомъ случаѣ, какъ и другихъ разсмотрѣнныхъ уже нами, безъ сомнѣнія не могло; поэтому вѣрнѣе предположить, что непереходное смягченіе зубныхъ въ говорѣ Краснаго Лога развилось на собственной почвѣ, вполнѣ самостоятельно, но такъ же, какъ и въ малорусскомъ нарѣчіи. Развилось оно не по фонетическимъ законамъ, не въ силу какихъ либо особенностей зубныхъ звуковъ въ данной мѣстности, требующихъ этого смягченія, а путемъ аналогіи съ тѣми глагольными формами, гдѣ зубные, являясь мягкими, переходному смягченію не подвергаются, каковы: ходишь, ходить, ходимъ, ходите, ходять. Такъ какъ во всѣхъ формахъ настоящаго времени является мягкій зубной, то этотъ зубной могъ попасть и въ 1-е лицо: такимъ образомъ вм. хожу явилось ходю, вм. ношу — носю и др. [1]).

Отъ общихъ замѣчаній о зубныхъ переходимъ къ замѣнѣ каждаго зубнаго звука другими; въ этой области зубные воронежскихъ говоровъ, не всѣ конечно, представляютъ не меньшій интересъ.

§ 32. Замѣна зубныхъ звуковъ другими.

а) Зубно-носовой звукъ *н*, иногда являясь замѣстителемъ звука *м*, самъ въ свою очередь замѣщается этимъ звукомъ, т.-е. звуки *м* и *н* мѣняются взаимно. Если замѣна *м* звукомъ *н* имѣетъ мѣсто въ небольшомъ количествѣ, то еще меньшимъ количествомъ ограничивается обратная замѣна *н* звукомъ *м*. Эта послѣдняя замѣна имѣ-

---

[1]) „Обзоръ" Колосова, 148 стр.

етъ мѣсто въ слѣдующихъ собственныхъ именахъ: Миколай—Миколка, Микита—Микитка, Микифаръ—Микишка. Къ случаямъ же смѣны *н* на *м* нужно, кажется, отнести слова: патусмѣла=потускнѣла, дамско́й=донской и лампасье. Первое слово видоизмѣнилось слѣд. образомъ: звукъ *к* въ группѣ согласныхъ выпалъ, а *н* затѣмъ измѣнилось въ *м*. Что касается послѣдняго слова, то его видоизмѣненіе совершилось подъ вліяніемъ народной этимологіи: взявъ это слово изъ иностраннаго языка, народъ неизвѣстную въ его корнесловѣ часть этого слова „монпа", которая при отсутствіи ударенія на звукѣ *о* измѣнялась въ „манпа", замѣнилъ близкимъ въ звуковомъ отношеніи корнемъ „лампа", оставивъ то же окончаніе „сье", — такимъ образомъ изъ „монпасье" явилось „лампасье" (хотя—нужно оговориться — самое слово „лампа" звучитъ чаще со звукомъ *н*—ланпа). Подобный же процессъ совершается, напр., и въ словѣ „мебель", въ которомъ вторая часть „бель" была сближена съ корнемъ „бѣл", а „ме" замѣнено было господствующимъ отрицаніемъ „не" [1]).

Мѣна *н* на *м*, какъ и обратная мѣна, явленіе древнерусское, и въ воронежскихъ памятникахъ она извѣстна въ XVII в., хотя какъ и въ современныхъ говорахъ, ограничивается небольшимъ количествомъ случаевъ, напр.: Микифоръ, Миколай, Микиту [2]).

Кромѣ *м* на мѣстѣ *н* въ воронежскихъ говорахъ, какъ и въ рязанскихъ, является иногда звукъ *л*. Эта мѣна извѣстна въ слѣдующихъ словахъ: сумлѣнья, сумляватца, фанталъ, кампильонъ, палталоны, вы камлатъ, а также въ словѣ „аблажомшы" = обнаживши.

Въ одномъ словѣ на мѣстѣ *н* очень часто является звукъ *ж*: „инженеръ" во многихъ мѣстахъ звучитъ „анжыжеръ"; можетъ быть, на появленіе второго *ж* оказало вліяніе первое *ж* (ассимиляція прогрессивная). Но не ме-

---

1) „Фонетика" Богородицкаго, 100 стр.
2) „Матеріалы", 337, 373 стр.

нѣе часто то же слово бываетъ со звукомъ *н* — анжыперъ.

б) Также въ нѣсколькихъ только словахъ звукъ *д* замѣняется зубно-носовымъ *н*; сюда относятся слова: Фандей=Фаддей (диссимиляція звука *д*), пинжакъ=пиджакъ, кажнай (вм. каждый явленіе повсемѣстное и вѣроятно не звуковое), инна=инда (по ассимиляціи звука *д* съ *н*; но это явленіе извѣстно только въ этомъ случаѣ и не имѣетъ ничего общаго съ рязанскою ассимиляціею *д* звуку *н* — аннажды, угодно и т. д. [1]).

Но особенно интересно въ области *д* воронежскихъ говоровъ появленіе на мѣстѣ основного *dj* дифтонга *жд*. Какъ извѣстно, русскій языкъ на мѣстѣ *dj* знаетъ *ж*, за исключеніемъ для литературнаго языка нѣсколькихъ словъ, взятыхъ изъ ц.-славянскаго языка и потому удержавшихъ славянское *жд* = *dj*, напр.: Рождество, между. Послѣднее слово сдѣлалось въ этой формѣ настолько употребительнымъ, что въ той же формѣ проникло и въ народные говоры, но „Рождество" въ народныхъ говорахъ всегда звучитъ правильно „Ражаство" (ю.-в.-русскіе говоры). Изъ всѣхъ русскихъ говоровъ дифтонгическое сочетаніе на мѣстѣ *dj* извѣстно только малорусскимъ, но съ перестановкою звуковъ дифтонга, т.-е. не *жд*, а *дж* [2]); знаютъ дифтонгическое сочетаніе на мѣстѣ *dj* отчасти и бѣлорусскіе говоры, но чаще въ нихъ, какъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ, является замѣстителемъ *dj* общерусское *ж* [3]). Великорусскимъ говорамъ дифтонгъ *жд*=*dj* извѣстенъ только какъ исключеніе [4]). Какъ исключеніе, встрѣтился этотъ дифтонгъ и въ воронежскихъ говорахъ въ нѣсколькихъ словахъ, именно: абиждать — абиждай, пастраждай-кя (Шаталовка Нижнедѣвиц. у.) —

---

1) „Къ діалектологіи" Будде, 73 стр.
2) „Два изслѣдованія" Потебни, 124 стр.
3) „Обзоръ" Карскаго, 76—77 стр.
4) „Обзор" Колосова, 143—144 стр.

страждаеть [1]), праклаждатца—праклаждаитца, праваждали, прихождяне (Бобров. и Новохопер. уу.). Въ послѣднемъ словѣ, кромѣ того, дифтонгъ подвергся смягченію подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога (ср. то же слово въ „Обзорѣ" Колосова, 144 стр. — „прихождане"). Впрочемъ, всѣ указанные случаи появленія дифтонга *жд* можно разсматривать не такъ, что въ нихъ *жд* = *dj*, а иначе: во всѣхъ этихъ случаяхъ на мѣстѣ *dj* является общерусское *ж*, а звукъ *д* уже позднѣе явился сюда изъ корней тѣхъ же словъ со звукомъ *д*, т.-е. *д* вторичнаго происхожденія, напр.: при „обижать" со звукомъ *ж* чаще тотъ же корень является со звукомъ *д*—обида, обидѣть, обидчивый; подъ вліяніемъ большинства корней со звукомъ *д* этотъ звукъ занесенъ и въ „обижать", — такимъ образомъ явилось „абиждать" и т. д.

в) Зубной звукъ *т* въ словахъ „ляслифъ"=льстивъ „миласливай" (но и миластивай) замѣняется звукомъ *л* (послѣднее слово со звукомъ *л* извѣстно и рязанскимъ говорамъ) [2]).

Изрѣдка зубной *т*, самъ являясь замѣстителемъ звука *к*, какъ видѣли выше (§ 22), замѣняется этимъ звукомъ; эту замѣну мы встрѣтили лишь въ нѣсколькихъ словахъ и при томъ въ положеніи звука *т* передъ мягкимъ, узкимъ гласнымъ; сюда относятся слѣдующія слова: Китóфка, Китóвская = Титовка (Землянскаго у.), Китычъ = Титычъ, кіяте^{и}ръ = театръ.

Также изрѣдка *т* измѣняется въ *ч*, т.-е. смягчается передъ слѣдующимъ узкимъ гласнымъ, напр.: анчихристъ (отсюда далѣе м.б. „анчютка"), чижала, чижолай, стрѣчинья.

Въ селѣ Поворинѣ Новохоперск. уѣзда намъ встрѣтилось смягченіе звука *т* въ *ц*—черта, хорошо извѣстная только бѣлорусскимъ говорамъ [3]), а изъ великорус-

---

[1]) „Сказки" Аѳ., VII, 182 стр.
[2]) „Къ діалектологіи" Будде, 72 стр.
[3]) „Обзоръ" Карскаго, 23 стр.

скихъ, какъ исключеніе, извѣстная въ ситскомъ говорѣ [1]. Въ указанномъ селѣ форма неопредѣленнаго наклоненія рядомъ съ обычнымъ окончаніемъ „ть“ имѣетъ „ць“; въ пѣсняхъ, записанныхъ въ этомъ селѣ, послѣдняя форма встрѣтилась только разъ въ словѣ „памирець“ (LXXXI пѣсня), но въ живой рѣчи, какъ я убѣдился изъ непосредственнаго знакомства, она встрѣчается довольно часто, напр., пасылаць, захатѣць, любиць, сватаць и др. Интересенъ при этомъ тотъ фактъ, что другія глагольныя формы, имѣющія въ окончаніи „ть“, по моимъ наблюденіямъ, не допускаютъ подобнаго же смягченія звука *т*, напр.: сидить, чешыть, тонють; ляжыть и др.

Если бы малорусскіе говоры знали при рѣдкихъ случаяхъ дзеканья и смягченіе *т* въ *ц*, то тогда, безъ сомнѣнія, можно бы эту черту говора с. Поворина отнести насчетъ малорусскаго вліянія, такъ какъ въ томъ же селѣ извѣстна форма повелительнаго наклон. 2-го мн. ч. съ отпаденіемъ *е*, развившаяся несомнѣнно подъ малорусскимъ вліяніемъ; но самимъ малорусскимъ говорамъ смягченіе *т* въ *ц* совершенно неизвѣстно [2]. О вліяніи бѣлорусскихъ говоровъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, какъ о томъ говорилось уже выше. Остается болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что „ць“ изъ „ть“ обязано своимъ происхожденіемъ сѣверно-великорусскому вліянію, хотя въ самихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ эта черта извѣстна какъ исключеніе. Очень возможно, что жители с. Поворина (сокращено изъ Пивоварина), выселившіеся, по утвержденію стариковъ, изъ Московской губ., имѣли такую же черту въ произношеніи, какъ и въ ситскомъ говорѣ.

Звукъ *т* въ глаголѣ „встрѣтить“ всегда и повсемѣстно замѣняется звукомъ *н*, напр.: фстрѣнить, стрѣнь-

---

[1]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 84 стр.; „Лекціи“ Соболевскаго, 92 стр.

[2]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 124—126 стр.

тя, фстрѣнитца, фстрѣнули (какъ и въ бѣлорусскомъ), но неопред. накл. — фстрѣтить, фстрѣтитца.

г) Зубной свистящій *с* иногда замѣняется переднебнымъ (шипящимъ) *ш*, напр.: швѣцкая=свѣтская, Паша, Шашынькя, штрафофка, заштрафавать, шашнацать, шмычокъ, Штанкефъ, шкарлатина, Шашниковъ, Шушкофъ, зарашла = заросла, страшна́я нядѣля, паталшѣла. Въ послѣднихъ двухъ словахъ звукъ *ш* является собственно на мѣстѣ *ст*, но, вѣроятно, измѣненію *с* въ *ш* предшествуетъ выпаденіе *т* въ группѣ согласныхъ, а „паталшѣла" могло, кромѣ того, явиться подъ вліяніемъ сравнительной степени прилагательнаго „толстый", которая звучитъ „толшай".

Измѣненіе *с* въ *ш* не составляетъ собственно принадлежности южно-великорусскихъ говоровъ; эта черта свойственна преимущественно сѣверно-великорусскимъ говорамъ, отчасти и бѣлорусскимъ [1]). Слѣдовательно, въ воронежскихъ говорахъ эта черта развилась подъ вліяніемъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ на мѣстѣ *с* является звукъ *ц*. Эта мѣна имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ словахъ: атцуда, атцедава, канцисторія, Карцъ—Карцамъ—къ Карцу, кампрецъ — кампрецамъ (ср. „Обзор" Колосова, 177—178, гдѣ говорится, что передъ гласными мѣна *с* на *ц* рѣдко бываетъ). Далѣе звукъ *ц* на мѣстѣ *с* является въ возвратныхъ глаголахъ въ формахъ неопред. накл. 3-го лица единств. и множеств. числа настоящаго времени, напр.: улыбаитца, смяетца, смяютца и т. д. (объ этомъ ниже, § 37). Въ одномъ словѣ на мѣстѣ звука *с* является *ч* — „чичасъ" = сейчасъ.

д) Свистящій *з* не вызываетъ о себѣ никакихъ почти замѣчаній. Только въ четырехъ словахъ: у колодежа, дражнить, дружья, жибату́ = заботу на его мѣстѣ является звукъ *ж*; но только первое слово со звукомъ *ж*

---

1) „Обзоръ" Карскаго, 78 стр.

извѣстно во многихъ мѣстахъ, остальныя же два встрѣтились — первое въ с. Козловкѣ Бобров. у., второе въ Красномъ Логу; въ „дружья“ *ж*, можетъ быть, явилось подъ вліяніемъ „дружба“.

е) Свистящій дифтонгъ *ц* въ словѣ „свѣтъ“ и родственныхъ по корню почти повсемѣстно измѣняется въ *т*, т.-е. теряетъ свою свистящую составную часть. Такимъ образомъ почти повсемѣстно слышимъ: твѣтъ, твяты, расвяли, твятистай и др. Это измѣненіе *ц* въ *т* въ корнѣ „цвѣтъ“, извѣстное русскому языку уже въ XV вѣкѣ [1]), не составляетъ въ настоящее время исключительной особенности воронежскихъ говоровъ: оно извѣстно многимъ великорусскимъ говорамъ и отчасти бѣлорусскимъ—тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ *д* и *т* переходному смягченію не подвергаются [2]).

Рѣже въ томъ же корнѣ „цвѣтъ“ на мѣстѣ *ц* является *с*, т.-е. та составная часть звука *ц*, которая въ первомъ случаѣ исчезала; такъ мы имѣемъ: свѣтъ = цвѣтъ (В. Икорецъ), рассвятай (Рогачевка Ворон. у). Но дѣлать, подобно Будде, обобщеніе, что *с* на мѣстѣ *ц* — особенность барскихъ селъ, а *т* — вольныхъ селъ, для воронежскихъ говоровъ я считаю невозможнымъ: *т* на мѣстѣ *ц* — это общая черта воронежскихъ говоровъ, безразлично извѣстная и въ вольныхъ и барскихъ селахъ, *с* же на мѣстѣ *ц* — явленіе спорадическое, но не ограниченное тѣми условіями, которыя ставитъ для него Будде [3]).

Звукъ *с* на мѣстѣ *ц* мы неоднократно слышали еще въ названіи с. Троицкаго: съ удареніемъ на *и* это названіе въ устахъ народа является въ видѣ „Троéцкая“, т.-е. *и* измѣняется въ *е* (объ этомъ рѣчь была выше, въ отдѣлѣ гласныхъ); но если удареніе удерживается на *о*,

---

[1]) „Лекціи“ Соболевскаго, 93 стр.

[2]) „Обзоръ“ Колосова, 179—180 стр.; „Лекціи“ Соболевскаго, 93 стр.; „Къ діалектологіи“ Будде, 73 стр.

[3]) Ibidem.

то вмѣсто „Троицкое“ произносится „Тро́иская“, и притомъ очень явственно. Объяснить это послѣднее явленіе можно, кажется мнѣ, вліяніемъ ударенія: являясь въ слогѣ ударяемомъ, *ц* сохраняется, въ безударномъ же слогѣ *ц* измѣняется въ *с*; слѣдовательно, отъ большей или меньшей степени близости къ ударенію звукъ *ц* выигрываетъ или проигрываетъ въ степени своей энергіи; иными словами — удареніе и въ области согласныхъ оказываетъ свое вліяніе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это вліяніе сказывается въ области гласныхъ [1]).

Наконецъ, въ области звука *ц* воронежскихъ говоровъ, какъ частную черту, отмѣтимъ замѣну его звукомъ *ч*, т.-е. цоканье. Насколько извѣстно мнѣ, цокающіе говоры существуютъ въ настоящее время въ Воронежскомъ, Бобровскомъ, Коротоякцкомъ и Новохоперскомъ уѣздахъ; въ перечисленныхъ уѣздахъ цоканье обнимаетъ иногда цѣлыя села (напр. Бордовое Бобров. у), иногда же только отдѣльные дворы или даже личности (напр. Танцыреи Новохоп. у., Орловка Бобровск. у.). Можетъ быть, тѣ же говоры извѣстны и въ другихъ уѣздахъ, — не знаю, но безъ сомнѣнія, что раньше цоканье составляло болѣе замѣтную черту воронежскихъ говоровъ, чѣмъ въ настоящее время. Еще въ 60-хъ годахъ въ одномъ мѣстномъ изданіи писалось, что „принадлежащіе къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по рѣкѣ Форостани, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Коротоякцкомъ, называются цуканами“ [2]). Мнѣ самому пришлось быть въ этихъ мѣстахъ и записывать пѣсни (въ сс. Можайскѣ и Московскомъ). Съ одной стороны, самыя пѣсни уже показываютъ, что цоканье не является постоянною чертою говора данныхъ селъ, а сохранилось лишь какъ воспоминаніе о старинѣ; съ другой стороны, мѣстный интеллигентъ, лицо заслуживающее довѣріе, сообщилъ мнѣ, что цуканы есть, но они, особенно молодые

---

[1]) „Фонетика“ Богородицкаго, 271 стр.
[2]) „Воронежская Бесѣда“, 266 стр.

изъ нихъ, стараются не цокать, не выдѣляться своимъ произношеніемъ звуковъ *ц* и *ч* въ разрѣзъ съ господствующимъ произношеніемъ этихъ звуковъ, не допускающимъ ихъ смѣшенія. Такимъ образомъ прошло 30 лѣтъ со времени замѣтки „Воронежской Бесѣды“—и цоканье, представлявшее въ то время въ указанныхъ мѣстахъ замѣтную черту, въ настоящее время здѣсь является случайною чертою, отголоскомъ старины, невольно иногда сказывающимся въ рѣчи. Такъ рѣзкія черты великорусскихъ воронежскихъ говоровъ постепенно сглаживаются подъ вліяніемъ господствующаго сильно акающаго говора. Конечно, я не могу положительно утверждать то же самое и относительно другихъ мѣстъ съ цокающимъ населеніемъ, такъ какъ мнѣ не удалось лично побывать во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Но съ большою вѣроятностью можно сказать, что „настоящихъ“ цукановъ, какъ выражаются о цуканахъ акальщики, нѣтъ уже въ Воронежской губерніи. Такъ я заключаю на основаніи того, что въ селѣ Бродовомъ, которое въ устахъ многихъ интеллигентныхъ лицъ опредѣлялось какъ мѣсто „настоящихъ цукановъ“, я нашелъ значительное уже воздѣйствіе на цукановъ со стороны господствующихъ акающихъ говоровъ. Въ селѣ Бродовомъ, какъ оказывается, живутъ цуканы съ сѣвернымъ произношеніемъ, но и оканье и цоканье уже значительно видоизмѣнились подъ вліяніемъ аканья. Старая баба, которая присутствовала въ с. Бродовомъ Бобровскаго у., при записи мною пѣсенъ, поправляя часто молодую на цокающій говоръ, замѣтила, что „они (молодые) пирломили свой языкъ, шатаясь по работамъ“.

Но при всемъ томъ, на основаніи собраннаго мною матеріала, можно привести достаточное число примѣровъ смѣшенія въ произношеніи звуковъ *ц* и *ч*, при чемъ звукъ *ч*, судя по количеству примѣровъ, чаще замѣняется звукомъ *ц*. Напримѣръ: молци, пацаму, на цомъ, цулки, торцали, по кустоцькамъ, по лисоцькамъ, рюмацька, вилицанья, по лужоцькамъ, ластавацька и ласкалацка (=ласточка), цудно, литуца́ (съ моря литуца = летучаго),

вѣноцикъ, умоцикъ, нацавать, встрѣцати, нацинать, доцырю, кацаю, цаю, Ехремовицъ, цто, цугунцикъ, рагацикъ, выруцала, луцци, бисъ касушыцьки, палштофцикъ, чвятоцьки, на пецьки, зъ доцькяй (Московское Вор. у., Бродовое и Орловка Бобров. у., Танцыреи Новохоп. у.). Примѣровъ обратной мѣны, т.-е. перехода звука *ц* въ *ч*, значительно меньше: чвили, чвятоцьки, у купчя, чярскай, куричю, молодечь, афчю, темничя, на каньчѣ, къ серчю, кольчо, братичь — братчю, личо (Бродовое Бобровск. у., Московское Ворон. у.). Несомнѣнно, что представленные примѣры не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ цоканья — ихъ гораздо больше, какъ значительно больше мѣстъ съ окающимъ населеніемъ, чѣмъ мы отмѣтили: въ Садовкѣ и Каменкѣ Новохопер. у. и Тресоруковомъ, напр., есть цуканы, но я самъ лично не имѣлъ возможности посѣтить эти мѣста.

Но сверхъ указанныхъ случаевъ цоканья, по всей почти великорусской половинѣ Воронежской губерніи извѣстны случаи смѣны *ц* на *ч* въ словахъ: чяпочкя—чяпочикамъ, чепь — ны чяпѣ, чяпля — чяплистай, Чвитковъ (Цвѣтковъ—фамилія), чиганячькя, чирямонія (такъ очень часто называется сахаръ: што-шъ ты ни бярешъ чирямонію, т.-е. сахару?) — чирямонитца, на чяпачькяхъ = на цыпочкахъ. Въ одномъ мѣстѣ (с. Козловкѣ Бобровскаго уѣзда) встрѣтилась и обратная мѣна *ч* на *ц* въ словахъ: „кацыли“ = качели и „уництожыть“.

§ 33. Передне-небные (шипящіе) звуки.

Шипящіе звуки *ж*, *ч*, *ш* и *щ* въ древнерусскомъ языкѣ звучали всегда мягко и могли потому сочетаться съ узкими гласными; но съ теченіемъ времени они стали твердѣть, и въ настоящее время великорусскіе говоры знаютъ шипящіе преимущественно твердые, за исклю-

ченіемъ *ч* и *щ*, которые и теперь звучатъ мягко [1]). Въ воронежскихъ говорахъ также *ж* и *ш* являются всегда твердыми; звукъ *щ* употребляется рѣдко, замѣняясь другими звуками, но тамъ, гдѣ онъ удерживается, произносится, какъ *ж* и *ш*, твердо.

Звукъ *ч* является преимущественно мягкимъ; въ сочетаніяхъ съ гласными звуками онъ всегда звучитъ мягко; но и этотъ звукъ въ воронежскихъ говорахъ развиваетъ способность къ отвердѣнію, въ изглашеніи являясь почти всегда звукомъ твердымъ, напр.: рѣчъ, печъ и др.

Изрѣдка, какъ исключеніе, встрѣчаются мягкіе и другіе шипящіе звуки, кромѣ *ч*, напр.: въ „дрожжи—дрожжями" ясно слышалось мягкое двойное *ж*, въ „шё"=что мягкимъ всегда является звукъ *ш*. Но эти примѣры едва ли не исчерпываютъ собою всѣхъ случаевъ мягкости шипящихъ, которые — повторяемъ — кромѣ *ч*, всегда являются звуками твердыми.

§ 34. Замѣна шипящихъ другими звуками.

а) Являясь въ нѣсколькихъ словахъ на мѣстѣ звука *з*, звукъ *ж* въ свою очередь замѣняется этимъ звукомъ. Эта замѣна имѣетъ мѣсто только въ слѣдующихъ словахъ: залѣза, залѣзнай, замчюжына, замчюжный, земчюхъ (но и жемчюхъ — съ удареніемъ на первомъ слогѣ чаще *ж* сохраняется въ этомъ словѣ, съ передвиженіемъ же ударенія къ концу *ж* замѣняется звукомъ *з*). Звукъ *з* на мѣстѣ *ж* въ указанныхъ словахъ извѣстенъ и другимъ великорусскимъ говорамъ и бѣлорусскимъ [2]); извѣстна эта мѣна и другимъ славянскимъ языкамъ кромѣ русскаго, такъ что на основаніи этого нужно предположить, что уже въ древнюю пору и, можетъ быть, еще на пра-

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 43, 93—94 стр.

[2]) „Къ діалектологіи" Будде, 81 стр.; „Лекціи" Соболевскаго, 102 стр.; „Обзоръ" Карскаго, 75 стр.

славянской почвѣ указанныя слова являлись и со звукомъ *з*, и со звукомъ *ж*, т.-е. что звукъ *з* не является замѣстителемъ звука *ж* [1]).

б) Звукъ *ш* замѣняется свистящимъ *с*; но при сравнительно частой обратной замѣнѣ, замѣна *ш* звукомъ *с* встрѣчается очень рѣдко, собственно только въ словахъ: „сипить"=шипитъ, „скурина"=шкурина=шкурка, если не считать случаевъ смѣны *ш* на *с* во II л. единственнаго числа настоящаго времени возвратныхъ глаголовъ, гдѣ эта смѣна обусловливается ассимиляціей *ш* слѣдующему звуку *с* (цалуисьси, улыбаисьси, купаисьси и др.).

Два раза встрѣтилась мѣна *ш* на *ч*, въ словахъ: наотмачъ = наотмашь, мачтапъ = масштабъ (причемъ *с* слилось со слѣдующимъ *ш*).

в) Обратная замѣна звука *ч* звукомъ *ш* — явленіе болѣе распространенное. Эта замѣна имѣетъ обыкновенно мѣсто въ положеніи *ч* передъ слѣдующимъ *н*, т.-е. въ звуковомъ сочетаніи *чн*, которое измѣняется, какъ и въ другихъ русскихъ говорахъ, въ *шн*, напр.: сярьдешнай, запешнай, мѣсяшная, налишній, скушна, вѣшнай и др. Мѣняется на *ш* звукъ *ч* и въ другихъ случаяхъ, не въ положеніи передъ *н*, напр.: поштай — паштильонъ, рыбашку=рыбочку, абманшивай, палехшала; очень часто *ч* на *ш* мѣняется въ мѣстоимeніи „что", которое произносится какъ „што". Конечно, „што" не единственное и даже не господствующее произношеніе мѣстоименія „что"; господствующимъ является „що",—форма, развившаяся— на мой взглядъ — не изъ „чьсо", а непосредственно изъ „што", которая явилась въ русскомъ языкѣ уже въ XII вѣкѣ: *шт* и въ настоящее время, какъ увидимъ ниже, нерѣдко измѣняется въ *щ* и далѣе въ *шш* [2]). Рядомъ съ „що" и „што" ближе къ первой существуетъ „шшо"

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 102 стр.

[2]) Ср. „Лекціи" Соболевскаго, 143 стр. и „Два изслѣдованія„ Потебни, 70, 87 стр.

(Верхняя Тишанка Бобровскаго у.) и „счӧ“ (Гвазда Павловскаго уѣзда), а ближе ко второй формѣ—„шё“ (Троицкое, Карачанъ, Поспѣлово и др. Новохоперск. у.). Съ послѣднею формою ср. с.-великорусское „штё“ [1]).

г) Звукъ *щ* мало употребителенъ въ воронежскихъ говорахъ, замѣняясь другими звуками. Часто является этотъ звукъ въ мѣстоименіи „что“, господствующею формою котораго, какъ только что было замѣчено, нужно признать въ воронежскихъ говорахъ „що“; но иногда и въ другихъ словахъ удерживается звукъ *щ*, напр.: шшастя и щастя, нищасливай и нишшасливай и др. Въ мѣщанскомъ воронежскомъ говорѣ звукъ *щ* встрѣчается очень часто, напр.: апущынай, ощупйу, щупать, ищы, мущынка, щытай, щогаль, палащы щысьлиф [2]) и др. Но въ народныхъ воронежскихъ говорахъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, такъ и въ другихъ на мѣстѣ *щ* является *шш*, обычный и распространенный замѣститель звука *щ*, напр.: выташшылъ, таваришшафъ, обяшшаласъ, свишшыть, прикашшыкъ, рашшоту, училишшу, зашшыпанный, зашшылыктали = защекотали, шшыпя, шшочки, вычишшать; спушшатца, пушшали, распушшаить, вишшокъ, дашшокъ и др. Въ послѣднихъ пяти примѣрахъ *шш* восходитъ собственно къ *ск* (пускать, доска, виски...); посредствующею ступенью между *ск* и *шш* является новый суф. *скј* (ср. дъска), который или прямо затѣмъ измѣняется въ *шш* или предварительно въ *щ* (изъ „што“, напр., „що“), которое затѣмъ даетъ *шш*. Вѣрнѣе послѣднее, т.-е. *шт* сначала измѣняется въ *щ*, а затѣмъ уже въ *шш*, потому что посредствующая форма со звукомъ *щ* иногда сохраняется въ рѣчи, напр. при шшыкатурить изъ штукатурить слышится иногда щыкатурить, щыкатурка, при пушшай есть пущай, отмѣченное и въ „Сказкахъ“ Аѳанасьева [3]).

---

[1]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 87 стр.
[2]) Вор. Этн. Сборн., 244, 245, 260 стр.
[3]) V, 141, 180; VII, 102 стр.

Иногда въ произношеніи двойное *ш*, являющееся на мѣстѣ *щ*, звучитъ безъ особаго удлиненія, т.-е. почти какъ простое *ш*, напр.: таваришъ, ямшыкъ, апшаство́ и о́пшаства, пильшакафъ, даже плошать = площадь. Здѣсь же отмѣтимъ дошъ и рѣже дошчъ = дождь, образованіе которыхъ произошло, вѣроятно, слѣдуюшимъ образомъ: конечный звонкій *д* измѣнился въ глухой *т*, передъ которымъ и *ж* измѣнилось въ *ш*; явилась, значитъ, форма *дошть, изъ которой черезъ посредство дощъ, существующей въ рѣчи, напр., даща́ ня будя, могли уже развиться и дошъ и дошчъ, послѣдняя форма съ усиленіемъ звука *ш* звукомъ *ч* или просто съ звуковымъ сочетаніемъ *шч* на мѣстѣ *щ* подъ малорусскимъ вліяніемъ. Вмѣсто даща — формы, употребляющейся очень рѣдко, передъ гласнымъ звукомъ обыкновенно является *жж*, напр.: дажжа, дажжёкъ, дажжычёкъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ звукъ *щ* знаетъ и другихъ замѣстителей кромѣ *шш* и *ш*. Въ словахъ „сапча, вапче, обчества и помачъ" такимъ замѣстителемъ является звукъ *ч*, равно какъ извѣстна въ одномъ словѣ и обратная мѣна — пахущый и пахушшый = пахучій. Въ словахъ: шти = щи, иштo и јештo = еще замѣстителемъ является звуковое сочетаніе *шт*, хотя вообще русскій языкъ не знаетъ этого замѣстителя звука *щ*: уже въ древнюю эпоху на мѣстѣ *щ* обыкновенно являлось *шч*, а не *шт* [1]).

Въ воронежскихъ говорахъ, кромѣ указанныхъ двухъ случаевъ, больше случаевъ мѣны *щ* на *шт*, кажется, нѣтъ, да и эти случаи не представляютъ повсемѣстнаго явленія: „шти" съ *шт* на мѣстѣ *щ* извѣстно, правда, во многихъ мѣстахъ (Кр. Логъ Вор. у., Козловка, В. Икорецъ, Озерки Бобровск. у., Новохоперск. у. и др.), но „иштo" встрѣтилось намъ только въ одномъ селѣ (В. Икорецъ), јештo — есть въ Воронежской губ., но гдѣ — не знаю.

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 43 стр.

Мѣна звука *щ* на *шш* и *ш*, составляющая выдающуюся черту воронежскихъ говоровъ въ настоящее время, была имъ извѣстна и въ XVII в.; въ памятникахъ этого вѣка встрѣчаются только случаи мѣны на *ш*, хотя въ нѣкоторыхъ словахъ это *ш*, по всей вѣроятности, передаетъ *шш*, напр.: грамота будетъ съ розыскомъ опшея съ Коротоячены [1]), сынъ Гребенщиковъ, съ товарыши, отпушенъ тотаринъ . . . прозвиша Уланка, посылать, нарошно посылшиковъ [2]), съ вѣстовшикомъ [3]).

§ 35. Отпаденіе, выпаденіе, вставка и представка согласныхъ звуковъ.

Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, какъ гласныхъ звуковъ, явились въ русскомъ языкѣ случаи выпаденія и отпаденія согласныхъ звуковъ: при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ, послѣ потери глухихъ гласныхъ, явились группы, трудныя и неудобныя для произношенія; поэтому эти группы подверглись упрощенію, въ результатѣ котораго явилось выпаденіе и отпаденіе согласныхъ, замѣчаемое уже въ древнюю пору русскаго языка. Но одновременно и „рядомъ съ исчезновеніемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ словъ также и ихъ вставку [4]).

Въ современныхъ воронежскихъ говорахъ случаи вставки и представки, выпаденія и отпаденія гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ въ древне-русскомъ языкѣ. Представочными согласными звуками чаще всего въ воронежскихъ говорахъ являются: 1) *в* — напр.: варhанъ — варhанить (Кр. Логъ Вор. у.), па вулицу (Рогачевка Ворон. у.), вучюяла (Гнилуша Земл. у.), вострай (повсемѣстно), вуксусъ (Новохоперск. и Бобровск. у.);

---

[1]) „Древніе Акты“, 28 стр.
[2]) „Матеріалы“, 322, 320, 357, 383, 457 стр.
[3]) Воронежскіе Акты, 234 стр.
[4]) „Лекціи“ Соболевскаго, 83 стр.

2) звукъ *с* — напр.: спыдымать (Козловка Бобр. у.), спакою (Рогачевка Вор. у. и въ другихъ мѣстахъ), спакидаишъ (Московское Вор. у.), спаро́дила (Горѣлка Новохопер. у.), суксусъ (Вор. у.; ср. выше „вуксусъ"), сысправилъ, садяржать = удержать (Московское Ворон. у.), сукрасила [1]), суцалѣлъ (Танцыреи Новохопер. у.), суставишъ (Козловка Бобров. у.), сустрѣну (Титовка Земл. у.), суцали = исцѣли (Танцыреи). Впрочемъ во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ скорѣе морфологическое явленіе: приставка *с—су* = съ—сж.

Кромѣ *в* и *с* рѣже представочными звуками бываютъ: 1) *л*, напр.: Липатычъ = Ипатьевичъ; 2) *д*, напр.: дастальной; 3) *к*, напр.: кщошъ = что-же; 4) *ш*, напр.: шкара = кора, можетъ быть, по аналогіи съ „шкура".

Вставочными согласными звуками чаще всего являются звуки *в* и *т*. Первый изъ нихъ вставляется обыкновенно при стеченіи гласныхъ, напр.: бавукъ, бавутина (Новохоперск. у.), абвязана, абвязанность, Лявонтій (во многихъ мѣстахъ), пиривулак, хавос, тратувар, аглавушить, тувалет [1]) и др. Вставочный звукъ *т* имѣемъ въ слѣдующихъ случаяхъ: иструпъ (Козловка Бобр. у.), Арсеньтій (Задонскій у. и въ другихъ мѣстахъ), парикмахтяръ (во многихъ мѣстахъ), страженіе (Гвазда Павл. у.), пастрамлю (повсемѣстно), плантъ и др. Рѣже вставляются другіе согласные звуки: 1) *р* — напр.: праздравлять, празументы и спразументы (по аналогіи съ приставкой пра-); 2) *м* — напр.: кумпалъ (во многихъ мѣстахъ); 3) *н* — напр.: залотнай, къ энтай; 4) *ф* — къ эфтай.

Въ мѣстоименіи этотъ—замѣтимъ между прочимъ—вставочные *н* и *ф*, которые мы только что указали, не являются въ воронежскихъ говорахъ въ соотвѣтствіи съ согласными предлоговъ *на* и *въ*, напр.: на јэнтамъ, въ јэфтамъ, но и въ јэнтамъ; на јэфтамъ и т. д. Слѣдова-

---

[1]) Вор. Лит. Сборн. 301 стр.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 52 стр.

тельно, смотрѣть на эти вставочные *н* и *ф*, какъ на повтореніе предлоговъ, по крайней мѣрѣ, воронежскіе говоры не даютъ основанія (ср. „Лекціи“ Соболевскаго, 101 стр.).

Случаи обратнаго явленія, выпаденія и отпаденія согласнаго звука, встрѣчаются не рѣже, чѣмъ вставка и представка. Отпадаютъ въ воронежскихъ говорахъ въ началѣ и концѣ словъ слѣдующіе звуки: 1) *в* — напр.: ишъ [1]), стрипыхнулся, ставай, зоры = взоры, Аршава, незапный, здумаю, здумалъ, друхъ = вдрухъ, спаминали, сяленпую, Анна-стрячъ, наспрати(въ), проть; 2) звукъ *т* — напр,: Анцыреи—названіе с. Танцырей, канёвай и каньёвай, грусь =грусть; 3) звукъ *с* въ словѣ „мекнулъ“ = смекнулъ [2]).

Выпаденіе согласныхъ звуковъ мы имѣемъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: 1) звука *в*, напр.: нясһодушка [3]), засяһда (но и зафсяда), һалоушка, дѣушка (Бобровск. и Новохопер. у.), баластво (Сафоновка Бобров. у.), кушынъ, ливарьеръ (Павлов., Бобров. и Ворон. уу.); 2) звукъ *т*, напр.: разбяшшасная, нищаслива (Козловка Бобров. у.), грусна (Гвазда Павлов. у.), няшшасная, хрёсная (Танцыреи Новохопер. у.), бязвѣсна, хрясцы=крестцы (Колѣно того же у.), атрос'ки, извёс'ка, нивес'ка [4]); 3) звука *л*, напр.: сонца (Московское Вор. у.), фанель, на зямѣ (Козловка Бобровск. у.), до́-земи (хотя послѣднія два слова можно производить отъ „земь“); 4) звука *д*, напр.: опоз'питься, наѣзникъ, сямой (В. Икорецъ Бобр. у.), сер'ца, при'ставти [4]); 5) звука *к*, напр.: лов'асть, патус'мѣла = потускнѣла (*к* выпало, а *н* измѣнилось въ *м*); 6) звука *н*, напр.: абык'авенна (Троицкое Новохопер. у.); 7) звука *р*, напр.: патретъ (во многихъ мѣстахъ), взавт'е, Пет'

---

1) Вор. Лит. Сборн. 273 стр.

2) Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 17.

3) Вор. Лит. Сборн., 301 стр. Здѣсь можетъ быть и морфологическое явленіе.

4) Вор. Этн. Сборн., 50 стр.

Виликай [1]); и 8) звука *б*, напр.: омаракъ = обморокъ Танцыреи Новохопер. у.).

Какъ видно изъ примѣровъ, выпаденію подвергаются преимущественно зубные и губные звуки, а также заднебный *к*.

Но кромѣ отпаденія, выпаденія, вставки и представки отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ въ воронежскихъ говорахъ нерѣдко приходится наблюдать тѣ же явленія надъ цѣлыми звуковыми сочетаніями. Въ словахъ, напр., расправѣдать, насюрьёзна, панрава=нравъ, таперичя, тускслива = тускло, даселева, аттелева и др. мы имѣемъ случаи приставки звуковыхъ сочетаній, т.-е. здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ словообразованія. Наоборотъ, слова: ва Язети=въ Баязетѣ, бандиравать=бомбандировать, струментъ, въ рясцовыхъ=въ изразцовыхъ и др. представляютъ случаи отпаденія звуковыхъ сочетаній. Что касается выпаденія, то „выпадаетъ обыкновенно повтореніе одного и того же сочетанія, или же выпадаетъ такое сочетаніе, въ которомъ гласный звукъ составляетъ повтореніе, а согласный однороденъ съ предыдущимъ по способу произношенія“ [2]), напр.: спакой' ночы (= спокойной ночи), на сам' дѣли, вон'и = вонъ они, знаком'у и др. „Не менѣе типичную черту воронежскаго говора составляетъ выпаденіе сочетанія „ва“, какъ основного такъ и секундарнаго, независимо отъ его повторенія“ [2]), напр.: избала'ный, сьледа'тильна, раздасада'най, жа́ла'ня = жалованье и др. Также постоянное явленіе представляетъ выпаденіе „ов“ въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ, напр.: Иван'ычъ, Кит'ычъ, Иван'на, Як'ливна и др. Но нерѣдко встрѣчаются случаи выпаденія цѣлыхъ звуковыхъ сочетаній, не укладывающіеся въ указанныя рамки, напр.: васпитальный = воспитательный, чил'ѣкъ = человѣкъ, грыть = говоритъ, ня хотца, тышшу и др.

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 50 стр.
[2]) Ibid., 51 стр.

Разсмотрѣнные нами случаи отпаденія и выпаденія, вставки и представки согласныхъ звуковъ имѣли мѣсто въ воронежскихъ говорахъ въ самую раннюю ихъ пору: памятники воронежской письменности неоднократно представляютъ намъ примѣры всѣхъ этихъ явленій, напр.: а кому лучитца, ему тѣ дѣла и ісцовъ . . . . отсылать въ Бѣлгородъ, съ огнемъ позно не сидѣть, хто зъ Дону не поворотица, во всякомъ воровствѣ и лазучествѣ, достальной (какъ и въ современномъ говорѣ), семь скобъ у воконъ, извѣсно же, въ Ряскомъ (Ряжскѣ), волосы врусе, порутчикъ [1]); креснымъ цѣлованьемъ, бѣломѣсныя и помѣсныя отаманы, стрѣтились съ ними, вспросять ихъ, споможеніе, наймался въ работу [2]); колько имъ понадобитца; ей, казначеѣ, примать (= принимать) соборныя деньги, струбовъ [3]).

§ 36. Перестановка звуковъ.

Нерѣдко въ воронежскихъ говорахъ согласные звуки мѣняются своими мѣстами въ словѣ или между собою или съ сосѣдними гласными звуками. Эта перестановка имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ при столкновеніи плавнаго звука съ другими, согласными или гласными, напр.: фершалъ, клиндярей, карвега [4]), звярница (въ этомъ словѣ кромѣ перестановки произошло еще измѣненіе рода), баршыня, въ ћырнадерахъ и въ ћорнадерахъ, баркавать = браковать (есть полногласная форма этого слова „баракавать“), Бардавая = Бродовое (названіе села Бобровскаго у.), чвёрстай = черствый. Но и при другихъ звукахъ, кромѣ плавныхъ, перестановка можетъ также имѣть

---

1) „Матеріалы“, 375, 377, 378, 379, 387, 386, 382, 359, 384, 401, 396.

2) „Воронежскіе Акты“, 213, 218, 241, 242, 252, 240.

3) „Древніе Акты“, 22, 26, 42 стр.

4) Вор. Губ. Вѣд., 1864, № 17.

мѣсто, напр.: канфетка, хазявья = хозяева (перестановка *в* и *е*, которое исчезло, оставивъ слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго), столарь = столяръ (въ этомъ словѣ собственно перестановка твердости и мягкости звуковъ).

Иногда перестановка простирается на цѣлые слоги и даже корни (послѣдняя перестановка, впрочемъ, извѣстна мнѣ только въ одномъ словѣ), напр.: һамазей—һамазея = магазинъ (повсемѣстно такъ называется магазинъ, предназначенный для засыпки хлѣба на случай голоднаго года; разница въ различныхъ мѣстахъ только въ родѣ, съ которымъ это имя является: въ однихъ мѣстахъ оно— рода мужескаго, въ другихъ — рода женскаго), пастыкатца = спотыкатца, чяпять (мѣстное явленіе, извѣстное въ нѣкоторыхъ селахъ Бобровскаго у.). Перестановку корней мы встрѣчаемъ въ словѣ „медвѣдь", которое въ Воронежской губерніи всегда и вездѣ является въ формѣ „вѣдметь": отмѣченную въ одномъ изъ мѣстныхъ изданій форму того жо слова „немѣдя" [1]) мы поэтому считаемъ ошибочною или просто вымышленною.

§ 37. Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ звуковъ.

Неорганическое смягченіе и отвердѣніе согласныхъ звуковъ—явленіе древнее въ русскомъ языкѣ. Несомнѣнные случаи того и другого явленія встрѣчаются уже въ XII—XIII вв., но весьма возможно, что и смягченіе и отвердѣніе согласныхъ существовало и раньше, потому что главный факторъ, вызвавшій эти явленія, именно потеря *ъ* и *ь*, какъ глухихъ гласныхъ, существовалъ уже во второй половинѣ XI вѣка. Въ настоящее время русскій языкъ въ его различныхъ говорахъ представляетъ

[1]) Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 17.

весьма большое число случаевъ смягченія и отвердѣнія согласныхъ: бывшіе нѣкогда мягкими теперь отвердѣли и, наоборотъ, бывшіе твердыми непосредственно смягчились [1]).

Въ частности воронежскіе говоры также представляютъ много случаевъ и смягченія и отвердѣнія согласныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были отмѣчены выше: такъ, было отмѣчено непосредственное смягченіе звука *к*, попадающаго въ положеніе послѣ мягкаго согласнаго или *j;* отмѣчена была также способность губныхъ къ отвердѣнію и отвердѣніе шипящихъ звуковъ. Но кромѣ этихъ случаевъ есть много и другихъ, изъ которыхъ въ однихъ явленіе смягченія и отвердѣнія имѣетъ для себя основаніе въ ассимиляціи (по мягкости и твердости), въ другихъ — не имѣетъ и этого основанія [2]). Изъ всѣхъ согласныхъ звуковъ наибольшее число случаевъ смягченія падаетъ на долю плавнаго *р;* умягченнымъ *р* является въ слѣдующихъ словахъ: тряснйкъ=тростникъ, абряшшыкъ, кряпивушку (изъ крапивушку черезъ посредство крепивушку — форму извѣстную воронежскимъ говорамъ), внутрё — ни па-нутрю, диря, Пирямитка = Пирамидка (названіе хуторка), дилехтурь, дохтурь, сталарь, тярьпѣнья, квартирьянтъ = квартирантъ, пирьвярнулъ, пирьмянять, пирьвянчять, пирьнисусь (и другіе въ томъ же родѣ), сярьчяя, сярьдечюшка, баяри (но и баяры), серьпъ — серьпы, Бирьсихлѣпскъ, лыцарьскій, чярь-

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 84, 45 стр.

[2]) Здѣсь, между прочимъ, замѣтимъ, что въ своихъ записяхъ я, вслѣдствіе неопытности начинающаго только, не отмѣтилъ массы случаевъ смягченія, объясняемыхъ ассимиляціей, т.-е. вліяніемъ слѣдующихъ или предыдущихъ мягкихъ слоговъ, напр.: тьвяты, сьвѣтъ—звучатъ въ воронежскяхъ говорахъ несомнѣнно съ мягкими *т* и *с*, мягкость которыхъ обусловлена вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога, но въ записяхъ эти слова переданы: твяты, свѣтъ; такихъ примѣровъ много.

ничькя (сельская монашка), перьваго, у царьства (въ послѣднихъ двухъ словахъ сохранилась древне-русская мягкость *р*), зафтря (изъ завтрја: ср. др.-русскую форму ꙋꙋтрию; рядомъ съ „зафтря" есть „зафтри", образовавшееся изъ „зафтря" черезъ посредство *зафтре съ *е* въ открытомъ слогѣ) [1]; смягченіе *р* передъ *ц*, извѣстное хорошо говорамъ рязанскимъ [2]), въ воронежскихъ говорахъ не наблюдается.

Гораздо рѣже надъ звукомъ *р* наблюдаются случаи обратнаго явленія, т.-е. отвердѣнія его, хорошо извѣстнаго говорамъ бѣлорусскимъ [3]). Отвердѣвшее *р* имѣемъ въ слѣдующихъ словахъ: рыһа, рыскъ—рыскавать, скрыпъ — скрыпѣть, һрыбы, стрыһу, һурбою, вихаръ = вихрь, Урупина = Урюпино.

Въ области другого плавнаго, *л*, случаи отвердѣнія и смягченія его извѣстны очень рѣдко, напр.: кавылъ = кавыль, Алопкинъ=Алёнкинъ (фамилія), но растиляла = разстилала, ляпортъ = рапортъ, ни лязай=не лазь, биздялюшки.

Кромѣ *р* очень часто смягчается зубно-носовой *н*, напр.: яваньдиля, аньдялъ, кардоньшыкъ, личинькя, измѣньчивай, вяньчянья, креньдялемъ, јисянёвай, Арсеньтій, Лявоньтій, каньца на каньцѣ, тонють = тонутъ, чарнявскай=чернавскій, всюняшная. Наоборотъ, слова: прастина, на знаю (Козловка Бобр. у.), на нада, што-набуть (Танцыреи Новохопер. у.), палынъ (Московское Вор. у.) представляютъ случаи отвердѣнія звука *н*.

Въ области другихъ зубныхъ звуковъ случаевъ смягченія и отвердѣнія очень мало, если не считать постояннаго и повсемѣстнаго смягченія звука *т* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, такъ какъ

---

[1]) Рус. Филол. Вѣстн., 1893, № 2, 246; № 4, 208 стр.
[2]) „Къ діалектологіи" Будде, 75—77 стр.
[3]) „Обзоръ" Карскаго, 58—59 стр.

въ этомъ случаѣ воронежскіе говоры лишь сохраняютъ древнерусское *тъ*. Изъ случаевъ смягченія и отвердѣнія зубныхъ отмѣтимъ слѣдующіе: стюдяно, стюдёнай, стюдень, будьто (старинная мягкость), рѣдькимъ грибяшкомъ, намедьни, дьнёмъ, дьли мине, но, наоборотъ, пиряторъ= перетеръ, вайдомъ, падайдомъ [1]) (послѣдніе примѣры, можетъ быть, вкрались въ трудъ г. Прядкина вслѣдствіе небрежности наборщиковъ).

Впрочемъ, звукъ *с* очень часто отвердѣваетъ въ окончаніи *ся* возвратныхъ глаголовъ. Первоначально отвердѣніе произошло въ 3 л. единственнаго числа, гдѣ *тс* измѣнилось въ *тц* съ *ц* твердымъ; затѣмъ уже по аналогіи съ этою формою (купаитца, умываитца и др.) *с* отвердѣло и въ другихъ формахъ, напр.: случиласа, зарадиласа, збилса, залиласа, праславилса, баюса, садимса, несесса, урадиласъ, павадиласъ, пакатиласъ, баюсъ, скажысъ, спасисъ и др. Но, впрочемъ, не вездѣ звукъ *с* является одинаково твердымъ; вѣрнѣе, во всѣхъ этихъ случаяхъ является звукъ средній по мягкости.

§ 38. Вліяніе народной этимологіи на измѣненіе словъ.

И въ области гласныхъ звуковъ, и въ области согласныхъ неоднократно уже приходилось встрѣчаться съ случаями вліянія народной этимологіи на переработку словъ, преимущественно взятыхъ изъ чужихъ языковъ; въ виду этого является необходимость хотя вскользь коснуться этого явленія и объяснить его сущность.

Терминъ „народная этимологія“ придуманъ нѣмецкими учеными, и съ этимъ именемъ обыкновенно связывается своеобразное отношеніе народной фантазіи къ тѣмъ словамъ, которыя вкрадываются въ лексиконъ даннаго

---

[1]) Вор. Юб. Сборн., 612 стр.

языка изъ другихъ языковъ, и смыслъ которыхъ для народа затемненъ. Желая осмыслить эти слова, невольно вошедшія въ его рѣчь, народъ обыкновенно, при помощи своей фантазіи, сближаетъ эти заимствованныя, темныя для него слова съ хорошо уже ему извѣстными, не относясь разборчиво и осмотрительно къ взятому слову. Вслѣдствіе этого звуковой составъ заимствованнаго слова, подвергнутый переработкѣ, настолько видоизмѣняется иногда, что трудно бываетъ сопоставить его съ прежнимъ, дѣйствительнымъ составомъ того же слова. Для примѣра возьмемъ встрѣчавшееся уже слово „налохъ": это слово взято изъ греческаго языка, гдѣ его звуковой составъ мало имѣетъ сходства съ русскимъ составомъ (ἀναλογεῖον). Въ своей греческой формѣ это слово было непонятно русскому народу, и, желая ввести въ свое употребленіе, народъ сближаетъ это слово съ хорошо извѣстнымъ ему корнемъ „лить", приставивъ впереди предлогъ „на": такимъ образомъ явилась русская огласовка этого слова „налой", и затѣмъ уже въ силу новаго перетолкованія изъ „налой" явилось „налохъ".

Случаевъ такого перетолкованія заимствованныхъ словъ народной фантазіей примѣнительно къ своей этимологіи много, какъ видѣли раньше; здѣсь добавимъ еще нѣкоторые случаи, неотмѣченные раньше: фалитары = форрейторы, яхветарь, ихветарь = ефрейторъ, Узрюмъ = Ерзерумъ, съ пронту, ментамъ, бандиравать = бомбандировать, притупица = портупея.

Вліяніе народной этимологіи сказывается иногда даже на русскихъ словахъ — такихъ, которыя вслѣдствіе своего рѣдкаго употребленія становятся какъ бы безродными въ языкѣ: желая предотвратить исчезновеніе этого слова изъ языка, которое легко можетъ послѣдовать, народъ ставитъ данное слово съ другимъ, болѣе или менѣе близкимъ по звуковому составу, въ связь, родство. Такимъ образомъ, кажется мнѣ, явилось въ воронежскихъ говорахъ слово „лапушыстай" = пушистый: по-

слѣднее слово въ народномъ обиходѣ почти не употребляется и было потому въ пѣснѣ „Снѣшки бѣлыи, пушисты . . .“ сближено съ хорошо извѣстнымъ словомъ „лапухъ—лапушистай“. Также, можетъ быть, образовалось и слово „прiукрасная“ = прекрасная, поставленное въ связь съ „украшать—украшенiе“.

II. МОРФОЛОГІЯ.

§ 39. Смѣшеніе родовъ.

Выдающеюся особенностью воронежскихъ говоровъ въ области морфологіи является замѣтное паденіе категоріи рода: многія имена существительныя изъ одного рода перешли въ другой. Больше всего въ этомъ отношеніи потерпѣли имена средняго рода. Какъ видѣли уже въ отдѣлѣ фонетики, имена этого рода въ силу аканья, т.-е. въ силу фонетическихъ причинъ, измѣнили свое родовое окончаніе на окончаніе женскаго рода и сознаются народомъ какъ имена женскаго рода. Только когда удареніе является на родовомъ окончаніи, имена средняго рода съ формальной стороны сохраняютъ свой родъ; но было бы ошибочно на основаніи этого внѣшняго признака заключать, что и въ народномъ сознаніи въ такомъ случаѣ они являются именами средняго, а не женскаго рода: сохранивъ свою внѣшнюю форму именъ средняго рода, они тѣмъ не менѣе сознаются какъ существительныя рода женскаго, а потому и прилагательныя къ нимъ идутъ въ родѣ женскомъ, даже въ томъ случаѣ, когда прилагательное имѣетъ удареніе на родовомъ окончаніи, напр.: на маю плячо, бальшуя акно, жытье плахая и др. Изъ именительнаго падежа, какъ видѣли, смѣшеніе основъ средняго рода съ основами рода женскаго пошло затѣмъ

далѣе, въ падежи косвенные, преимущественно въ винительный падежъ.

Въ рѣдкихъ только случаяхъ мы встрѣчаемъ факты, которые какъ будто говорятъ о незначительныхъ остаткахъ именъ средняго рода, живущихъ и въ сознаніи народномъ; такъ напр.: фсё начальства, на праваё плячо, бѣлаё лицо и др. Но эти и подобные имъ факты, во-первыхъ, слишкомъ рѣдко встрѣчаются, чтобы могли подорвать общее положеніе объ исчезновеніи именъ средняго рода изъ народнаго сознанія; во-вторыхъ, эти факты существуютъ въ воронежскихъ говорахъ, какъ видѣли выше, или какъ остатокъ сѣверно-великорусской рѣчи или какъ результатъ непосредственнаго ея воздѣйствія на акающую рѣчь въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, для всякаго непосредственнаго наблюдателя будетъ несомнѣннымъ, что имена средняго рода въ воронежскихъ говорахъ, какъ и въ рязанскихъ, исчезли изъ народнаго сознанія и являются въ громадномъ большинствѣ случаевъ именами рода женскаго.

Иногда только, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, имена средняго рода какъ бы измѣнились на мужескій родъ, напр., добрый утаръ, фкуснай яблакъ (чаще „фкусная яблака") бальшой облакъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе подобные же случаи. Впрочемъ, указанные примѣры мѣны средняго рода на мужескій не имѣютъ особенной важности, такъ какъ они отчасти извѣстны и древнерусскому языку. Какъ видно изъ матеріала „Этнографическаго Сборника", въ мѣщанскомъ говорѣ эта перемѣна средняго рода на мужескій представляетъ собою обычное явленіе, напр.: присутствій, атсутствій, исторій, преданій, смиреній, созданій (все именительные падежи) и др. [1]); прилагательное также идетъ къ нимъ въ родѣ мужескомъ, напр.: кошачый васкресени [1]). Но народные говоры Воронежской губерніи не знаютъ этого явленія

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 76, 69, 226, 232, 144, 93, 98, 138, 211 стр.

и кромѣ указанныхъ трехъ примѣровъ замѣны средняго рода мужескимъ, едва ли въ другихъ случаяхъ знаютъ это явленіе, замѣняя средній родъ обыкновенно родомъ женскимъ. Мѣщанскому говору эта послѣдняя мѣна также извѣстна, но встрѣчается рѣже, чѣмъ указанная замѣна родомъ мужескимъ, напр.: спасенийа, дайанйа, дыханийа и др. [1]).

Имена мужескаго и женскаго рода гораздо менѣе потерпѣли въ отношеніи измѣненія своего рода. Изрѣдка имена женскаго рода мѣняются на мужескій родъ, напр.: нашэст, салфет [1]), тиляһрамъ, камлáтъ (=комната), мой скатерть, шалкофъ скатертъ, мышъ (и мыша), пролупъ, фуражачикъ, чяпочикъ = цѣпочка (и чяпочькя).

Также изрѣдка имена мужескаго рода, наоборотъ, измѣняются на женскій родъ, напр.: звярница = звѣринецъ, съ праведнай путе(ѣ) — предполагаетъ именит. п. путя; тиһра, вредá = вредъ („никакой вреды нѣтъ"), һамазея (но и һамазей), обеть (= ободъ). Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ синтаксическая мѣна рода сопровождаетъ перемѣну окончанія слова.

Иногда имена, измѣняя свой родъ съ внѣшней стороны, въ сознаніи говорящаго все-же сохраняютъ свой родъ; сюда относятся: первый һарно (һорнъ), у Карлѣ Андревичя при Карла, Пётра, Данила и др. Что касается послѣднихъ, именъ собственныхъ, то они не стоятъ въ связи съ литературною формою тѣхъ-же именъ, и развились еще на почвѣ древне-русскаго языка, въ которомъ было много словъ средняго рода на „ло" (объѣдало, заправило...). Подъ вліяніемъ этихъ именъ взятыя изъ греческаго языка имена явились въ древне-русскомъ языкѣ также съ окончаніемъ „ло": Гаврило, Михаило [2]), изъ которыхъ впослѣдствіи въ акающихъ говорахъ вполнѣ правильно въ силу аканья явились разсматриваемыя нами „Карла", „Данила" и др., а также и „Пётра".

---

[1]) Ibid.

[2]) „Лекціи" Соболевскаго, 132 стр.

§ 40. Склоненіе именъ существительныхъ.

Въ склоненіи существительныхъ отмѣтимъ только наиболѣе выдающіеся факты, оставляя въ сторонѣ всѣ разнообразныя особенности склоненія, которыя развились въ силу аканья и представляютъ собою только фонетическое видоизмѣненіе соотвѣтствующихъ формъ литературной рѣчи.

Въ склоненіи основъ на -ă° обращаютъ вниманіе слѣдующіе факты:

Особенное развитіе формъ родительнаго и мѣстнаго пад. единственнаго числа на *-у — -ю*. Хотя окончаніе *-у — -ю* въ основы на -ă° занесено изъ основъ на й/ъ, но оно въ воронежскихъ говорахъ, особенно въ мѣстномъ падежѣ, едва ли не является господствующимъ, вытѣснившимъ старинное окончаніе—для род. п. *-а — -я*, для мѣстнаго *-ѣ* съ его разновидностями (*-и*, *-я*). Окончаніе *-у — -ю* мы встрѣчаемъ тамъ, гдѣ литературный языкъ его не допускаетъ, сохраняя коренное окончаніе основъ на -ă°, напр.: при „съ краю, и́зъ даму, атъ чяю, лиманату, зъ диву", извѣстныхъ и литературному языку, мы имѣемъ: „һадочькю, съ расходу, да вѣку, бисъ даһавору"; при „фъ саду, на кусту, на лабу" встрѣчаемъ: фъ Кіяву, на бальшомъ тра́хту, у куря́ню, при дѣду, ва фсякамъ чину и даже въ адномъ палаженью, въ дварянскамъ званью и др.

Для родительнаго падежа отмѣтимъ еще „дьни" вм. дня, вѣроятно, по аналогіи съ „кости", т.-е. съ основами на -ĭ [1]), и форму „урка", въ которой *о* понято какъ бѣглое, по аналогіи съ „лопъ-лба, ротъ-рта" и др. Изъ родительнаго пад. выпаденіе *о*, какъ бѣглаго звука, перешло затѣмъ и въ другіе падежи: уркамъ, урки и т. д.

---

[1]) Сюда конечно не относится „рубли" („два рубли"), гдѣ форма двойственнаго, сходная съ родит. ед., замѣнена посредствомъ именительнаго множ. числа.

Винительный падежъ смѣшивается иногда съ родительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда литературный языкъ не допускаетъ этого смѣшенія. Не справляясь съ тѣми правилами, которыми въ литературномъ языкѣ ограничено смѣшеніе этихъ двухъ падежей, народный языкъ по пути смѣшенія идетъ далѣе литературнаго, напр.: онъ аддалъ вешшы падъ залоһа, вм. залогъ; денишка рубля бирижотъ [1]), на Иванова дня мине дома не была. Безъ сомнѣнія, случаевъ смѣшенія винительнаго пад. съ родительнымъ гораздо больше отмѣченныхъ.

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ мужескаго рода большое развитіе получили формы на *-а* ударяемое, напр: ваза, һада, дама (но и до́мы); интересны особенно формы: падатя, степя, церьквя, зиляня, волостя отъ основъ на -ĭ: очевидно, „падатя" и другія явились по аналогіи съ формами „ваза, һада"... Отмѣтимъ еще формы именит. п. мн. числа „звѣ́рья" отъ собирательнаго имени „звѣрье" (звѣрья бѣһаютъ — XLI пѣсня), а можетъ быть, и отъ „звѣрь" по аналогіи съ „братья, друзья", также „волосья" (по аналогіи съ „колосья"), стаканья, тараканья; по аналогіи же съ послѣдними явилась „хазявья́ и хазя́вья" [2]). Въ противоположность указаннымъ формамъ отмѣтимъ: браты вм. братья, обеди вм. ободья. Въ одной пѣснѣ именит. п. мн. числа встрѣтился съ окончаніемъ *-е*: камаре́. Принимая во вниманіе предшествующій стихъ той же пѣсни, можно положительно сказать, что форма „камаре" обязана своимъ происхожденіемъ стремленію создать риѳму. Стихи, въ которыхъ встрѣчается эта форма, читаются такъ:

„Ой солнушка на зарѣ,
„Закусали мине камаре" (XCIX пѣсня).

Существительныя средняго рода всегда оканчиваются въ именительномъ множ. числа на *-ѣ*, въ твердомъ раз-

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 110 стр.
[2]) Рус. Филолог. Вѣстн., 1893 г., № 4, стр. 217.

личіи, напр.: письмы, вароты, азёры, пятны, сёлы, вёдры калесы, ухи (уши, кажется, не встрѣчается; въ другихъ падежахъ также — за ухами, мяжду ухъ, но и за ушами, мяжду ушей). Это *-ъı* вмѣсто *-а* можно разсматривать, какъ фонетическое видоизмѣненіе звука *-а* безударнаго въ акающихъ говорахъ. Но въ виду того, что основы средняго рода, какъ видѣли, исчезли изъ народнаго сознанія, смѣшавшись съ основами рода женскаго, и что смѣшеніе — далѣе — изъ именительнаго перешло и въ другіе падежи,—въ виду этого въ разсматриваемомъ фактѣ, мнѣ кажется, вѣрнѣе видѣть дальнѣйшее смѣшеніе средняго рода съ женскимъ, т.-е. что „вароты“, „вёдры“, „калёсы“ . . . представляютъ новообразованія, развившіяся подъ вліяніемъ „жены“, „шкуры“, „воды“ . . . ; или проще — взяли свое окончаніе у именъ рода женскаго. Это предположеніе представляется мнѣ вполнѣ вѣроятнымъ и въ виду того, что какъ въ воронежскихъ говорахъ — сильно-акающихъ, такъ тѣмъ болѣе въ рязанскихъ (здѣсь также окончаніе *-ъı*), въ которыхъ сильное аканье проведено строже и послѣдовательнѣе, — едва ли звукъ *-а* въ открытомъ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ, фонетически можетъ измѣниться въ *ъı*: въ этомъ положеніи звукъ *-а* всегда сохраняется, особенно въ рязанскихъ говорахъ, утрачивая только нѣсколько свою энергію, т.-е. являясь менѣе яснымъ, чѣмъ *-а* ударяемое; только, какъ исключеніе, извѣстенъ въ этомъ положеніи *-ъı* на мѣстѣ *-а* [1]). Въ силу этихъ соображеній, не соглашаясь съ мнѣніемъ Будде, который въ окончаніи *-ъı* именительнаго множественнаго числа именъ средняго рода признаетъ фонетическое видоизмѣненіе звука *-а* [2]), я тотъ же фактъ разсматриваю какъ чисто морфологическое явленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ смѣшенію основъ средняго рода съ основами женскаго рода.

Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа пре-

---

1) „Къ діалектологіи“ Будде, 33 стр.

2) Ibid., 105 стр.

обладающимъ окончаніемъ является заимствованное отъ основъ на й/ъ окончаніе *-ов* и *-ев* съ ихъ фонетическими разновидностями, напр.: пильшакафъ, угыльяфъ, аршынафъ, канёфъ, һастёфъ, дядёфъ. Но съ другой стороны, гдѣ ожидали бы *-ов* и *-ев*, находимъ или отсутствіе всякаго окончанія, или *-ей*, напр.: зятей, аньдялей, листочакъ, кусточакъ („листочакъ на ней нѣтъ" и „нѣтъ листочакъ, ни кусточакъ" — LXXXVI, LXXXVII пѣсни), дёнъ = стар. дьнъ (вм. дней, которая, какъ и „днёфъ" мало извѣстна), вишшокъ (отъ виски; „волоса" употребляется очень рѣдко).

Окончаніе *-ов* и *-ев* проникло во всѣ склоненія: его знаютъ не только имена мужескаго рода, но и средняго, и женскаго рода, хотя здѣсь это окончаніе не является господствующимъ, какъ въ мужескомъ родѣ, напр.: дялофъ, тялофъ, вайскофъ, яблакафъ (но ухъ и ушъ), дирichькяфъ, рыбафъ, нянефъ, маркафъ, пѣсьняфъ, птицафъ (по „паѣхалъ рубить алехъ и алёхъ" отъ ольха, дашшокъ), лашадёфъ (чаще лашадей), костяфъ, напастяфъ — отъ основъ на -ĭ.

Какъ исключеніе, отмѣтимъ форму дательнаго падежа множеств. числа съ стариннымъ окончаніемъ *-ом:* „пришла баба па дяломъ" (Козловка Бобров. у.); но, кажется, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ синтаксическою особенностью, съ особенностью управленія или съ смѣшеніемъ предлоговъ *по* и *за;* можно также предположить, что для дательнаго падежа въ данномъ случаѣ было взято извѣстное нарѣчное выраженіе „подѣломъ".

Въ выраженіи „фсѣмъ манерамъ платна" мы встрѣчаемъ какъ будто смѣшеніе дательнаго и творительнаго падежей; но въ виду того, что это — единственный у насъ примѣръ, гдѣ это смѣшеніе имѣетъ мѣсто, — вѣрнѣе и здѣсь допустить не морфологическую, а синтаксическую особенность, особенность управленія.

§ 21. Имена женскаго рода на -ā.

Въ склоненіи основъ на -ā, за исключеніемъ отмѣченной уже особенности для родительнаго множеств. числа, какъ рѣзко выдающійся фактъ, отмѣтимъ смѣшеніе родительнаго и дательнаго падежей единственнаго числа. Въ родительномъ падежѣ основъ твердаго различія мы съ одной стороны встрѣчаемъ окончаніе *-и*, напр.: съ ахоти, исъ хати, атъ карови, у баби; съ другой стороны, когда удареніе падаетъ на падежный суффиксъ, въ окончаніи является *-ѣ*, напр.: сы травѣ твяты рвала, зъ жанѣ маладой, съ раднѣ взять пя грѣхъ, у Пятрѣ (при именительномъ Пётра), у сястрѣ, атъ стянѣ, у сиратѣ, у казѣ, окала талпѣ и др. Сопоставляя и тѣ и другія формы родительнаго падежа, нельзя не замѣтить между ними тѣсной связи; связь эта открывается изъ того, что звукъ *и* въ формахъ „исъ хати, съ ахоти" . . . , не имѣющихъ передъ окончаніемъ задненебнаго звука, не могъ фонетическимъ путемъ развиться изъ *-ы*, обычнаго окончанія родительнаго пад. основъ твердаго различія, а предполагаетъ для себя тотъ же *-ѣ*, который является въ род. пад. въ случаѣ его ударяемости, и который, какъ извѣстно, въ воронежскихъ говорахъ можетъ при отсутствіи на немъ ударенія измѣняться въ *-и*. Слѣдовательно какъ во вторыхъ формахъ (зъ жанѣ, сы травѣ), такъ и въ первыхъ (исъ хати . . .) въ окончаніи родительнаго падежа является звукъ *-е* = *-ѣ*, т.-е. тотъ же звукъ, который служитъ окончаніемъ для дательнаго падежа и отсюда, очевидно, занесенъ въ родительный падежъ, при чемъ аналогія между дательнымъ и родительнымъ падежами проведена полная: въ родительномъ, какъ видѣли, является или *-ѣ* или *-и*, замѣняющее безударный *-ѣ*, — такъ и въ дательномъ подъ удареніемъ является *-ѣ*, а внѣ ударенія *-и*, напр.: къ сястрѣ, къ жанѣ, къ старшинѣ, но къ Маши, кы заловышки, къ рѣчьки, мнѣ—малотки, хъ кравати и т. д.

Изъ основъ на -ā звукъ *-е* = *-ѣ*, какъ окончаніе родительнаго падежа, проникъ и въ основы на -ĭ, въ которыхъ подъ вліяніемъ родительнаго на *-ѣ* и мѣстный сталъ оканчиваться на *-ѣ*, напр.: исъ пячѣ, па лашадѣ и др. (см. выше, § 13, г).

Древне-русскій языкъ зналъ въ окончаніи родительнаго падежа звукъ *ѣ*, но только въ именахъ мягкаго различія, т.-е. въ основахъ на -ā съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, и этотъ *ѣ* стоялъ въ соотвѣтствіи съ ст.-славянскимъ ѧ, служившимъ окончаніемъ род. пад. ед. ч., именит.-винит.-звательн. падежей мн. числа тѣхъ же основъ. Но по отношенію къ современнымъ воронежскимъ говорамъ, равно какъ и по отношенію къ другимъ велико-русскимъ говорамъ, знающимъ ту же особенность, трудно допустить, чтобы *ѣ*, окончаніе родительнаго пад., являлось отраженіемъ старины. Самымъ близкимъ и вѣроятнымъ объясненіемъ происхожденія *ѣ* въ родит. падежѣ нужно признать высказанное уже объясненіе, основанное на смѣшеніи родит. и дат. падежей. Это смѣшеніе началось прежде всего въ основахъ на -ā съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, *j* или задненебнымъ звукомъ, т.-е. въ такихъ основахъ, въ которыхъ, при отсутствіи ударенія на падежномъ суффиксѣ, формы родительнаго и дательнаго падежей совпадали въ окончаніи по фонетическимъ причинамъ, напр.: дяди (род. п.), дяди (дат. п.), кошки (род. п.), кошки (дат. п.) и друг. Разъ въ этомъ случаѣ родительный и дательный вполнѣ естественно смѣшались, то подъ вліяніемъ этихъ случаевъ смѣшенія оно могло явиться и въ томъ случаѣ, когда удареніе являлось на окончаніи, напр.: зъ зямлѣ — къ зямлѣ, у прасвирьнѣ — къ прасвирьнѣ. Изъ основъ мягкаго различія смѣшеніе затѣмъ проникло въ основы твердаго различія, гдѣ это смѣшеніе первоначально распространялось на тѣ случаи, когда удареніе стояло на окончаніи (сы травѣ, зъ жанѣ . . .); подъ вліяніемъ ужъ послѣднихъ, въ основахъ твердаго различія смѣшеніе произошло и въ томъ случаѣ, когда удареніе не стояло

на окончаніи, т.-е. явились формы „съ ахоти“, „исъ хати“...

Изъ другихъ особенностей, кромѣ разсмотрѣнной, отмѣтимъ еще слѣдующія. Отъ „сила“ творительный пад. единств. числа „сило́мъ“, образовавшійся, вѣроятно, по аналогіи съ нарѣчными словами „кругомъ, верхомъ“ и др. Отъ „слеза“ творит. единств. числа „слезью“, а мн. числа — „слезьми“ — съ окончаніемъ, взятымъ у основъ на -ĭ, которыя въ свою очередь, какъ увидимъ, часто пользуются окончаніями основъ на -ā, также „саньми“ (= санями) и др.

Въ именительномъ п. множ. числа два раза встрѣтилась форма на *-а:* на ћалава́ вянцы надѣли (LXXII пѣсня), крутыи ћара́.

При обращеніи къ лицу употребляется форма, отличная отъ именительнаго падежа, въ существительныхъ женскаго и мужескаго рода на -ā, напр.: дядя Павлухъ, Ванькъ, Сенькъ, Дунькъ, Парашкъ и т. д. Здѣсь какъ будто сказывается стремленіе различить формы именит. и звательнаго падежей.

Отмѣтимъ еще интересный фактъ, но касающійся собственно акцентовки. Имена женскаго рода на -ā съ окончаніемъ на этомъ *-а* охотно удерживаютъ удареніе на концѣ и въ винительномъ падежѣ, тогда какъ литературный языкъ въ этомъ падежѣ отодвигаетъ удареніе съ окончанія къ началу, напр.: вада́—ваду́, рука́—руку́, ћара́—у ћару́, каса вострая—касу́ востраю, каса русая—касу́ русаю, зямля—на зямлю́, жыбата́ (= забота)—жыбату́, расу́, паласу́, ћалава—ћалаву́ и др. (ср. съ бѣлорусскими говорами, которымъ также извѣстно это явленіе [1]). Въ другихъ падежахъ удареніе переносится уже на корень: ћо́лавы, ћоры, по ћалава́, ћара́ (именит. мн. числа).

---

[1]) „Обзоръ“ Карскаго, 116 стр.

§ 42. Основы на -ĭ.

Основы на -ĭ по пути смѣшенія съ основами на -ā въ воронежскихъ говорахъ пошли гораздо далѣе, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Наиболѣе выдающимся фактомъ этого смѣшенія является окончаніе *-е* = *-ѣ* въ родительномъ падежѣ, развившееся по аналогіи съ основами на -ā, и то же окончаніе въ мѣстномъ падежѣ, явившееся или подъ вліяніемъ родительнаго падежа, или же просто по аналогіи съ соотвѣтствующимъ падежомъ основъ на -ā (о женѣ, въ землѣ . . .); въ томъ и другомъ случаѣ въ результатѣ является одно, смѣшеніе основъ на -ĭ съ основами на -ā съ преобладающимъ значеніемъ послѣднихъ. Примѣры родительнаго и мѣстнаго падежей отъ основъ на -ĭ уже приводились въ разныхъ мѣстахъ.

Видѣть въ этомъ окончаніи заносное явленіе, заимствованное изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, которымъ эта черта хорошо извѣстна [1]), мнѣ кажется, нѣтъ основанія: эта черта въ южно-великорусскихъ говорахъ могла такъ же самостоятельно развиться, какъ и въ сѣверно-великорусскихъ, въ пользу чего говоритъ тотъ фактъ, что смѣшеніе основъ на -ĭ съ основами на -ā не ограничивается только мѣстнымъ (и родительнымъ) падежомъ, а проникло и въ другіе падежи, напр.: пастелю—пастеля, жызьню, лошадю, за лошыдей, за Кубанай за рякой, кровій (какъ землёй) и др. Если бы окончаніе *-е* = *-ѣ* было заимствованіемъ, то или непонятно совершенно смѣшеніе въ другихъ падежахъ или же и это послѣднее смѣшеніе нужно отнести насчетъ сѣв.-великорус. вліянія, потому что всѣ факты смѣшенія аналогичны (ср. съ мнѣніемъ Будде, который, не подозрѣвая, что и другіе изъ южно-великорусскихъ говоровъ, кромѣ рязанскаго, окан-

---

[1]) „Лекціи" Соболевскаго, 130 стр.

чиваются въ мѣстномъ пад. на *-ѣ*, понялъ эту черту рязанскаго говора, какъ заносное явленіе [1]).

Но вмѣстѣ съ фактами, говорящими о паденіи основъ на -ĭ, въ воронежскихъ говорахъ рѣже встрѣчаются факты обратные, факты сохраненія архаическихъ формъ отъ этихъ основъ. Въ Красномъ Логу, напр., мѣстный падежъ множественнаго числа почти всегда является съ окончаніемъ *-ёх*, напр.: на лападёхъ, въ кахтёхъ, у людёхъ и др. Можетъ быть, подобныя же формы существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Воронежской губ.; но вообще въ великорусскихъ говорахъ эти и подобные остатки старины рѣдки [2]), гораздо болѣе они извѣстны говорамъ бѣлорусскимъ [3]). Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ воронежскихъ говорахъ формы на *-ёх* несомнѣнно представляютъ воспоминаніе о старинномъ славянскомъ -єхъ и -ьхъ.

§ 43. Основы на согласные звуки.

Основы на согласные въ воронежскихъ говорахъ въ большинствѣ случаевъ утратили свое особое склоненіе и перешли въ разрядъ другихъ основъ, отличаясь отъ этихъ послѣднихъ только „наращеніемъ", которое они, хотя и не всегда, сохраняютъ отъ старины. Такъ, напр., слово свекры, съ основой первоначально на -ū, потомъ смѣшавшееся съ основами на согласные, извѣстное еще говорамъ рязанскимъ и другимъ, въ воронежскихъ говорахъ измѣнилось въ свекровь или свекровья, „свекры" же слышать мнѣ нигдѣ не приходилось. Точно также и цръкы является или основою на -ĭ (церковь) или основою на -ā (церква). Вмѣсто мати и дъшти, др.р. *дъчи* явились мать и дочь, съ основами на -ĭ, которыя въ косвенныхъ падежахъ иногда принимаютъ окончаніе основъ на

---

[1]) „Къ діалектологіи" Будде, 112 стр.
[2]) „Обзор" Колосова, 224 стр.
[3]) „Обзоръ" Карскаго, 107, 112, 121 стр.

-ā, напр.: матярю—матрю и дочярю; отъ мать — творит. п. единств. числа встрѣтился „съ мате"рьей"; имепит. п. множественнаго числа иногда „матяря, дачяря".

Основы на *-н* по внѣшнему виду сохранились: въ пихъ умягчительное *-а* = ѧ удержалось въ силу аканья, по въ косвенныхъ падежахъ они иногда теряютъ наращеніе и склоняются, какъ имена съ основами на -ă°, напр., время—времю, времямъ, времи (род. п. отъ основъ на -ā мягкаго различія; происходитъ, слѣдовательно, обычно смѣшеніе основъ средняго рода съ основами женскаго рода). Съ окончаніемъ *-мя* въ именительномъ падежѣ является и пламы—пламя или полымя (иногда, впрочемъ, и пламянь, какъ конь).

Основы на *-ѧт* и *-ес* также нерѣдко теряютъ свое наращеніе, напр., дитя—дитя (род. п.), дитю, дитёмъ, по „тиляти"[1] (дат. п.); также „въ пёби, да пёби", по „славяса[2], славясофъ".

§ 44. Имя прилагательное.

Въ области прилагательныхъ обращаетъ на себя вниманіе въ воронежскихъ говорахъ частое употребленіе прилагательныхъ краткой формы не только въ именительномъ падежѣ, но и въ косвенныхъ; впрочемъ въ послѣднихъ краткая форма употребляется гораздо рѣже, чѣмъ въ именительномъ, гдѣ она является обычною, какъ эпитетъ при существительномъ, напр.: сисъ һалупчикъ, ясны очи, сизы крылушки, чюжы балы, быстра рѣчинькя, русы кудри, милъ праславился баецъ; вазмешъ чюжу, странню, въ чюжу сторапу, съ праведпа путя, воску яру, жаль добра молатца, па зялёну лушку и др.

Названія городовъ, понимаемыя какъ прилагательныя краткой формы, нерѣдко являются въ формѣ прилагатель-

---

[1] Вор. Эти. Сборн., 106 стр.
[2] Вор. Лит. Сборн. 307 стр.

пыхъ, напр.: пать Смаленскимъ мы стаяли, ярманка въ Астрагошскимъ = въ Острогожскѣ и др.

Въ краткой же формѣ обыкновенно являются прилагательныя съ древнимъ суффиксомъ *-ïjъ: -ï(ъ)-* они выпускаютъ, а согласную какъ бы удлиняютъ, напр.: бож̄ы домъ, бож̄а Матирь, волччя шкура; и далѣе въ косвенныхъ падежахъ: бож̄ай Матири, въ волччяй шкури и др. Эта черта хорошо извѣстна говорамъ бѣлорусскимъ [1]).

Переходя къ прилагательнымъ полнаго окончанія, замѣтимъ, что многія ихъ особенности были уже разсмотрѣны въ отдѣлѣ фонетики, какъ явленія, объясняемыя чисто фонетическими причинами. Такъ, именительный падежъ прилагательныхъ, какъ было указано, для мужескаго рода имѣетъ окончанія *-ой*, *-ай* и *-ей*, для женскаго— *-ая*, *-яя*, *-ïя*, для средняго, смѣшавшагося съ женскимъ, въ видѣ исключенія *-аё* (бѣлаё, паратнаё . . .). Въ родительномъ падежѣ являются *-аһа*, *-яһа*, *-ава*, *-ява*, *-óва*, *óһа*, *-авó*, *-аһó;* интересна форма — никакоһу проку, гдѣ *у*, очевидно, подъ вліяніемъ именного склоненія. Въ женскомъ родѣ, кромѣ *-ой* и *-ей* (какей вады, у добрей сусѣтки . . .), въ „Былинѣ о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ“ встрѣчаются древнія формы на *-ыя*, измѣнившіяся въ другихъ формахъ на *-ые* [2]), или, лучше, наоборотъ: на *-ые* = др.-р. *ыѣ*, измѣнившемуся вслѣдствіе безударности гласнаго въ *-ыя*, напр.: сабли вострыя, груди бѣлыя (род. п.). Въ той же былинѣ разъ встрѣчается растянутая форма творительнаго падежа—„русскіимъ“. Для винительнаго падежа женскаго рода, кромѣ указанныхъ въ отдѣлѣ фонетики, отмѣтимъ еще рѣдко встрѣчающуюся форму на „уи“; напр. „въ Хриновуи“ (Хрѣновая слобода).

Именительный падежъ множественнаго числа оканчивается обыкновенно на *-аи*, если удареніе стоитъ на корнѣ; если же удареніе передвигается на окончаніе, то

---

[1]) „Обзоръ“ Карскаго, 142 стр.

[2]) Ibid., 139—140 стр.; „Два изслѣдованія“ Потебни, 78.

вмѣсто *-аи* является *-ыи*, напр.: тёмнаи ляса, шщочки алаи, брови чёрнаи, но милы́и, дараһы́и, сухы́и, какы́и (Красный Логъ).

Отмѣтимъ еще форму творительнаго падежа „съ баһатами купцами“: окончаніе *-ами* вм. *-ыми* явилось здѣсь подъ вліяніемъ именного склоненія.

Въ заключеніе обзора прилагательныхъ скажемъ еще объ образованіи степеней сравненія.

Сравнительная степень именъ прилагательныхъ уже въ древнее время утратила свои падежныя окончанія [1]). Въ настоящее время въ воронежскихъ говорахъ, не отличающихся въ этомъ отношеніи отъ другихъ, сравнительная степень всегда является въ древней формѣ именительнаго падежа на *-ѣй* (мужескаго рода) или на *-ѣе* (средняго рода) при чемъ *-ѣе* въ окончаніи сравнительной степени является въ томъ случаѣ, когда удареніе стоитъ на первомъ гласномъ окончанія. Эти формы сравнительной степени на *-ѣй* или *-ѣе* съ ихъ фонетическими видоизмѣненіями, свойственными акающимъ говорамъ, настолько возобладали въ воронежскихъ говорахъ, что этимъ же окончаніемъ пользуются и прилагательныя съ основою на задне-небный звукъ вмѣсто обычнаго въ такомъ случаѣ окончанія *-е*. Гласный *-е* въ этомъ случаѣ какъ бы удваивается, и вслѣдствіе этого является то же окончаніе, что и въ прилагательныхъ съ основою не на задне-небный звукъ, напр.: глажая, твёржая, лхчяя, глыбжая, памяльчѣя, пажарчѣя, патужѣя, далжѣя, вишая и др. Конечный гласный *-я* (= *е*) часто сокращается въ *-й* и получаются формы: вишай, луччяй, швытчяй, падяшефшай. Иногда конечный гласный и совсѣмъ отпадаетъ, напр.: луччя, набо́ля, боля, падяшефша и др.

Для превосходной степени обычнымъ суффиксомъ является *-ушшый*, напр.: талстушшый, аграмушшый, бальшушшый, злюшшый. Но рядомъ съ *-ушшый* нерѣдко встрѣ-

---

[1]) „Лекціи“ Соболевскаго, 157—158 стр.

чается суффиксъ *-ѣюшшьгй*, имѣющій, очевидно, связь съ литературнымъ *-ѣйшій*, напр.: дабрѣюшшый, важнѣюшшый, красавѣюшшый, милѣюшшый и др. Нерѣдко также превосходная степень образуется безъ помощи указанныхъ суффиксовъ, усиленіемъ качества положительной степени представкою *раз-*, напр.: разлюбезнай, разбишшасная, разудалый, раcприкрасная, растясовая, распуховая. Послѣдніе два примѣра представляютъ случаи образованія превосходной степени отъ именъ прилагательныхъ относительныхъ.

§ 45. Мѣстоименія.

Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій 1 и 2 лица и возвратнаго „себя" въ воронежскихъ говорахъ существуетъ значительное разнообразіе. Въ родительномъ и винительномъ пад. эти мѣстоименія имѣютъ или архаическія формы — менѣ, тебѣ, себѣ, чаще правда видоизмѣняемыя фонетически въ минѣ, тибѣ, сибѣ, мянѣ, тябѣ, сябѣ [1]); или же формы меня, тебя, себя, миня, тибя, сибя, новообразованныя подъ вліяніемъ именныхъ основъ на -ă° (хлѣба, коня). Но послѣднія формы встрѣчаются гораздо рѣже первыхъ, которыя нужно признать господствующими въ воронежскихъ говорахъ. На ряду съ указанными полными формами, какъ исключеніе, встрѣчаются и сокращенныя формы, преимущественно отъ „ты". Сокращенная форма этого мѣстоименія въ винительномъ падежѣ является или въ видѣ *тя* или чаще въ видѣ *те*, приноровленномъ къ родительному падежу, напр.: я за те свѣчькю наставлю, ламанъ (лихорадка) те задяри, на раны те истачи, хто те п'калатилъ.

Дательный падежъ тѣхъ же мѣстоименій является

---

[1]) Звукъ *ѣ* въ окончаніи этихъ мѣстоименій обозначаетъ мягкое *е*, но при записываніи пѣсенъ этотъ звукъ мы передавали не черезъ *ѣ*, а черезъ *е*.

также въ двухъ формахъ: мнѣ (минѣ), тибѣ, сибѣ, или же отъ основы со звукомъ *-о-*, явившейся въ русскомъ языкѣ очень рано [1]) и господствующей въ настоящее время въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ; отъ этихъ основъ со звукомъ *о* мы имѣемъ: табѣ, сабѣ. Эти формы являются въ воронежскихъ говорахъ господствующими. Сокращенныя формы въ дательномъ падежѣ встрѣчаются, но очень рѣдко, напр.: я тѣ скаску раскажу (В.-Тишанка Бобровск. у.). Отъ „себя“ сокращенная форма „си“ встрѣчается только въ глаголахъ возвратнаго залога, въ которыхъ „си“, какъ уже замѣчалось выше, часто вытѣсняетъ „ся“.

Мѣстоименіе 3-го лица является или въ обычной, литературной формѣ или же съ представленнымъ *j* — jонъ, jана, jаны, занесеннымъ въ именительный изъ другихъ падежей; но эта послѣдняя форма, хотя и часто слышится, не является господствующею. Родительный падежъ женскаго рода отъ этого мѣстоименія является въ различныхъ формахъ: её, яё, jіё или же рѣже еѣ и jіѣ,— въ которыхъ конечное *е=ѣ* является остаткомъ русской старины; изъ этой послѣдней формы съ *-ѣ* развились и всѣ предыдущія черезъ посредство *ее*. Винительный падежъ кромѣ *её*, *яё* имѣетъ еще „ё“ — форму, сокращенную, по всей вѣроятности, изъ *её*. Дательный падежъ женскаго рода иногда является въ формѣ „къ нёй“, творительный падежъ также — „съ нёй“; эта форма, впрочемъ, встрѣчается очень рѣдко и не составляетъ исключительной особенности воронежскихъ говоровъ: она извѣстна сѣверно-великорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ [2]). Относительно того же мѣстоименія замѣтимъ еще, что вмѣсто родительнаго падежа отъ *онъ* нерѣдко употребляется притяжательное прилагательное „ейный“,

---

[1]) „Лекціи“ Соболевскаго, 111 стр.

[2]) Обзоръ Карскаго, 133 стр.; Рус. Фил. Вѣстн., 1893 г., № 1-й, 264—270 стр.

образованное, очевидно, отъ „ей“ и извѣстное, кажется, только сѣверно-великорусскимъ говорамъ [1]).

Изъ формъ притяжательныхъ мѣстоименій отмѣтимъ прежде всего двойниковыя формы для родительнаго-винительнаго и дательнаго падежей: маяһó, тваяһó, сваяһó (маяво, тваяво, сваяво) или же формы стянутыя — маһо, тваһо, сваһо (маво, тваво, сваво), маму, тваму и т. д. Послѣднія формы — стянутыя — въ рѣчи употребительнѣе первыхъ, которыя преимущественно встрѣчаются въ пѣсняхъ и вызываются потребностью стиха. Кромѣ того, для родительнаго, дательнаго и творительнаго падежей женскаго рода отъ всѣхъ притяжательныхъ мѣстоименій отмѣтимъ формы съ звукомъ *ё*: маёй, тваёй, саёй. Эти формы въ воронежскихъ говорахъ въ исключительномъ употребленіи; даже лица образованныя, подчиняясь мѣстной особенности, пользуются ими. Возникли всѣ эти формы, равно какъ и подобныя имъ — къ нёй, съ нёй, фсёй са фсёй, по аналогіи съ соотвѣтствующими мѣстоименными формами твердаго различія [2]). Можно, конечно, предположить, что эти формы развились подъ вліяніемъ другихъ формъ отъ тѣхъ же мѣстоименій, въ которыхъ расширеніе *е* въ *jo* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ вполнѣ законно, напр. подъ вліяніемъ формъ: маё, тваё, фсё [3]). Но болѣе вѣроятнымъ, мнѣ кажется, является первое объясненіе: въ пользу его говорятъ частые случаи вліянія твердыхъ основъ на основы мягкаго различія — случаи вліянія именно въ отношеніи расширенія *е* въ *jo*, напр.: канёмъ (столомъ), землёю (водою) и др. [4]).

Указательное мѣстоименіе „этотъ“ является часто съ вставочными *н* и *ф*, какъ объ этомъ говорилось уже

---

1) „Обзор“ Колосова, 238 стр.

2) Рус. Филол. Вѣстн., 1893, № 1, 268—270 стр.

3) „Къ діалектологіи“ Будде, 119—120 стр.

4) Рус. Фил. Вѣстн., 1893, № 1, 266—269 стр.; „Обзоръ“ Карскаго, 132 стр.

раньше, и съ представочнымъ *j* — jэтатъ, jэта и т. д. Въ винительномъ пад. женскаго рода при правильной формѣ „jэту“ встрѣчается нерѣдко „jэтаю, jэтую“ — формы, образованныя, очевидно, по аналогіи съ соотвѣтствующими формами именъ прилагательныхъ. Рядомъ съ „этотъ“ рѣже встрѣчается „сей“ и даже „сь“, напр.: па сы дни, па сы чясы; очевидно, что „сы“ восходитъ къ ст.-славянскому си отъ сь, при чемъ мягкое *с* отвердѣло.

Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается вышедшее изъ употребленія мѣстоименіе „кой“, напр.: коеһа града [1]), каю пору, да кѣихъ поръ. Звукъ *е* въ послѣдней формѣ вм. *о* явилось подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы отъ „тотъ“ — тѣхъ. Это вліяніе сказалось и на другихъ мѣстоименіяхъ, напр.: да сѣхъ, атъ сѣхъ, съ абѣхъ.

Ст.-славянское тъ въ воронежскихъ говорахъ обыкновенно имѣетъ литературную форму — тотъ, тѣмъ, ту и т. д. Но рядомъ съ „тотъ“ рѣже встрѣчается „той — тая“ [1]); винительный пад. — „тоё косушку“ [1]). Рядомъ съ „тоё“ рѣже является форма „тые“ (Гнилуша Павл. у.). „Тоё“ явилось, очевидно, по аналогіи съ „её“; вліяніе послѣдней формы вызвало и другія новообразованія въ воронежскихъ говорахъ въ родѣ „тоё“, именно: самаё, фсеё, адпаё и ядпаё [отсюда и нарѣчіе „заядинаё“; именительный падежъ послѣдняго мѣстоименія, отмѣченный выше, — „адёнъ“ предполагаетъ для себя, очевидно, посредствующую форму оденъ изъ основного ѥдьнъ; въ малорусскомъ языкѣ есть эта посредствующая ступень со звукомъ *е(э)* на мѣстѣ *и* [2])].

Отмѣтимъ еще въ мѣстоименіи „тотъ“ форму мѣстнаго падежа „фъ тѣмъ һоради“ и даже „фъ тѣмь һоради“: здѣсь сказалось смѣшеніе мѣстнаго падежа съ творительнымъ.

---

1) Вор. Лит. Сборн. 60, 307, 313 стр.

2) Рус. Фил. Вѣстн., 1893, № 1, 12 стр.

§ 46. Глаголъ.

Въ области глагола одиѣми особенностями воронежскіе говоры тѣсно примыкаютъ къ другимъ говорамъ южно-великорусской группы, другими же, которыхъ, впрочемъ, очень мало, они рѣзко выдѣляются изъ этой ближайше-родственной группы, сближаясь въ то же время съ говорами менѣе родственными, не входящими въ южно-великорусскую группу.

Къ числу первыхъ особенностей относятся прежде всего особенности 3-го лица единств. и множеств. числа. Въ этихъ формахъ воронежскіе говоры имѣютъ то же окончаніе *-т* мягкое *(-ть)*, унаслѣдованное отъ глубокой русской или — вѣрнѣе — общерусской старины, которое въ настоящее время извѣстно почти всему русскому языку: говоры бѣлорусскіе, малорусскіе и южно-великорусскіе знаютъ исключительно мягкое *т* въ окончаніи разсматриваемыхъ формъ; только литературный языкъ и отчасти сѣверно-великорусскіе говоры являются въ этомъ случаѣ исключеніемъ, имѣя первый всегда *т*, вторые *т* и *ть*. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Воронежской губерніи въ окончаніи 3 л. ед. и мн. числа является *-ть*, напр.: бѣһаютъ, һуляють, баютъ, һутарють, выпустють, кормить, потчюить, тужыть, плачыть и т. д.

Но часто окончаніе *-ть* въ воронежскихъ говорахъ отпадаетъ — и двойниковыя формы въ нихъ не рѣдкость. Въ этомъ отношеніи воронежскіе говоры отличаются отъ ближайше-родственныхъ имъ говоровъ рязанскихъ: въ послѣднихъ формы 3-го л. мн. числа безъ „ть" почти неизвѣстны [1]); въ воронежскихъ говорахъ такія формы — явленіе довольно частое, напр.: ядя́, ни вядя́, сидя́, гавари́ (но „гавóря"—3 л. ед. ч.), һаря́, хатя́, ни һлядя́, ни стая́, вися́ и др. Но и въ воронежскихъ говорахъ чаще „ть" отпадаетъ въ 3-мъ лицѣ ед. числа, чѣмъ множе-

---

[1]) „Къ діалектологіи" Будде, 121 стр.

ственнаго; при чемъ отпаденіе „ть“ сопровождается извѣстнымъ фонетическимъ процессомъ: въ случаѣ безударности тематическаго *и*, съ потерью „ть“ тематическій звукъ *и* измѣняется въ *е*, которое затѣмъ въ силу аканья въ безударномъ закрытомъ слогѣ переходитъ въ *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго *(я)*, напр.: пя клоня, плотя, ходя, ухватя, любя, гаво́ря, хваля и др. Въ глаголахъ съ темой на *-о — -е* въ сущности происходитъ то же почти измѣненіе, въ результатѣ котораго является звукъ *а(я)*, напр.: заѣдя, пакидая, вѣдая, зная, ћаркня, мечя, рѣжа и др. Слѣдовательно, въ случаѣ безударности тематическаго звука, глаголы съ разными основами въ 3-мъ лицѣ ед. числа въ окончаніи совпадаютъ. Но если удареніе падаетъ на тематическій звукъ, то въ такомъ случаѣ глаголы съ темой на *-о — -е* не совпадаютъ съ глаголами на *-и*, удерживая свой тематическій *е*, при чемъ этотъ *е* иногда расширяется въ *о(ё)*, т.-е. получаются двойниковыя формы: съ одной стороны — бяре, пясе, жыве, плыве, расте, аддахне, съ другой — рвё, тякё, прицё, пякё, пясё и др. Такія же двойниковыя формы въ глаголахъ съ темой на *-о — -е* являются и въ томъ случаѣ, когда сохраняется „ть“ и удареніе также падаетъ на тематическій звукъ, напр.: съ одной стороны — мреть, зайдеть, тякеть, жгеть, талкеть, стрыгеть, бирягеть, стирягеть, съ другой — идёть, нясёть, пашлёть, льёть, даёть, магёть и т. д. (расширеніе *е* въ *о(ё)* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ явилось вслѣдствіе вліянія литературнаго языка, гдѣ окончаніемъ служитъ согласный твердый *-т* и, слѣдовательно, расширеніе *е* въ *о* законно). Какъ эти двойниковыя формы, такъ и первыя—безъ „ть“, употребляются не только въ одномъ и томъ же селѣ, но нерѣдко однимъ и тѣмъ же лицомъ, хотя, впрочемъ, формы безъ расширенія *е* въ *о* преимущественно употребляются тамъ, гдѣ послѣдовательнѣе проведено сильное аканье, т.-е. въ мѣстахъ наименьшаго вліянія цивилизаціи, въ мѣстахъ глухихъ, лежащихъ вдали отъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ и большого тракта. Но въ об-

щемъ обобщеніе, которое сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Будде для рязанскихъ говоровъ, къ воронежскимъ говорамъ непримѣнимо вполнѣ: вмѣстѣ съ Будде мы не можемъ утверждать, что вольныя села знаютъ только старинныя формы — безъ расширенія *е* въ *о*, а села иного рода — формы съ расширеніемъ *е* въ *о* на московскій образецъ [1]. Только относительно собственно мѣщанскаго воронежскаго говора можно положительно сказать, что ему исключительно свойственны московскія формы съ расширеніемъ *е* въ *о*, при чемъ окончаніе „ть" въ немъ никогда не отпадаетъ, напр.: живётъ, стрисётъ, унисётъ, пйотъ, талкётъ, сикётъ, саткётъ и т. д. Если же въ матеріалѣ „Воронежскаго Этнографическаго Сборника" изрѣдка встрѣчаются формы: пайдя, тяпя, будя, придя, примая, меля и др., то ихъ нужно отнести насчетъ говоровъ селъ и деревень, гдѣ г. Дикаревъ также собиралъ матеріалъ для очерка мѣщанскаго говора [2].— Но возвратимся опять къ формамъ народныхъ говоровъ. Какъ видѣли, формы 3-го лица ед. числа глаголовъ съ разными основами, при отсутствіи „ть" и ударенія на тематическомъ звукѣ, совпадаютъ въ воронежскимъ говорахъ. Это совпаденіе бываетъ и въ томъ случаѣ, если „ть" на лицо, а удареніе также остается на корнѣ: тематическое *е*, находясь въ слогахъ закрытыхъ, слѣдующихъ за удареніемъ, подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго *(ть)* суживается, какъ видѣли въ отдѣлѣ фонетики, въ воронежскихъ говорахъ въ *и;* такимъ образомъ глаголы съ темой на *-о — -е* совпадаютъ по звуковому составу окончанія съ глаголами на *и*, напр.: любить, хвалить, ходить, но также и знаить, тонить, даваить, потчюить и др. Это совпаденіе, имѣющее фонетическое основаніе въ 3-мъ лицѣ ед. числа, по аналогіи затѣмъ проникло и въ другія формы, гдѣ фонетически оправдано оно быть не можетъ,

---

[1] „Къ діалектологіи" Будде, 120—123 стр.

[2] Вор. Этн. Сборн., 251, 142, 187, 156; 228, 234, 210, 152, 153, 147, 130, 69, 72, 73 стр.

такъ какъ въ этихъ формахъ тематическому *е* приходится стоять не передъ мягкимъ, а твердымъ согласнымъ звукомъ; слѣдовательно, фонетическаго основанія для суженія *е* въ *и* нѣтъ. Такъ, по аналогіи съ „знаить, тонить“ . . . . явились формы: знаишъ, грѣишъ, потчюишъ, антирясуимса, панимаимъ, ћуляимъ и т. д. Въ свою очередь глаголы съ темой на *-и* также подверглись вліянію глаголовъ съ темой на *-о — -е*: для 3-го лица мн. числа въ томъ случаѣ, когда „ть“ не отпадаетъ и удареніе не стоитъ на тематическомъ звукѣ, первые глаголы заимствуютъ окончаніе отъ соотвѣтствующей формы глаголовъ второго рода, напр.: просють, ћонютца, видють, ходють, выпустють, ћутарють, благвистють, тужуть, волютца и др.; но съ удареніемъ на окончаніи глаголы съ основами на *-и* удерживаютъ свое окончаніе, напр.: лястять, ћарять, ляжать, ћаварять и т. д. Такимъ образомъ въ воронежскихъ говорахъ произошло сильное смѣшеніе глагольныхъ основъ, причемъ въ силу чисто-фонетическихъ причинъ перевѣсъ на сторонѣ основъ на *-и*, которыя ассимилируютъ себѣ многія формы глаголовъ съ темой на *-о — -е*, подчиняясь вліянію послѣднихъ только въ одной формѣ.

Вліяніе однихъ глагольныхъ формъ на другія, кромѣ разсмотрѣнныхъ примѣровъ, извѣстно еще и въ другихъ случаяхъ по отношенію же къ настоящему времени. Какъ видѣли въ отдѣлѣ фонетики, въ воронежскихъ говорахъ возможны сочетанія задне-небныхъ звуковъ съ узкими гласными, т.-е. возможны формы: тякеть, стрыгеть, пякеть, бирягеть, жгеть, ткеть, ни магимъ и т. д. Всѣ эти формы, безъ сомнѣнія, представляютъ собою новообразованія, развившіяся по аналогіи съ 1-мъ лицомъ ед. числа, гдѣ задне-небному звуку приходится стоять передъ широкимъ гласнымъ *у* — пяку, стирягу, бирягу... Конечно, такое аналогичное образованіе сдѣлалось возможнымъ потому только, что задне-небные звуки рано въ русскомъ языкѣ получили способность сочетаться съ узкими гласными; уже самый фактъ аналогичныхъ обра-

зованій четырехъ формъ (2 и 3 ед. числа, 1 и 2 множ. числа) подъ вліяніемъ только одной говоритъ въ пользу этой способности задне-небныхъ звуковъ, иначе одна форма не возобладала бы надъ четырьмя.

Въ свою очередь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 1-е лицо получаетъ образованіе, аналогичное съ другими лицами настоящаго времени. Такъ, отмѣченныя въ главѣ о губныхъ звукахъ формы „һатовю, ставю" съ непосредственнымъ смягченіемъ безъ *л* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію другихъ лицъ настоящаго времени, въ которыхъ губной звукъ непосредственно сочетается съ окончаніемъ (һатовишъ, һатовить . . .). Также и формы: мажу (мажу́ть), ляжу (ляжуть), бяжу (бяжать), отмѣченныя въ главѣ о задне-небныхъ, представляютъ новообразованія, развившіяся подъ вліяніемъ другихъ лицъ настоящаго времени, гдѣ передъ узкимъ гласнымъ смягченіе въ шипящій звукъ допускается и литературнымъ языкомъ (хотя въ воронежскихъ говорахъ при „можыть" есть и „магёть", при „бѣжыть" есть и чаще употребляется „бѣгить" и „бягёть"). Наконецъ, отмѣченныя формы настоящаго времени у Будде, образовавшіяся неправильно отъ основы неопредѣленнаго наклоненія, какъ то: вставаить, даваить, прадаваить [1] . . ., извѣстны и постоянно употребляются и въ воронежскихъ говорахъ вмѣсто литературныхъ „встаешь, даешь . . .". Къ перечню Будде для воронежскихъ говоровъ прибавимъ только: вазраптаить — вазраптаимъ, угражываить — угражываимъ, дрямаить = дремлетъ, араить = орётъ, станаить = стонетъ, ѣздію — ѣздішъ — ѣздіють, лазію—лазіють, а также — упрашають, спрашають вмѣсто упрашиваютъ, спрашиваютъ.

Изъ другихъ особенностей воронежскихъ говоровъ въ области глагола, общихъ съ другими говорами южновеликорусской группы, отмѣтимъ слѣдующія:

1) Неопредѣленное при обычномъ *т* мягкомъ *(-ть)* имѣетъ иногда окончаніе „ти", напр.: вѣшати, паимати,

---

[1]) „Къ діалектологіи" Будде, 124 стр.

паливати, бити, пасадити, разрубити, стаповити, уhасти-
ти, абливатися, ваяватися. Интересна также форма не-
определенпаго паклопепія отъ „иду" — итить, притить,
уйтить — всегда съ удвоепіемъ окопчанія; также „обма-
пить" вм. „обмануть".

2) Дѣепричастіе настоящаго времени кромѣ обычна-
го „учи" и „ючи" имѣетъ иногда окопчапіе „емчи", напр.:
съяжжаемчи, прашшаемчись, стряляемчи, мяняемчи, игра-
емчи, глядѣмчи и др. Эта форма на „емчи" обязапа сво-
имъ происхожденіемъ, кажется, вліянію 1-го лица множ.
числа настоящаго времени.

3) Дѣепричастіе прошедшаго времени, какъ видѣли
выше, всегда оканчивается на „мшы".

4) Причастіе прошедшаго времепи страдательнаго за-
лога, какъ и въ рязанскихъ говорахъ, оказываетъ лю-
бовь къ формамъ съ суффиксомъ *-т*, который часто яв-
ляется па мѣстѣ ожидаемаго *-н*, напр.: шуба рвата, аба-
рватай, убратай, прамѣнятый, приколата, да́ты деньhи,
рапятъ былъ въ руку и др. Интересна форма „дадепъ"
= дапъ, представляющая повсемѣстное явленіе.

5) Въ глаголахъ возвратныхъ въ 3-мъ лицѣ ед. и
множ. чиселъ *т* является почти всегда твердымъ подъ
вліяніемъ слѣдующаго твердаго *ц*, который является па
мѣстѣ *с*, напр.: смяетца, руhаитца, хвалютца, жметца,
вьетца и др. Только изрѣдка удерживается мягкое *т*, и
при томъ, какъ пришлось наблюдать, это мягкое *т* яв-
ляется только въ томъ случаѣ, когда „ся" мѣняется на
„си", напр.: увиваютьси, заливаютьси, атымутьси, запя-
кутьси, также — гнѣватьси, любитьси и др. Можетъ быть,
удержаніе мягкаго *т* въ возвратныхъ глаголахъ при из-
мѣненіи „ся" въ „си" — случайное явленіе; но во вся-
комъ случаѣ этотъ фактъ, это совпаденіе *т* мягкаго и
окончанія „си" обратилъ па себя мое вниманіе. Что же
касается самого „си" вмѣсто „ся", а равно и „са" вмѣ-
сто „ся", то объ этомъ рѣчь была уже.

6) Отмѣтимъ, накопецъ, слѣдующія отдѣльныя фор-
мы: а) повелит. наклоненія — „палошъ, выла°шъ, ни рап-

тай, вылази"; б) прошедшаго времени—„утопъ, завопла" = утонулъ, завыла.

Рѣзкихъ особенностей въ воронежскихъ говорахъ въ области глагола, которыми они выдѣляются изъ южно-великорусской группы говоровъ, немного, и кромѣ того о нихъ упоминалось уже въ отдѣлѣ фонетики, въ разныхъ мѣстахъ. Къ этимъ особенностямъ относятся слѣдующія:

1) Старинныя формы „ныть, выеть, крыеть", сохранившіяся въ Красномъ Логу Вор. уѣзда и, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ. Эти формы, безъ сомнѣнія, являются отголоскомъ старины и не обязаны своимъ происхожденіемъ, напр., малорусскому вліянію, хотя малорусскимъ говорамъ извѣстны эти старинныя формы. Это потому, что съ одной стороны нѣтъ причинъ для малорусскаго вліянія на Красный Логъ ни въ близкомъ сосѣдствѣ, ни въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ съ малоруссами; съ другой стороны, въ томъ же Красномъ Логу, какъ извѣстно, сохранились и другіе остатки древне-русскаго языка, напр., способность задне-небныхъ звуковъ сочетаться съ *ѣ*.

2) Формы неопредѣленнаго наклоненія на „цъ", отмѣченныя въ с. Поворинѣ Новохоперскаго уѣзда.

3) Формы 2-го лица множественнаго числа повелительнаго наклоненія, отмѣченныя въ томъ же селѣ, на „ть", т.-е. съ отпаденіемъ конечнаго *е*, причемъ предшествующій согласный сталъ мягкимъ, какъ и въ малорусскихъ говорахъ, напр.: ни журить, ни бранить, вы падить, привядить. Происхожденіе этихъ формъ ужъ безъ всякаго сомнѣнія нужно отнести насчетъ малорусскаго вліянія, такъ какъ такія формы извѣстны только малорусскимъ говорамъ и — съ другой стороны — село Поворино со всѣхъ сторонъ окружено малорусскими селами (Алферовка, Петровское и др.). Слѣдовательно, препятствій для малорусскаго вліянія на это село нѣтъ.

СИНТАКСИСЪ.

§ 47. О синтаксическихъ особенностяхъ воронежскихъ говоровъ много говорить не приходится въ виду того, что при знакомствѣ съ народными говорами Воронежской губ. эту ихъ особенность мы упустили изъ виду, и потому теперь придется ограничиться тѣми немногими фактами, которые, такъ сказать, сами напросились, незамѣтно для насъ вошли въ собранный матеріалъ.

Больше всего въ синтаксическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія *членъ*, который въ воронежскихъ говорахъ сохранился и употребляется довольно часто. Но употребленіе его въ воронежскихъ говорахъ нѣсколько отлично, напр., отъ говоровъ рязанскихъ и сѣверно-русскихъ, въ которыхъ онъ измѣняется по родамъ: въ воронежскихъ говорахъ во всякой зависимости членъ всегда сохраняетъ одну и ту же форму — „та", напр.: кум-та, дурак-та, вада-та милейить, да в рот-та ни лѣзить, дурь-та навыбйуть, умен-та, в зимле-та, наружы-та, брешыш-та, давать-та давали, х таму-та, хто-та [1]), зубы-та, ядинъ-та, въ Тулу-та [2]), атецъ-та дварецкай былъ съ нами, симья-та здарова, я знать-та ня знаю, въ ядпнай-та клѣтки, таперь-та, сяна́-та, мерянъ-та, таковы-та дяла и др.

Тотъ же членъ отмѣченъ и въ сказкахъ Аѳанасьева, записанныхъ въ Воронежской губ., только безъ соблюденія мѣстнаго произношенія: правдивой-то, на глазъ-то,

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 148, 114, 88, 115, 225, 91, 106, 108, 146 стр.

[2]) Вор. Лит. Сборн. 273, 612 стр.

меня-то [1]). Только разъ встрѣтился членъ въ другой формѣ, именно—*т*, что вмѣстѣ съ прояснившимся гласнымъ основы дало *-ат*, т.-е. -о-тъ: въ лоц-ат вдарилъ — искры засвяркали (Тапцырел. Новохопер. у.).

Изъ другихъ, менѣе значительныхъ особенностей синтаксиса воронежскихъ говоровъ встрѣтились слѣдующія:

1) Весьма обычное въ сѣверно-великорусскихъ былинахъ *повтореніе предлога* при сочетаніи въ предложеніи его частей, напр.: услыхали пра някрутскай пра бальшой паборъ, за тёмнаи за ляса, на жолтинькяй на пясокъ, вы һоринки вы навой, на јэтамъ па кусту.... Иногда повтореніе предлога, какъ приходится наблюдать, вызывается и обусловливается только стремленіемъ уравновѣсить число слоговъ или стопъ въ стихѣ.

2) Частое *употребленіе прилагательныхъ краткой формы* на мѣстѣ опредѣлительныхъ словъ; примѣры этого употребленія были уже указаны (см. § 44).

3) Употребленіе *эпитетовъ*, какъ неотдѣлимыхъ отъ понятія частей, напр.: па Волги-рякѣ, Питяръ-һарадокъ, сокалъ-птица, Китай-һоратъ, Ванюша-сокалъ, Иванъ-сударь и др.

4) Частое употребленіе *именъ ласкательныхъ* и *уменьшительныхъ*, иногда не вызываемое никакою необходимостью, т.-е. независимо отъ грамматическаго значенія этихъ именъ, напр.: абливалась мая сярдечькя (LV пѣсня), хуть нямнопка съ табой пажывемъ... адинъ понишпяй һадокъ (круглинькяй һадокъ) — LIII пѣсня; фъ Питяръ-һарадочикъ, һлазушки, копюшки, личюшка, пякрутикъ, кусточикъ, раскудрявинькяй, мазурычькя, лѣсикъ и др.

5) *Управленіе словъ* часто бываетъ отличное отъ литературнаго. Случаевъ неправильнаго управленія много, но тѣмъ не менѣе сгруппировать ихъ нѣтъ возможности, а потому ограничимся только перечисленіемъ нѣкоторыхъ

---

[1]) I, 149; III, 60; V, 93 стр.

изъ этихъ случаевъ: ана всѣмъ манерамъ платна [1]), пришла баба па дяломъ, я изъ духовпыхъ и знаюсь только подуховнаму, т.-е. съ духовными; а вы бы луччя прашли за мастомъ (за мостъ), мы нидавольны атъ нихъ, падъ насъ лотачьки шумять, за мной (=за мня) замушъ итить, скрось жылѣзныхъ ришотъ, фсей ночь ня сплю, сильна взялъ въ ученья, зъ диву даютца, бронютца пра мине, выпить пра твае здаровья, мéжду лѣсу, мéжду тёмнаһа, между сибе рѣчи һаваря, пыдемъ двару, мнѣ любили, опъ кавылъ-трафка рвалъ; Артм ни баитца ап том [2]), дѣла была апъ Пасхи.

6) *Употребленіе предлоговъ* одного вмѣсто другого, напр.: двоя у нихъ (изъ нихъ) были умныи. Предлогъ *изъ*, какъ и въ малорусскихъ говорахъ и, вѣроятно, не безъ вліянія ихъ, иногда смѣшивается въ употребленіи съ предлогомъ *съ*, напр.: церкафъ съ пираһофъ складяна, онъ вышалъ съ хати, но „варнулси съ ярманки".

Краткая замѣтка объ окающихъ говорахъ.

§ 48. Акающій говоръ, очеркъ котораго представленъ нами, является господствующимъ въ Воронежской губ.; но, какъ было замѣчено во введеніи, этотъ говоръ пе единственный: вмѣстѣ съ нимъ существуетъ и сѣверная, окающая рѣчь. „Здѣсь (въ Воронежской губ.) есть, пишетъ г. Малыхинъ въ статьѣ о Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, особенно между помѣщичьими крестьяпами, выходцы изъ велико-россійскихъ губерній, отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ сѣвернымъ произношеніемъ" [3]). Уже эта замѣтка, признающая, какъ

[1]) Вор. Юб. Сборн., 611 стр.
[2]) Вор. Этн. Сборн., 73 стр.
[3]) Вор. Лит. Сборн., 271 стр.

фактъ, существованіе представителей окающаго говора въ Воронежской губ., даетъ основаніе предполагать сравнительно незначительное число этихъ представителей; личныя же мои поѣздки въ различные уѣзды еще болѣе убѣждаютъ въ справедливости этого предположенія: во всѣ мои поѣздки мнѣ встрѣтились только три села съ окающею рѣчью — Новый Курлакъ, Пчелиновка Бобровскаго уѣзда и с. Бродовое, о которомъ рѣчь была выше. Но, безъ сомнѣнія, окающая рѣчь не ограничивается только тремя указанными селами: кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ селъ, какъ замѣчено было выше, есть основаніе полагать, что въ нихъ раньше на ряду съ акающею существовала и окающая рѣчь — и теперь подъ сильнымъ и постояннымъ вліяніемъ первой вымерла, оставивъ только нѣкоторые слѣды своего существованія (таково, напр., село Поворино Новохопер. у., Можайскъ Воронежск. у. и др.).

Итакъ, окающая рѣчь существуетъ въ Воронежской губ., но представителей ея сравнительно очень мало и, кромѣ того, она поддается вліянію со стороны рѣчи акающей.

Въ виду этого, а также вслѣдствіе недостатка матеріала, необходимаго для полной характеристики окающей рѣчи, придется ограничиться только краткой замѣткой.

Хотя окающіе говоры, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ селахъ Воронежской губ., находятся подъ постояннымъ вліяніемъ со стороны акающей рѣчи, но тѣмъ не менѣе многія черты, роднящія ихъ съ сѣверно-великорусскими говорами, пока сохраняются въ нихъ. Какъ и въ сѣверно-великорусскихъ, въ воронежскихъ окающихъ говорахъ сохраняется безударное *о*, напр.: посулилси, молодой, стосковалси, скончалъ, родныи, въ одну, столбомъ, пошолъ, головка, на ково и др. Случаевъ отступленія отъ этого правила, т.-е. случаевъ перехода *о* въ *а*, немного: ни ганиси, за моёи красатой, свой спакой, съ табой. Сѣверно-великорусскимъ говорамъ также извѣстенъ пере-

ходъ безударнаго *о* въ *а* [1]); но тѣмъ не менѣе въ воронежскихъ окающихъ говорахъ этотъ переходъ, мнѣ кажется, нужно объяснять не какъ отраженіе черты, свойственной окающимъ говорамъ, а какъ результатъ вліянія господствующаго акающаго говора. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что отмѣченные случаи перехода безударнаго *о* въ *а* находятся исключительно въ той пѣсни, которая служитъ достояніемъ акающихъ селъ Воронежской губ., откуда она, очевидно, была занесена въ окающія села съ сохраненіемъ, можетъ быть, многихъ ея звуковыхъ особенностей, въ томъ числѣ и перехода безударнаго *о* въ *а*.

Безударный *а*, какъ и безударный *о*, въ окающихъ говорахъ почти всегда сохраняется, напр.: дадуть, начальникъ, зарѣзалъ, далёко и др. Но иногда, какъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, безударный *а* переходитъ въ *о*, напр.: Олександро (вѣроятно, и въ другихъ собственныхъ именахъ, начинающихся съ *а*, этотъ *а* измѣняется въ *о*), въ Тогапрогѣ, безъ зоботы, болоство (по баловали), волйтъ, покотилась по тровѣ, розудалая, позовьёмъ. Звукъ *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго *(я)* измѣняется въ *е* послѣдовательнѣе и чаще, чѣмъ *а* въ *о*, напр.: погледи, светыхъ, чесовой, румени, расступилсе, посулилсе и др. Впрочемъ, относительно возвратныхъ глаголовъ замѣтимъ, что „ся" чаще измѣняется въ „си", чѣмъ въ „се", и даже въ томъ случаѣ, когда „ся" измѣняется въ „се", то — вѣрнѣе — въ этомъ „се" слышится звукъ средній между *е* и *и*. Такимъ образомъ часто возвратные глаголы въ окающихъ говорахъ имѣютъ тотъ же видъ, что и въ говорахъ акающихъ: посулилси, сбилси, влюбилси, обернулси, ни гаппси. Встрѣчается иногда и „ся" въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ, напр.: садилися, обливалися, жопитца, не спитца, купатца и др. Въ виду существованія этихъ послѣднихъ формъ на „ся",

---

[1]) Русск. Филол. Вѣстн., 1874 г., № 1—2, 44 стр.

мнѣ кажется, что „си“ въ окающихъ говорахъ Воронежской губ. нужно объяснять не такъ, какъ оно объясняется въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, т.-е. не какъ фонетическое видоизмѣненіе „ся“ черезъ посредство „се“ съ *е* закрытымъ, изъ котораго затѣмъ получился *и*, а какъ результатъ вліянія акающихъ говоровъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, при „ся“ чаще является „си“, объясняемое не фонетически.

Звукъ *е* безударный большею частью остается безъ измѣненія, независимо отъ положенія по отношенію къ ударяемому слогу, напр.: Олександро, слегла, безъ заботы, не зналъ, во зелёной, потеряешь и др. Но иногда безударный *е* переходитъ въ *и*, напр.: въ лагири, отъѣжжаишъ, поручаишъ, починку. Всегда, какъ и въ акающихъ говорахъ, *и* на мѣстѣ *е* безударнаго является въ именительномъ пад. множественнаго числа именъ прилагательныхъ, напр.: родныи, дорогіи, руменыи [1]); формъ съ *ё*, извѣстныхъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ, я не встрѣчалъ. Только въ этомъ случаѣ въ отношеніи расширенія *е* въ *о* воронежскіе окающіе говоры расходятся съ сѣверно-великорусскими (да еще въ окончаніи „ся“ возвратныхъ глаголовъ, которое не измѣняется въ „сё“); въ другихъ случаяхъ воронежскіе говоры сохраняютъ съ послѣдними полное родство, рѣзко расходясь съ окружающими акающими говорами, напр.: горё, на ученьицо, ничово, чому, жониха, ёво, къ Рожоству, помёръ, жонитца, незнаёмой, ёму.

Звукъ *е*=*ѣ*, который въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ корняхъ измѣняется въ *и*, въ воронежскихъ окающихъ говорахъ сохраняется во всякомъ положеніи: и передъ твердымъ и передъ мягкимъ слѣдующимъ согласнымъ звукомъ, напр.: бѣжыть, вѣсточку, на колѣни, всѣхъ, лѣсомъ, дѣвица, отъѣжжаимъ, привѣтливой, повѣрилъ, свѣтъ, бѣда, лѣтумъ, зарѣзалъ и др. Только во

---

[1]) Впрочемъ въ этомъ *и* лучше видѣть старинное окончаніе = **и**, а не **ѣ**.

флексіяхъ наблюдается измѣненіе *ѣ* въ *и*, напр.: ко милашки, въ лагири, на свѣти, смотрить. Но эта черта, извѣстная сѣверно-великорусскимъ говорамъ, хорошо извѣстна и воронежскимъ акающимъ говорамъ (и вообще южно-великорусской группѣ говоровъ), въ которыхъ, какъ видѣли, всякое безударное *е* = *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ измѣняется въ *и* (рѣже въ *я*). Поэтому, можетъ быть, отмѣченную черту окающихъ говоровъ нужно отнести насчетъ вліянія акающихъ говоровъ. Измѣненіе *ѣ* въ *и* въ „посмотрить" извѣстно, какъ было указано, и акающимъ воронежскимъ говорамъ.

Изъ остальныхъ гласныхъ звуковъ замѣтимъ еще относительно *ы*, который въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ, будетъ ли онъ подъ удареніемъ или нѣтъ, замѣняется посредствомъ *о*, напр.: во зелёной, нещасной, привѣтливой; но изрѣдка вмѣсто *-ой* является *-ай*, очевидно, подъ вліяніемъ акающихъ говоровъ, напр.: въ тюремнай замокъ онъ попалъ.

Въ области консонантизма воронежскихъ окающихъ говоровъ, какъ наиболѣе выдающуюся черту по сравненію съ акающими говорами, отмѣтимъ отсутствіе непереходнаго смягченія задне-небнаго *к* при извѣстныхъ условіяхъ, имѣющихъ силу въ акающихъ воронежскихъ говорахъ, напр.: вѣсточку, на песочку, личко, вѣточку, дочка, маленька. Но звукъ *г*, составляющій рѣзкую особенность акающихъ воронежскихъ говоровъ, какъ звукъ проточный = латинскому h, сохраняется, кажется и въ окающихъ воронежскихъ говорахъ въ отличіе отъ сѣверно-великорусскихъ окающихъ говоровъ, которые знаютъ *г* = g.

ЧАСТЬ II.

Малорусскіе говоры Воронежской губерніи.

§ 1. Общая характеристика малорусскихъ говоровъ Воронежской губерніи.

До половины XVII в. Воронежская губернія заселялась исключительно великорусскими колонистами, направлявшимися сюда изъ центральныхъ губерній; съ этого времени открывается новый путь для колонизаціи Воронежскаго края: около 1640 г. съ юго-запада является въ Воронежскую губернію первая партія малорусскихъ колонистовъ изъ г. Черкасъ, почему первые колонисты изъ малоруссовъ, а за ними и позднѣйшіе, извѣстны по актамъ подъ именемъ „Черкасовъ". Съ теченіемъ времени, особенно по уничтоженіи Запорожской Сѣчи и казацкой вольности, наплывъ малоруссовъ въ Воронежскую губернію, сначала незначительный, сильно увеличился, такъ что въ настоящее время они представляютъ почти половину населенія Воронежской губерніи (по 9-й ревизіи всѣхъ великоруссовъ насчитывалось 930,730, малоруссовъ—640,126; считалось только сельское населеніе) [1]. Первоначально малоруссы заселили западную часть Во-

---

[1]) Воронежская Бесѣда, 264 стр.

ронежской губ., но потомъ по разнымъ причинамъ, вытекавшимъ отчасти изъ нуждъ населенія, отчасти изъ воззрѣній правительства на малоруссовъ, какъ на передовую охранную стражу [1]), главная масса малоруссовъ отлила на югъ и заняла нынѣшніе Богучарскій и Острогожскій уѣзды, какъ передовые военные посты. Такимъ образомъ и въ настоящее время малоруссы занимаютъ исключительно южную часть Воронежской губ., западную, гдѣ они перемѣшаны съ великоруссами въ уѣздахъ Валуйскомъ, Бирюченскомъ, Землянскомъ, Коротоякцкомъ и Нижнедѣвицкомъ; кромѣ того, поселенія малорусскія съ такими крупными центрами, какъ Бутурлиновка Бобровск. уѣзда и Воронцовка Павловск. уѣзда, встрѣчаются и въ восточной части губерніи; только два сѣверные уѣзда — Воронежскій и Задонскій не имѣютъ малорусскаго элемента.

Постоянныя сношенія малоруссовъ съ великоруссами по различнымъ дѣламъ, близкая, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, такъ сказать, совмѣстная жизнь этихъ двухъ элементовъ — не могли остаться безъ вліянія на великоруссовъ и малоруссовъ со стороны языка. Выше мы видѣли, что великорусскіе говоры, дѣйствительно, испытали на себѣ вліяніе малорусской рѣчи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніе очень замѣтное. Въ свою очередь и малорусская рѣчь Воронежской губ. подверглась вліянію великорусскихъ говоровъ, которое — понятно — сильнѣе сказывается тамъ, гдѣ великоруссы и малоруссы живутъ въ перемежку. Поэтому уѣзды Богучарскій и Острогожскій съ исключительно почти малорусскимъ населеніемъ менѣе другихъ испытали и испытываютъ на себѣ великорусское вліяніе въ отношеніи языка. Наоборотъ, въ уѣздахъ, напр., Бобровскомъ и Новохоперскомъ, гдѣ малорусскій элементъ составляетъ значительное меньшинство населенія и малорусскія слободы и хутора окружены велико-

---

[1]) Воронежская Бесѣда, 255, 260, 257—258 стр.

русскими селами, это вліяніе сказывается гораздо сильнѣе. Въ этихъ уѣздахъ встрѣчаются такія малорусскія слободы, языкъ которыхъ представляетъ какъ бы смѣшанный говоръ или, по крайней мѣрѣ, малорусскій говоръ съ значительною примѣсью великоруссизмовъ. Таковы, напр., Васильевка (Водяны Хутора) Бобровскаго уѣзда и Петровское Новохоперскаго уѣзда. Пѣсни, записанныя мною въ этихъ слободахъ, именно представляютъ смѣшанный говоръ. На мое замѣчаніе въ сл. Васильевкѣ, что дѣвушки только поддѣлываются подъ мою рѣчь, а на самомъ дѣлѣ такъ не говорятъ, получился отвѣтъ, что вообще стараются у нихъ говорить на „городской ладъ", только „якій заядлый хохляко говоре по-хохлацьку". Главнымъ проводникомъ великорусскаго вліянія, по замѣчанію тѣхъ же женщинъ, являются великорусскія пѣсни, которыя охотно распѣваются малорусскою молодежью съ незначительнымъ звуковымъ измѣненіемъ этихъ пѣсенъ. Въ томъ же духѣ встрѣчаемъ замѣтку относительно малоруссовъ Воронежской губерніи въ „Кіевской Старинѣ": „Воронцовка и Бутурлиновка въ лицѣ своихъ тузовъ денежныхъ и мало-мальски образованныхъ обрусѣли; эти лица стремятся говорить литературно и ввертываютъ въ свою рѣчь иностранныя слова: мы имѣли съ нимъ по этому поводу *сижетъ* (сужденіе); я ни хачу ни за что взять на себя этой *морали* (грязнаго, дурного поступка); тамъ, братецъ мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну тай годи"...[1]). Непосредственно знакомый съ Бутурлиновкою, добавлю отъ себя, что приведенная характеристика касается не одних только тузовъ, но очень часто и бѣдной части населенія, на которой также сильно сказывается великорусское вліяніе,— и это понятно въ виду того, что Бутурлиновка, какъ крупный центръ, ежедневно посѣщается массою великоруссовъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ.

Приписывая такъ много значенія великорусскому

---

[1]) Кіевская Старина, 1885 г., № 4, 632—639 стр.

вліяпію, я не хочу этимъ сказать, что малорусская рѣчь окончательно подчинилась великорусскому вліянію; по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, какъ указанные выше, конечно, можно утверждать и это, но въ общемъ сказать того же нельзя: вся въ совокупности малорусская рѣчь Воронежской губ., безъ сомнѣнія, подверглась великорусскому вліянію, но это вліяніе не настолько сильно, чтобы могло вытѣснить отличительныя черты малорусской рѣчи. Но неправильно мнѣніе и тѣхъ лицъ (между прочимъ, г. Дикарева, автора „Воронежск. Этн. Сборника“), которыя полагаютъ, что въ Воронежской губ. существуетъ чистая малорусская рѣчь, такая, напр., какъ въ Полтавской губ. Конечно, какъ встрѣчаются пункты сильнаго великорусскаго вліянія, такъ съ другой стороны найдутся и такія слободы, которыя менѣе всего, или даже совсѣмъ не испытали на себѣ великорусскаго вліянія и потому сохраняютъ чистую украинскую рѣчь. Но при общей характеристикѣ малорусскихъ говоровъ Воронежской губ., этимъ исключеніямъ нельзя придавать значеніе правила, равно какъ и обратнымъ исключеніямъ, говорящимъ въ пользу сильнаго великорусскаго вліянія.

Итакъ, малорусскіе говоры Воронежской губ., соблюдая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чистую украинскую рѣчь, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходя къ говорамъ великорусскимъ (совершенно обрусѣвшимъ считается только с. Косторное Землянскаго у. и, кажется, Ендовище того же уѣзда), въ общемъ представляютъ рѣчь, которая испытала на себѣ довольно замѣтное великорусское вліяніе, вліяніе болѣе сильное, чѣмъ то, которое испытали на себѣ великорусскіе воронежскіе говоры со стороны малорусскихъ.

Не имѣя возможности, по разнымъ причинамъ, представить подробный очеркъ воронежскихъ малорусскихъ говоровъ, мы ограничимся лишь указапіемъ наиболѣе выдающихся, интересныхъ чертъ въ области фонетики и морфологіи, обходя молчаніемъ то, что извѣстно всѣмъ украинскимъ говорамъ.

§ 2. Звукъ *ѣ*.

Звукъ *ѣ* въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ чаще всего имѣетъ того же замѣстителя, который извѣстенъ всѣмъ украинскимъ говорамъ, т.-е. *і* (тонкое или мягкое); примѣры для этого замѣстителя встрѣчаются и во всѣхъ сборникахъ, которыми я пользовался, и въ собранномъ мною матеріалѣ: обідъ, дівчина [1], совсім [2], втішала, ускорі [3], стріла, хлібъ, світати (Богуч., Бобр. уу.) и др. Но не рѣдко звукъ *ѣ* остается безъ всякаго замѣстителя, рѣзко отличаясь въ произношеніи отъ *е(э)*, т.-е. совпадая съ великорусскимъ умягчительнымъ *е;* такой *ѣ* находимъ и въ корняхъ, и во флексіи, напр.: поѣзду, поѣдять, въ Москвѣ [3]), вечерѣеть [2], на чужынѣ, въ яслѣхъ, въ концѣ, побѣлила, пѣсня, разгнѣвила, цѣловатьця, цвѣточки, цвѣсти, дѣва, надѣявся, поѣжжайте, зачѣмъ, полѣномъ [4], кромѣ, сѣточку [5], гнѣздечко, спѣвати, лѣта, вѣнчанье, въ полѣ, всѣ, мнѣ, тебѣ, бѣда, послѣдній, навѣкъ, раздѣлить, нецѣпенный, на свѣті, дѣті (Богучар., Бобров., Новохопер. уу.) и др. Уже отмѣченные примѣры показываютъ, что звукъ *ѣ* удерживается очень часто, не измѣняясь въ *і*, и въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, воронежскіе малорусскіе говоры далеко расходятся съ говорами украинскими, которымъ также въ очень рѣдкихъ случаяхъ извѣстенъ звукъ *ѣ* [6]. Но нужно, кромѣ того, замѣтить, что указанные примѣры не исчерпываютъ еще собою всѣхъ случаевъ, когда *ѣ* остается безъ замѣстителя,—ихъ гораздо больше: въ живой рѣчи, какъ мнѣ пришлось наблюдать, а также и въ нѣкото-

---

1) „Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край“, 865.
2) „Сказки“ Аѳ., V, 87, 8.
3) Вор. Этн. Сборн., 288, 291, 292, 295, 303.
4) Воронежская Бесѣда.
5) Этн. Обозр., 1894 г., 158, 162.
6) „Два изслѣдованія“ Потебни, 100.

рыхъ мѣстныхъ изданіяхъ, звукъ *ѣ* такъ же или почти такъ же обыченъ, какъ и его замѣститель, звукъ *і*.

Изрѣдка звукъ *ѣ* въ воронежскихъ говорахъ имѣетъ другихъ замѣстителей, кромѣ *і*, — такихъ, которые неизвѣстны говорамъ украинскимъ. Самымъ частымъ изъ этихъ замѣстителей звука *ѣ* является звукъ *и* (среднее = *ы*), напр.: чимъ = чѣмъ (впрочемъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, только орѳографическая неточность, или же удержаніе старины=чимь) [1], за тими гришными душичками [1]), ой тимъ не прийшовъ [2]), тоби, дивчинонько [3]), дивчинонько, дитинка (съ *и* среднимъ это слово извѣстно и другимъ украинскимъ говорамъ), тоби, соби, мини (Петровское, Алферовка Новохопер. у., Бутурлиновка Бобров. у.). Рѣже, какъ замѣститель *ѣ*, встрѣчается звукъ *е(э)*, изъ малорусскихъ говоровъ извѣстный только въ Черниговской губ. [4]), напр.: бледненька (Бутурлиновка Бобров. у.), утешацьця, детинята (Алферовка, Петровское Новохопер. у.), биседі [5]).

Наконецъ, по свидѣтельству г. Дикарева, извѣстенъ замѣститель звука *ѣ*—дифтонгъ іе; употребляютъ его въ с. Ендовищѣ Землянск. у., въ Пуховой и Коломыйцевой Острогож. у., напр.: глині бiелай [6]).

Что касается происхожденія *е(э)* и *и*, появляющихся на мѣстѣ *ѣ*, то съ вѣроятностью его объяснить можно слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ звукъ *е* иногда является въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ умягчительнымъ (объ этомъ см. ниже), то въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е* и *ѣ* могли смѣшаться, и *е* могло явиться на мѣстѣ *ѣ* сначала съ тѣмъ характеромъ, который онъ имѣетъ въ великорусскихъ говорахъ, т.-е. было сначала умягчитель-

---

[1]) Этн. Обозр. 1894 г., 158, 162; Вор. Этн. Сборн., 906.
[2]) „Труды...“, 1192.
[3]) Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 27.
[4]) Вор. Этн. Сборн. 292 стр.
[5]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 111 стр.
[6]) „Предисловіе“ къ „Пѣснямъ“ Омельченко.

нымъ, измѣнившись затѣмъ въ болѣе обычное *е* = *э* — неумягчительное. Но можно предположить (и это предположеніе, кажется, вѣроятнѣе), что звукъ *ѣ*, сохранившійся во многихъ примѣрахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ забытъ и смѣшался съ болѣе употребительнымъ звукомъ *е(э)*. Звукъ же *и*, другой замѣститель *ѣ*, или развился изъ *ѣ* черезъ посредство *е*, которое, какъ увидимъ ниже, очень часто измѣняется въ *и*, или же явился на мѣстѣ *ѣ* вслѣдствіе смѣшенія звуковъ *и* и *і*, существующаго въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ и обязаннаго своимъ происхожденіемъ, безъ сомнѣнія, великорусскому вліянію.

§ 3. Звукъ *е*.

Неумягчительный звукъ *е(э)* сохраняется и въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ, составляя ихъ рѣзкую отличительную особенность въ сравненіи съ окружающими великорусскими говорами, знающими почти исключительно *е* умягчительное. Но подъ вліяніемъ послѣднихъ и въ малорусскихъ говорахъ изрѣдка является умягчительное *е*, напр.: па-немножку, не увезёшъ, верста, пшениця, чиревъ первий, черезъ рашкошья (Бобров., Острогож., Новохопер. уу.).

Очень часто звукъ *е* смѣшивается съ *и*, иногда это *и* слышится явственно, а иногда „слышится звукъ средній между *ы* (*и* среднимъ) и *э*: сидіте, говорите (неопр. накл.)“ [1]). Примѣровъ явственнаго *и* на мѣстѣ *е* много: вилось, пирикидавъ, пиділя, матири, буди [2]), литить, звинить, силизень [3]), па висні [4]), смитана, драбинъ (дробенъ). Отрицаніе „не“ и представка „пере-“ чаще явля-

---

1) „Предисловіе“ къ „Пѣснямъ“ Омельченко.
2) Этн. Об. 1894 г., 158—159; 1895, 125—126.
3) Вор. Губ. Вѣд., 1864, № 48.
4) Вор. Этн. Сборн., 291 стр.

ются въ видѣ *ни, пири:* ни прядецця, ни пасецця, нивзначай, ни скажить, пирийду, пиригодять, пирикидати, пирихристить . . .

Суффиксы *-енък-* и *-ечк-*, оставаясь иногда неизмѣнными (густесенькій, серденько, крилечко и др.), большею частью измѣняются въ *-инък-* и *-ичк-*, какъ и въ великорусскихъ говорахъ, въ отличіе отъ послѣднихъ удерживая только *и* среднее, напр.: ручинька, бабусинька, малесиньку, козачинько, душичка, бѣдняжичка, юшичка, петрушичка и др. (Богучар., Бобровск., Острогожск. уу.). Въ 3 и 2 л. единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ I спряженія тематическое *е* замѣняется обыкновенно звукомъ *и*, который въ зависимости отъ предшествующаго звука является или = *ы* или = *і*, напр.: чуишъ, ратуишъ, зглянишъ, досижуишь, дякуишь, патонишь, кличи, можи, скажить, останицця, ахни, знаи, чеши, кличи и др. (Богучарск., Новохопер. уу). На ряду съ этими формами извѣстны, конечно, и чисто малорусскія, напр.: іде, питае, вміе и т. д. Наконецъ, въ формахъ 2 лица множественнаго числа наст. вр. и 2-го л. повелительнаго наклоненія конечное *е*, если не исчезаетъ, то почти всегда измѣняется въ *и*, напр.: здрастуйти, думаети, бутти, прощайти, сідайти, приходти, найдити, знаети, скажити, виступайти (Острогож., Богучар. уу.) и даже — здрастуйті — съ *і* мягкимъ.

Какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, звукъ *е* часто измѣняется не въ закрытомъ слогѣ въ *і* мягкое, напр.: лётіти [1]), ні на кого жалковати, німа [2]), нільзя, іще, у івангіліи [3]), зілінійи, небо и нібіса, ніділь, два лібідечка, дісятый, пічаль, міні и др. (Богучар., Новохопер., Острог., Бобров. уу.). Можно, конечно, предполагать, что *і* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ правильно въ закрытомъ

---

[1]) Воронежская Бесѣда.

[2]) „Труды . . .“, 765, 1014 стр.

[3]) Этн. Сбозр., 1894, 158 стр.

слогѣ *е* измѣняется въ *і*; но мнѣ кажется, что звукъ *і* на мѣстѣ *е* въ указанныхъ случаяхъ — это дальнѣйшая ступень перехода къ акающимъ говорамъ: сначала здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, являлся звукъ *и*, появленіе котораго въ безударныхъ слогахъ на мѣстѣ *е* невольно напрашивается на сопоставленіе съ акающими говорами, знающими это измѣненіе *е* въ *и* (мягкое), а затѣмъ для полнаго сходства съ послѣдними *и* (среднее) стало постепенно измѣняться въ *і* мягкое, т.-е. переходить къ тому звуку, который, какъ извѣстно, является въ говорахъ великорусскихъ. Такое предположеніе въ объясненіе смѣны *е* на *и* и *і* мы высказываемъ въ виду того, что, какъ увидимъ ниже, звукъ *о* очень часто въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ измѣняется въ *а*, въ чемъ ужъ несомнѣнно сказывается вліяніе акающихъ говоровъ.

Заканчивая обозрѣніе *е*, отмѣтимъ еще нѣсколько интересныхъ случаевъ расширенія *е* въ *о* умягчительное или *jo*, которое въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ вообще происходитъ при условіяхъ, общихъ съ другими малорусскими говорами. Эти случаи также говорятъ о непосредственномъ и сильномъ воздѣйствіи со стороны великорусской рѣчи; они — слѣдующіе: не довезёшъ, увезёшъ, да небёсъ, павёзъ (Бутурлиновка Бобров. у., Петровское Новохопер. у.); въ результатѣ расширенія *е* въ *о*, какъ видно, получились формы совершенно великорусскія, но и встрѣтились онѣ мнѣ въ мѣстахъ наибольшаго великорусскаго вліянія.

§ 4. Звукъ *и*.

Звукъ *и*, какъ и разсмотрѣнные уже *ѣ* и *е*, въ воронежскихъ малорусскихъ малорусскихъ говорахъ не вполнѣ выдерживаетъ тотъ характеръ, которымъ онъ отличается въ малорусскихъ говорахъ вообще. Какъ извѣстно, малорусскій звукъ *и* является неумягчительнымъ, ско-

рѣе приближаясь къ звуку *ы*, чѣмъ къ *і*, иногда вполнѣ совпадая съ первымъ (кромѣ извѣстныхъ случаевъ, какъ то: послѣ гласной — поити и т. д.). Въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ очень часто малорусское *и* [1]) является, какъ и въ великорусскихъ говорахъ, звукомъ умягчительнымъ, смѣшиваясь, слѣдовательно, съ малорусскимъ *і*, напр.: ні щуки, ні лина, зіма, вісоко, лічкомъ, былінкі, пірігъ (= пирогъ), віноградъ, смородіна, родіна, за пъяніцю, сізий, падносілъ, ходівъ, болітъ (3 ед. ч.), пріїдётъ, унівна, пріуніла (примѣры взяты изъ сборниковъ и изъ собственныхъ записей, преимущественно изъ послѣднихъ). Особенно интересно появленіе *і* въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ, которые даже въ великорусскихъ говорахъ являются со звукомъ *ы*. По поводу этихъ примѣровъ считаемъ нелишнимъ привести здѣсь замѣчаніе г. Дикарева касательно великоруссовъ и малоруссовъ Воронежской губ.: „у каждаго изъ нихъ" (в-русса и м-русса), говоритъ Дикаревъ, „существуютъ совершенно противоположныя представленія о фонетикѣ другого: въ то время, какъ великороссъ видитъ въ малорусской рѣчи недостатокъ мягкости, малороссъ въ великорусской рѣчи — недостатокъ твердости. Поэтому великороссъ старается произносить малорусскіе *і* и *и* съ такой расширенной надставной трубой, какой не употребляетъ и для своего широкаго *ы*; малороссъ же, наоборотъ, исходя изъ понятія о мягкости великорусской рѣчи, старается сообщить великорусскому *ы* возможную палятальность. Въ последнемъ своемъ стремленіи малороссъ иногда доходитъ даже до замѣны великорусскаго *ы* тонкимъ *і*, напр.: сінъ = сынъ, дубі, вістрілілъ . . ." [2]). Не отрицая въ фактѣ замѣны *ы* тонкимъ *і* и вообще мягкости малорусскаго *и* — результата великорусскаго вліянія, Дикаревъ однако эти факты ограничиваетъ тѣми случаями, „когда малороссъ старается говорить по-великорусски", т.-е. какъ будто бы

---

[1]) *и* обозначаетъ *и* среднее, близкое къ *ы*, а *і* — мягкое.
[2]) Вор. Этн. Сборн., 20 стр.

тогда, когда онъ насилуетъ свою рѣчь. Вполнѣ соглашаясь съ первымъ мнѣніемъ г. Дикарева, я не раздѣляю его послѣдняго заключенія: случаи, подобные „унiвна, прiунiла“..., можетъ быть, еще и представляютъ собою именно плодъ насильственнаго воспроизведенія великорусской рѣчи, фонетика которой представляется малоруссу въ превратномъ свѣтѣ, но случаи вообще мягкости малорусскаго *и*, въ большомъ количествѣ отмѣченные выше, представляютъ собою, безъ сомнѣнія, явленіе органическое въ воронежскихъ говорахъ, развившееся, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ великорусскихъ говоровъ. Самъ г. Дикаревъ въ другомъ мѣстѣ, именно въ „Предисловіи“ къ „Пѣснямъ“ Омельченко, говоритъ: „въ Семеновской волости Павловскаго уѣзда *и* нерѣдко = *i*: попрiймайте, прiёмушкову. Вѣроятно, это въ неударяемыхъ слогахъ, а подъ удареніемъ — „роскинуто на миръ“, безъ ударенія — „вона по мiру бабуе“. И далѣе еще: „*и* произносится и мягко и твердо“. Слѣдовательно, не тогда только, когда малоруссъ копируетъ великорусса или поддѣлывается въ разговорѣ съ нимъ подъ его рѣчь, онъ смягчаетъ свое *и*, а и въ обычной своей рѣчи, въ обыденной своей малорусской обстановкѣ. Такимъ образомъ, значитъ, какъ фактъ, для воронежскихъ малорусскихъ говоровъ нужно отмѣтить существованіе въ нихъ *и* умягчительнаго, развившагося въ нихъ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Наоборотъ, изрѣдка встрѣчается *и* (среднее) тамъ, гдѣ ожидали бы *i*; напр.: ходимъ (повелит. накл.= обычному ходiмъ), винъ = вiнъ = вонъ.

Въ области воронежскаго малорусскаго *и* отмѣтимъ еще и ту особенность, что оно иногда замѣщается совершенно явственнымъ звукомъ *е* (обратная мѣна имѣетъ мѣсто гораздо чаще); напр.: че=чи, сощетать [1]), лешъ= лишь, извела гнiздечко = свила [2]), чого-жъ ви, старосты, сидете? чого до дому нейдете? (Прогорѣлое Богучар. у.),

---

[1]) Этн. Об., 1894 г., 158; 1895, 126.

[2]) „Труды...“, 473 стр.

люде = люди [1]), хозяенъ, хозяену, лисичей, честий = чистый [2]), пречини (но „причинонька“), пасуче, жнуче, ждуче, идуче (Петровское Новохоп. у.) — формы дѣепричастія, хотя чаще — гукаючи, сідючи, погибаючи, споминаючи, стоячи и т. д. Впрочемъ, послѣднія формы (дѣепричастія), быть можетъ, представляютъ морфологическое, а не фонетическое явленіе: въ тѣхъ и другихъ формахъ (на *е* и *и*) сохранился именительный падежъ множественнаго числа.

§ 5. Звукъ *о*.

Малорусскіе говоры не знаютъ аканья; если имъ извѣстны измѣненія *о(е)* безударнаго въ *а(я)* въ томъ случаѣ, когда въ сосѣднемъ слогѣ является звукъ *а(я)*, то такіе случаи измѣненія безударнаго *о(е)* въ *а(я)* не имѣютъ ничего общаго съ аканьемъ южно-великорусскихъ говоровъ и представляютъ собою „слѣдствіе ассимиляціи гласныхъ“ [3]). Но въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ, кромѣ подобныхъ случаевъ ассимиляціи (горячая, хозяинъ, гараздъ и др.), есть масса другихъ случаевъ измѣненія безударнаго *о* въ *а*, которые не имѣютъ ничего общаго съ этою ассимиляціею, а являются результатомъ аканья, широкой волной проникшаго въ малорусскіе говоры изъ акающихъ великорусскихъ. Примѣровъ аканья въ малорусскихъ говорахъ много, но всѣ ихъ мы выписывать не будемъ: достаточно привести такое количество ихъ, которое въ состояніи убѣдить, что измѣненіе *о* въ *а* въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ не имѣетъ ничего общаго съ таковымъ же измѣненіемъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ, а несомнѣнно говоритъ объ

---

[1]) Ibid., 569; Вор. Этн. Сборн.; Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 17. Впрочемъ въ „люде“ скорѣе морфологическое явленіе.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 292, 288, 282.

[3]) „Два изслѣдованія“ Потебни, 113; „Лекціи“ Соболевскаго, 73 стр.

аканьи, какъ чертѣ, которая все болѣе и болѣе сближаетъ обѣ половины населенія Воронежской губерніи. Примѣры: магучій, паціллюють, на зарі, па-немножку, павёзъ, галовушка, падносилъ, тароплються, паросёнки, патомъ, губернатаръ, ничаго, гаворять, сарву, пастрою, паставлю, на масту, каво, съ радными, паслушай, ничаво; изъ сборниковъ: ни гаманить, сабі, никаго, каго, каму, сваго, адъ варітъ, палавень, пасабивъ, павтара, палашу-бачокъ, каты, Краншьтатъ, орябіли=оробѣли, карагодъ....[1]). Вліяніе аканья сказывается иногда такъ сильно, что даже звукъ *у* черезъ посредство *о* измѣняется въ *а* въ словахъ: чавунка = чугунка, Бутарлимовка = Бутурлиновка; или просто эти слова со звукомъ *а* перешли изъ великорусскихъ говоровъ, въ которыхъ на появленіе *а* на мѣстѣ *у* можно смотрѣть какъ на диссимиляцію звуковъ. Какъ видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ, аканье въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ происходитъ при тѣхъ же условіяхъ, что и въ южно-великорусскихъ говорахъ, именно, въ *а* измѣняется безударное *о* въ слогахъ, предшествующихъ ударенію и слѣдующихъ за нимъ. Звукъ *е* безударный также, хотя, кажется, рѣже, переходитъ въ *я*, измѣняясь преимущественно, какъ видѣли въ *и* и *і*, напр.: поставляли, яритникiвъ = еретиковъ, сябро, таляра, про Ярему, ляща, Явтухъ, ягоривской роси [2]), кряжевникъ, на Ардані (Бобров. у.).

Такъ какъ аканье не составляетъ черты одного какого-нибудь мѣста, уѣзда, а охватываетъ всѣ уѣзды, гдѣ есть малорусское населеніе (хотя, навѣрное, не всѣ слободы и хутора), и такъ какъ — съ другой стороны — несомнѣнно оно говоритъ о сильномъ великорусскомъ вліяніи, — то вслѣдствіе главнымъ образомъ этой черты воронежскихъ малорусскихъ говоровъ я при общей харак-

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 14—15, 305; Этн. Об., 1895 г., 126; Вор. Губ. Вѣд., 1864, № 48; Ворон. Бесѣда.

[2]) Этн. Обозр., 1895, 1894 г., 125, 158; „Труды . . .“, 1013, 1193; Вор. Этн. Сб., 285, 281; Вор. Бесѣда.

теристикѣ ихъ утверждалъ, что они не представляютъ чистой украинской рѣчи, а переполнены великоруссизмами; другіе слѣды великорусскаго вліянія, менѣе замѣтные, чѣмъ аканье, но не менѣе важные, только дополняютъ собою фонетическій составъ воронежскихъ малорусскихъ говоровъ, какъ такихъ, которые съ одной стороны постепенно удаляются отъ родственныхъ имъ украинскихъ говоровъ и съ другой — приближаются также постепенно къ южно-великорусской группѣ говоровъ: таковъ законъ постояннаго и непрерывнаго воздѣйствія на одни говоры со стороны другихъ, ближе стоящихъ къ языку литературному, государственному, къ языку школъ.

Кромѣ измѣненія въ *а*, звукъ *о* въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ подверженъ и нѣкоторымъ другимъ переходамъ, которые считаемъ нелишнимъ отмѣтить.

1) Суживаясь довольно часто, какъ и въ другихъ малорусскихъ говорахъ, въ *у*, звукъ *о*, наоборотъ, самъ иногда является на мѣстѣ *у*. Эта замѣна *у* звукомъ *о*, по свѣдѣніямъ г. Дикарева, извѣстна около Калача и въ сосѣднихъ съ нимъ волостяхъ Богучарскаго уѣзда, напр.: одова=удова, одівець. Какъ видно изъ матеріаловъ „Вор. Этн. Сборн.", то же явленіе извѣстно и въ Острогожскомъ у., напр.: боло = було = было, соломиною = соломинную, ро́сою = русую, дрожко́ = дружко, коровайною = коровайную, постіть = пустите, зоміють = сумѣютъ [1]). Въ „Трудахъ въ зап.-русск. край" также отмѣчена эта черта: зробити буковою труну (631 стр.); мнѣ встрѣтился только одинъ примѣръ измѣненія *у* въ *о*: копувать (Прогорѣлое Богучар. у.).

2) Изрѣдка *о* измѣняется въ *е* подъ удареніемъ и внѣ его, напр.: молоде́й = молодой, тіке = только, пі разечку, слобода Воронцевка, кряжевникъ. Разъ встрѣтилась обратная мѣна въ словѣ „янголь" = ангелъ.

3) Иногда *о* измѣняется какъ и *е*, въ *и* въ слогахъ закрытыхъ; напр.: пидъ яблонькою, ридна, въ зилений

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 272, 282, 296, 298, 299 стр.

диброві, пиднисіть. Можетъ быть, это тотъ же глухой звукъ *ъ*, который и въ великорусскихъ говорахъ изрѣдка является на мѣстѣ безударнаго *о*? Измѣненіе *о* въ *и* наблюдаемъ и въ открытыхъ слогахъ, напр.: что за чюди, біли лице.

4) Наконецъ замѣтимъ относительно измѣненія звука *о* въ словѣ „пойду". Большею частью это слово звучитъ „піду", но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Богучар., Павлов. и Острогож. уу.) оно звучитъ „пійду" и даже рѣже „пуйду". Это замѣчаніе интересно собственно потому, что, какъ среди великороссовъ за извѣстное произношеніе существуютъ названія — цуканы, каһуны . . . , такъ и среди малороссовъ всѣ говорящіе „пійду" или „пуйду" носятъ названіе „пійдуновъ" или „пуйдуновъ".

§ 6. Нѣкоторыя мелкія черты въ области вокализма.

На ряду съ отмѣченными особенностями малорусскихъ говоровъ въ области вокализма заслуживаютъ вниманія въ виду своей характерности нѣкоторыя мелкія черты. Сюда относятся:

1) Переходъ *а* умягчительнаго *(я)* ударяемаго и безударнаго въ *е*, извѣстный говорамъ галицкимъ и заблудовскимъ, но неизвѣстный украинскимъ [1]), напр.: опъеть, упъеть, лисець и лисиць [2]), запрегайте (Петровское Новохоп. у.).

2) Переходъ *а* въ *у*, напр.: приспівують, догадуючись, мачулою = мочалою [2]). Въ словѣ „догадуючись" *у* взято, можетъ быть, изъ паст. вр. — „догадуюсь", но въ другихъ случаяхъ измѣненіе *а* въ *у* непонятно.

3) Переходъ *а* въ *и*, напр.: куди, туди, поки, куминёкъ [2]); хотя относительно первыхъ трехъ случаевъ ну-

---

[1]) „Два изслѣдованія" Потебни, 118—119 стр.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 288; 299, 294, 298; 287, 288, 295; 307, 271 стр.; 304, 305, 303.

жно замѣтить, что въ нихъ *и* соотвѣтствуетъ ы, окончанію древне-славянскаго творительнаго пад. мн. числа.

4) Переходъ *е* въ *у* въ словѣ „мачуха" (ср. маштеха) и звука *у(ю)* въ *и:* слинка, индикiвъ [1]), слихи=слухи [2]).

5) Йотацiя начальныхъ гласныхъ звуковъ *о* и *у*, напр.: ёрала, ю скрыпочку, ютопился, ёдного [1]) (ср. соотвѣтствующее явленiе въ говорахъ великорусскихъ).

§ 7. Особенности малорусскихъ говоровъ въ области консонантизма.

Въ области консонантизма воронежскiе малорусскiе говоры потерпѣли измѣненiй меньше, чѣмъ въ области вокализма, но по сравненiю съ украинскими говорами и въ этой области есть нѣкоторыя особенности, изъ которыхъ одни также говорятъ въ пользу великорусскаго влiянiя.

1) Задне-небные звуки въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ сочетаются и съ *и*, какъ въ говорахъ украинскихъ, и съ *i*, какъ въ говорахъ великорусскихъ; хотя сочетанiя съ *i* извѣстны другимъ малорусскимъ говорамъ (галицкимъ) [3]), но въ Воронежской губ. ихъ, безъ сомнѣнiя, нужно отнести насчетъ великорусскаго влiянiя, потому что они встрѣчаются въ мѣстахъ наибольшаго великорусскаго влiянiя; напр.: скiнувъ, кiторъ, якiй, маленькi, покiдати, скиталась, слугi (Бутурлиновка, Васильевка Бобров. у., Петровское Новохопер. у.). Сочетанiя *ки*, *ги*, *хи* извѣстны преимущественно въ Острогожскомъ, Бирюченскомъ, Валуйскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ.

Въ области задне-небныхъ отмѣтимъ еще постепенную утрату переходнаго ихъ смягченiя, чѣмъ малорусскiе говоры рѣзко отличаются отъ великорусскихъ, напр.:

---

1) Ibid.

2) Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 48.

3) „Два изслѣдованiя" Потебни, 127 стр.

въ Бутарлимовкі, въ Воронцевкі, в Дунаі рѣкѣ и друг. Отмѣчая эти факты, мы, конечно, не хотимъ отрицать существованія переходнаго смягченія задне-небныхъ звуковъ, свойственнаго всѣмъ малорусскимъ говорамъ.

2) Удвоеніе согласныхъ звуковъ, извѣстное говорамъ украинскимъ, въ воронежскихъ малорусскихъ говорахъ не выдержано строго: въ однихъ случаяхъ и преимущественно гласные удваиваются, при чемъ конечное *е* или сохраняется или измѣняется въ *я* (весілля, життя, даріння, пичене, Запорожже и др.); въ другихъ случаяхъ рѣже удвоеніе согласнаго отсутствуетъ, напр.: благословенія, дѣвованье, прощеніе, щастье, въ щастіі, вісілье, на щастье, на здоровье [1]), зилья, на здоровья (Лѣсково Богучар. у.).

3) Плавные *р* и *л* иногда являются мягкими, напр.: уговарювать, бурякивъ, зъ базаря, базарь [2]), націлюють (Лосево Павлов. у.); а чаще являются твердыми: Сібіръ, звіръ, матіръ, типеръ, горкого, Андрушка, на зірку, сильно, похмѣлно [3]), тюрма и турма, білше, тілко (Богучар., Бобров. уу.).

4) Изъ зубныхъ звуковъ *ц*, мягкій въ исходѣ въ малорусскихъ говорахъ вообще, въ воронежскихъ является иногда твердымъ, напр.: пшениця и пшаница (Алферовка Невохоп. у.), красавица—красавиця, паляница (Бутурлиновка). Въ срединѣ *ц* также является твердымъ и мягкимъ, напр.: цариця, паляницами, по „до двадцяти".

Звукъ *с* иногда переходитъ въ шипящій *ш*, напр.: шабля, черезъ рашкошья, шъ чахотки. Извѣстенъ переходъ въ шипящій и другого свистящаго звука: „сидовищенскія бабы", говоритъ г. Дикаревъ: „измѣняютъ свистящіе въ шипящіе: пожичить, шарахванъ (то же въ Па-

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 299, 294; Ворон. Бесѣда; Вор. Губ. Вѣд. 1864, № 48.

[2]) Этн. Сборн., 289, 279, 281.

[3]) Ibid., 282, 288, 289, 294; Вор. Бесѣда; Этн. Об. 1894, 162; „Труды ...", 886 стр.

влов. и Богучар. уу.). Въ Семеновской волости Павловскаго у. обратно: Сульженко=Шульженко“ [1]), запорозьці=запорожцы [2]).

5) Изъ передне-небныхъ звуковъ *ш* является твердымъ и мягкимъ, напр.: товаришь, товаришю, но товаришу; перебираешь, потонишь, дякуишь, лошя, но умиешся, ходишъ, гуляешъ и др. Звукъ *ч* является твердымъ: чужа, нічъ, добычъ. Звукъ *щ* замѣняется или сочетаніемъ *шч* — шчебечи или звукомъ *ш* — шо, калауршикъ или остается безъ замѣстителя: щасливый, прищуливши, що (извѣстно и „што“ въ Воронцовкѣ, напримѣръ). Иногда звукъ *щ* самъ является замѣстителемъ другихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, напр.: въ Польщу=въ Польшу [3]), отъ дощу и даже „дошчъ, дошчикъ“ (Бобр., Новох. у.).

6) Наконецъ, въ области консонантизма, какъ черту, развившуюся подъ великорусскимъ вліяніемъ, отмѣтимъ переходъ голосовыхъ въ безголосные. Въ малорусскихъ говорахъ этотъ переходъ иногда допускается въ серединѣ словъ, но воронежскіе малорусскіе говоры допускаютъ его очень часто и знаютъ не только въ срединѣ, но и въ концѣ слова, что несомнѣнно говоритъ въ пользу великорусскаго вліянія; хотя — нужно замѣтить — та же черта, переходъ голосовыхъ въ безголосные, извѣстна галицкимъ говорамъ. Примѣры: рожжувати, опсипá, бутти, пітти, пітпора, пітходь, пітклунокъ, Віхтёръ, биж жинки, бис коріння [4]), падпушки, дѣфчонка, гласки, малотчикомъ, онъ чомъ, то-шъ, маросъ, дѣ-шъ, ушь, што-шь, груть, замушъ (Новохопер., Бобров. уу.). Въ положеніи передъ свистящимъ шипящій ассимилируется съ нимъ, напр.: дивисься, женисься, боисься [4]), ни бонсься (Прогорѣлое Богучар. у.).

---

[1]) „Предисловіе“ Дикарева къ „Пѣснямъ“ Омельченко.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 298 стр.

[3]) „Труды экспед. въ зап.-рус. край“, 940 стр.

[4]) Вор. Этн. Сборн., 285, 295, 288, 47, 271, 273, 282, 283 стр.

§ 8. Особенности въ области морфологіи.

1) Въ склоненіи существительныхъ обращаетъ на себя вниманіе утрата во многихъ случаяхъ формы звательнаго падежа: на ряду съ „чумаче, пане, тату, мамо“... часто встрѣчаются формы: синокъ, шинкарочка, галочка, коса моя, хлопець, козачинька . . . , совпадающія съ им. падежомъ, какъ и въ великорусскихъ говорахъ, утратившихъ совершенно форму звательнаго падежа.

Въ родительномъ пад. ед. ч. основъ на -ā съ предшествующимъ задненебнымъ звукомъ, по фонетическимъ причинамъ, указаннымъ выше, является часто *i:* сиротинкі, билінкі, дочкі, маткі.

Для именительнаго пад. мн. числа отмѣтимъ формы на *-a:* староста́ (но и старости), підстароста, воза, ракитовы куста, ракитовы цвѣта, — формы, указанныя уже проф. Соболевскимъ [1]). Отмѣтимъ также интересныя формы — „пастыріе“ и „хозяі“ = хозяева; первая форма, встрѣчающаяся въ поздравительной рѣчи на Рождество Христово, явилась, очевидно, подъ вліяніемъ церковнаго языка. Сверхъ того въ склоненіи существительныхъ отмѣтимъ „царемъ“—форму дательнаго п. мн. числа и „підъ дверима, очима“—формы, представляющія остатокъ двойственнаго числа, но употребляющіяся со значеніемъ формъ множественнаго числа.

2) Имена прилагательныя въ именительномъ пад. ед. числа не всегда сохраняютъ свойственное малорусскимъ говорамъ окончаніе: рядомъ съ малорусскими „повний, новый“ . . . встрѣчаются „половій, дорогій, добрій, честній, другій“, рѣже встрѣчаются чисто великорусскія „милой, милинькой, лисичей слідъ, тонесенькой, лучшой сонъ [2]), бѣлай свѣтъ, паньскай“ (Новохопер. и Павлов.

---

[1]) Живая Старина. 1892 г., IV, 41.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 288, 305; „Сказки“ Аѳ., I,, 36; V, 7.

уу.). Въ женскомъ родѣ рядомъ съ „добра, вража, божа“ встрѣчаются рѣже „луччая, крашчая, багатая“ (Алферовка Новохопер. у., Бутурлиновка Бобров. у.). Для средняго рода г. Дикаревымъ отмѣчены формы па *и:* добри слово, добри дѣло, біли лице [1]).

Въ родительномъ падежѣ при обычномъ малорусскомъ окончаніи является иногда, какъ и въ именительномъ, великорусское окончаніе: нимолочинаго, алаго, хорошаго, милаго и др.; въ женскомъ родѣ является или *-оі:* батьковоі, близенькоі, далекоі, или рѣдко *-ое:* изъ первое, зъ гречаное лузги.

Для именительнаго множественнаго числа прилагательныхъ краткой формы отмѣтимъ преобладаніе формъ со звукомъ *і* = древнерусскому *ѣ* — согласні, охочі, криві, горбаті, молоді, сторонні, здорові, живі и др., но существуютъ и „ради, дівкини, добри, здорови“.

Какъ весьма рѣдкую и, можетъ быть, единственную, отмѣтимъ форму превосходной степени „дражающинъ“ (Васильевка Бобров. у.), которая, очевидно, находится въ связи, въ родствѣ съ великорусскими „добрѣюшшый, важпѣюшшый“.

3) Имена числительныя не вызываютъ почти никакихъ замѣчаній; укажемъ только „двое (курінъята) стоптала“ (Лѣсково Богучарск. у.) и три рази [2]), два дубочкі [3]) (въ обоихъ случаяхъ числительныя сочетаются не съ формой двойственнаго, сходной съ родит. пад. ед. числа, какъ ожидали бы, а съ именительнымъ мн. числа).

4) Въ области мѣстоименій встрѣчаются иногда формы, развившіяся подъ великорусскимъ вліяніемъ: рядомъ съ „мене“, „мині“, „тебе“, „тобі“ и т. д. существуютъ для меня, мнѣ, менѣ, мени (д. п.), мине, на мени, тебѣ, у теби, тибе, до себи, сабі; каго—каво, каму, никаго, никаму, сваго, тваго, за што жъ, одную = одну.

---

[1]) Вор. Этн. Сборн., 288 стр.

[2]) Вор. Этн. Сборн., 294 стр.

[3]) Вор. Губ. Вѣд., 1864 г., № 48.

5) Въ спряженіи глаголовъ обращаетъ на себя вниманіе уже отмѣченная особенность, именно измѣненіе тематическаго *е* въ *и*, благодаря чему, какъ и въ великорусскихъ говорахъ, происходитъ смѣшеніе глагольныхъ основъ; примѣры для такого измѣненія *е* въ *и* были отмѣчены уже выше (§ 3). Смѣшеніе основъ на *-и* съ основами на *-о* — *-е* (*-jo* — *-je*) также, хотя и рѣже, встрѣчается и имѣетъ мѣсто въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа, напр.: носють, гаворють, ходють, просють (Васильевка, Бутурлиновка Бобров. у., Петровское Новохопер. у.), хочуть, душуть [1]).

Звукъ *ш* во 2-мъ лицѣ единственнаго числа бываетъ то твердымъ, то мягкимъ (объ этомъ уже говорилось, и примѣры приводились — см. § 7, 5).

Совершенно великорусскими являются формы 2-го лица единств. числа — „не довезёшъ, увезёшъ“, отмѣченныя въ пунктахъ наибольшаго великорусскаго вліянія (Бутурлиновка, Петровское).

Окончаніе 3-го лица единствен. и множеств. числа возвратныхъ глаголовъ является или въ обще-малорусскомъ видѣ или же въ видѣ *-еться, -иться, -уться, -аться*, напр.: нагнеться, схи́литься, ве́рнуться, развернуться, жениться, волочиться, похваляеться, хочеться [2]) и др. Всѣ эти примѣры взяты изъ „Трудовъ“ Чубинскаго и, должно быть, являются плодомъ неправильной записи: самъ я такую форму встрѣтилъ только разъ: „тороплються“ (Бутурлиновка); обычнымъ же окончаніемъ является обще-малорусское.

---

[1]) Этн. Обозр., 1894 г., 160—161 стр.
[2]) „Труды . . .“, 1014, 480, 495, 940, 1192 стр.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Благодаря особымъ историческимъ условіямъ, при которыхъ совершалось заселеніе Воронежской губерніи, на ея территоріи сошлись два отдѣла русскаго племени — великорусскій, составившійся изъ различныхъ выселенцевъ центральныхъ губерній, и малорусскій, явившійся сюда съ Украины. Совмѣстная жизнь на территоріи одной губерніи, вытекающія отсюда постоянныя и тѣсныя отношенія, переходящія иногда въ родство отдѣльныхъ членовъ и семей этихъ двухъ составныхъ частей населенія Воронежской губерніи, повели, какъ и слѣдовало ожидать, къ взаимному воздѣйствію однихъ на другихъ въ отношеніи языка. Какъ видимъ изъ предложеннаго, хотя и неполнаго, очерка народныхъ говоровъ Воронежской губ., ни великорусская рѣчь, ни малорусская не остались безъ измѣненій, обусловливаемыхъ тѣснымъ общеніемъ представителей той и другой рѣчи: съ одной стороны въ великорусской воронежской рѣчи явились, безъ сомнѣнія малорусскія черты, какъ-то: измѣненіе *у* въ *в* и, наоборотъ, *в* въ *у*, измѣненіе *л* въ ў и далѣе въ *в*, отпаденіе *е* въ повелительномъ наклоненіи, также, можетъ быть, способность губныхъ къ отвердѣнію и зубныхъ къ непосредственному смягченію; съ другой стороны, рѣчь малорусская восприняла въ себя многія черты великорусскихъ говоровъ, какъ-то: аканье, умягчительные *е* и *и*, звукъ *е* на мѣстѣ *ѣ*, переходъ голосовыхъ въ безголосные, нѣкоторыя морфологическія формы и др. Такимъ образомъ, ни великорусская, ни малорусская рѣчь Воронежской губерніи не является чистою рѣчью

по сравненію съ ближайше-родственными имъ группами говоровъ: великорусская рѣчь, подвергшаяся, съ одной стороны вліянію малорусскихъ говоровъ, а съ другой— сохранившая въ себѣ остатки и слѣды вліянія сѣверно-великорусскихъ говоровъ (напр. расширеніе *е* въ *о* не подъ удареніемъ или *е* = *ѣ*, измѣненіе *о* въ *у*, *т* въ *ц*, *ц* въ *ч* и наоборотъ, мѣна свистящихъ и шипящихъ), сходясь въ основныхъ чертахъ съ группою южно-великорусскихъ говоровъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе рѣзкія отличительныя черты, обусловленныя указанными посторонними вліяніями; также и малорусская рѣчь, испытавшая на себѣ сильное великорусское вліяніе и сверхъ того вліяніе литературнаго языка, какъ языка школъ, далеко удалилась отъ ближайше-родственныхъ ей украинскихъ говоровъ и пошла по пути сближенія съ великорусскою рѣчью. Словомъ, воронежскіе народные говоры представляютъ какъ бы особую отрасль говоровъ, которая продолжаетъ еще стоять въ непосредственной связи съ ближайше-родственными имъ группами русскихъ говоровъ, но тѣмъ не менѣе въ силу особыхъ мѣстныхъ этнографическихъ и географическихъ условій она имѣетъ уже массу особенностей, которыхъ не имѣютъ другіе русскіе говоры, принадлежащіе къ тѣмъ же группамъ.

Не прерываясь впредь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, тѣсное общеніе между великороссами и малороссами Воронежской губер., мнѣ кажется, можетъ повести къ выработкѣ смѣшаннаго языка (въ смыслѣ „говора"), задатки котораго существуютъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи уже въ настоящее время. Вспомнимъ здѣсь приведенную выше выдержку изъ статьи г. Малыхина о Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ: „большая часть жителей Воронежской губ., говоритъ онъ, есть какъ будто особая отрасль русскаго племени, что-то среднее между великороссами и малороссами" [1]). Съ теченіемъ вре-

---

[1]) Вор. Лит. Сборн., 271 стр.

мени какъ великорусская рѣчь, такъ въ особенности малорусская, подвергающаяся двойному воздѣйствію — со стороны живой рѣчи и школьнаго, литературнаго языка, могутъ воспринять еще больше чертъ — одна изъ другой, и въ результатѣ можетъ явиться смѣшанный говоръ съ преобладаніемъ чертъ великорусскихъ акающихъ говоровъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Пѣсни, записанныя въ Воронежской губерніи.

Пѣсни, записанныя мною, не отличаются богатствомъ содержанія и съ научно-этнографической точки зрѣнія представляютъ мало интереса. Насколько можно судить по отзывамъ старыхъ лицъ и по разнымъ мѣстнымъ изданіямъ, въ которыхъ помѣщено значительное количество народныхъ пѣсенъ, въ половинѣ этого столѣтія и даже позже среди народа еще обращались богатыя произведенія творчества, богатыя по содержанію и по формѣ; но въ настоящее время эти, такъ сказать, послѣдніе перлы народнаго творчества, имѣвшіе свой корень въ отдаленной старинѣ, исчезли совершенно: всѣ пѣсни, находящіяся въ обращеніи среди молодежи и — что важнѣе всего — излюбленныя, однообразны, развиваютъ преимущественно на всѣ лады тему о любви; только изрѣдка среди нихъ, какъ отголосокъ старины, встрѣчаются пѣсни, по своему содержанію выдѣляющіяся изъ общаго хора любви и затрогивающія различныя бытовыя стороны. Но эти пѣсни записаны мною со словъ старыхъ людей, являющихся эхомъ старыхъ временъ, носителями старыхъ традицій, и представляютъ собою значительное меньшинство. Если же и въ устахъ молодежи иногда приходилось мнѣ слышать подобныя пѣсни, то всегда съ оговор-

кой, что пѣсня эта — старинная и теперь уже не поется; сама молодежь сознаетъ преимущественное достоинство этихъ старыхъ пѣсенъ и о своихъ не особенно высокаго мнѣнія. Всѣ собранныя мною пѣсни тѣмъ не менѣе можно разбить на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ господствующимъ по количеству является отдѣлъ любовныхъ пѣсенъ.

I. Пѣсни обрядовыя.

На рѣчюшку выхадила,
Гусей стада выһаняла,
Гусямъ рѣчи һаварила:
„Привыкайтя, майи гуси,
Кы травушки, кы муравышки,
Къ жолтаму пясочькю,
Кы крутому биряжёчькю.
Какъ и я малада привыкала
Кы свёкару, кы свякровьи,
Кы диварю, кы заловышки,
Къ мужу—распутнай галовышки".

Эта пѣсня, по сообщенію старухи села *Троицкаго* Новохоперскаго уѣзда, отъ которой она записана, поется весной, когда выгоняютъ гусей на траву.

II.

Ахъ ва поли май,
Ахъ ва поли липачькя,
Падъ липаю-липачькяй,
Падъ липаю бялóй шатёръ
Какъ ва томъ шатрѣ
Да столъ стаить,
За сталомъ дѣвица сидить.
Рвала твяты сы травы,
Вила вянокъ съ һарадьи (?),—
Каму тотъ вянокъ насить?
Насить вянокъ стараму —
Стараму вянокъ ни снасить,
Маю моладасть ни збиречъ!
Ай ва поли май,
Ай ва поли липачькя,
Падъ липаю-липачькяй,
Падъ липаю бѣлъ шатёръ.
Какъ ва томъ шатрѣ
Да столъ стаить,
За сталомъ краснá сидить.
Рвала твяты сы травы,
Вила вянокъ съ һарадьи (?),—
Каму тотъ вянокъ насить?
Насить вянокъ мóладу —
Моладе"цъ вянокъ сносят
Маю моладасть сагрѣя.

Эта пѣсня записана въ *с. Рогачевкѣ* Вор. уѣзда, находящейся отъ Воронежа въ 25-ти верстахъ и занесена сюда изъ Воронежа; съ обрядомъ маёвки она не связана, такъ какъ въ селахъ не справляютъ мая.

Пѣсни семейныя.

III.

Лѣтъ сямнацать мальчишка,
Дазволь батинькя жанить(ся),
Каво люблю таво взять.
Атецъ сыну ни павѣрилъ,
Што на свѣти любофъ есть:
Есть на свѣти люди равны,

Можна кажнуя любить.
Атвярнулси сынъ, заплакалъ,
Вы зилёнай сатъ пашёлъ,
Вынулъ шашку, вынулъ во-
стру,
Срубилъ ћолаву сибѣ.
Яво буйная ћалофка
Пакатилась па травѣ,
Яво розавы височки
Спрати солнушка блистять,
Яво письмы запичатны
Къ душѣ-Настюшки лятять.

Взяла Настя расписачькю,
Прычитала са слязой.
Што-шъ ты, милай мой Ванюш-
ка,
Што ты здѣлалъ нада мной?
Самъ жанилси на иной,
Самъ жанилси, заћубилси,
Ни фъ па-нраву жану взялъ.

Эта пѣсня записана въ с. *Верхнемъ Икорцѣ* отъ мѣстнаго жителя, выселившагося не особенно давно изъ Тамбовской губ. Шацкаго уѣзда.

IV. Другой варіантъ.

Мальчикъ лѣтъ сямнацати,
Ни жапатай, халастой
Онъ задумалъ жанитца,
Пазваленья сталъ прасить:
„Дазволь, батюшка, жанитца,
Каво люблю, таво вазму“.
Атецъ сыну не павѣрялъ,
Шё на свѣти любофь есть.
Атвернулси сынъ, заплакалъ
и пашелъ па садику ћулять;
Вынулъ шашку, вынулъ востру
И зарѣзалъ самъ сибе.
Ећо буйная ћалофка
Пакатилась па травѣ,
Ећо русыи височьки
Растилались па травѣ.

Записано въ с. *Гальскомъ* Новохоперскаго уѣзда.

V.

Выду за вароты,
Тамъ луга, балоты
Выду за навыи,
Тамъ травушка зилянѣя.
Трафка зилянѣя
Мая сярьдечюшка нóя,
Нóя, панывая,
Ничаћо серца ня зная.
Маяћо мужа дома нѣту.
Скора свѣтъ бялéнькяй,
Идеть мой милéнькяй,
На парохъ ступая,
А жана шельмая (?) яћо рућая:
Идѣ ты, милай, шлялси,
Идѣ, подлай, валачилси,
Начнуою паруою
Съ чюжою жаною.
Чюжа жана лучче,
Чюжа жана краша,
Личькямъ бялéнькя,
Брофками чярнéнькя.

Записано въ с. Шаталовкѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда.

VI.

Зимушка-зима
Халадна очинь была
Марозливая.
Баюсь я тебе —
Зазнабишъ мене,
Ня марось мине
Дóбрава мóлатца.
Какъ с мужамъ жана
Ни въ ладу жила
Ни фъ саћласію,
Въ зилёнамъ саду
Мужа пависила;
Пришла ка двару,
Сѣла на скамью,
Слязна заплакала:
„Праклятая жысть

Съ чюжымъ мужамъ жыть
Бязъ мужа жана —
Дóма сирата,
А съ мужамъ — hаспажа.
Пайду въ зялéнъ сатъ
Сваво мужа звать:
Ставай, мушъ, ставай,
Ставай, hалупчикъ мой,
Падемъ, мушъ, дамой,
Иль ты слаткихъ яблачикъ
Ни накушалси,
Или мелкихъ пташачикъ
Ни наслушалси.

Записано въ Гнилушѣ Землянскаго уѣзда.

VII.

Тиранъ ты мой тиранъ,
Ты за што мине тиранишъ,
Што жыву съ табой давно.
Жыла я зъ батюшкай два hода,
А съ матушкай двацать лѣтъ,
Ни видала такой муки,
Какъ съ табою съ падляцомъ.
Взвилси-взвилси мой hалупчикъ,
Сѣлъ на праваё плячӧ;
Па'лиди-ка, злой мучитяль,
На майю бѣлаё лицо.
Майя личика бялéнькя
За'сяhда жаръ hарить.
Ни журить, ни бранить
Са двара луччи зhапити.

Записано въ с. Поворинѣ Новохоперскаго уѣзда.

VIII. Другой варіантъ.

Зладѣй-воръ Ваняша,
За що мучилъ ты мине.
Я за то тибе долга мучилъ—
Ни жыла долhа са мной.
Я жыла съ милымъ палhода,
А зъ батюшкай двацать лѣтъ,
Такой муки ни видала,
Какъ съ табою съ падляцомъ.
Лѣтъ сямнацать—раздяфчёнка
Кумашнаи палика,
Заhранишнаи рукава
Падбаили старика.

Записано въ с. Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

IX.

Адинъ исъ кáзакафъ,
Наѣзникъ лихóй,
Ня дóжылъ hадочькю
Жъ жаной маладой,
Збиралси на битву,
Прашшалси съ симьёй.
Три hода онъ билси
Съ нявѣрнай ардой,
Убилъ супыᵉстата
Капьёмъ и мячёмъ,
Паслѣ-жа битвы
Паѣхалъ дамой
Въ радитильскай домъ.
Нафстрячъ пастричялси
Радитиль съ симьёй.
„Здарова, радитиль,
Здарова, симья“.
Симья-та здарова,
Съ нишшастьямъ тибé:
Жана маладая
Сынá радила.
Сынъ слова ня'тмола,
Паѣхалъ дамой
Въ радитильскай домъ.
Яво мать пастричала
С ыконай святой,
Жана маладая
Зъ hарючай слязой.
Мать сына прасила:
„Прасти, сынъ, жану“.
Тибе, мать, прашшаю,
Жану ника'да.
Шашки заблистали
Въ маhучихъ ручяхъ:

Свалилась ҺалоФка
Жъ жанѣ маладой,
Асталась малютка
Навѣкъ сиратой.
Аддадимъ малютку
Въ васпитальнай домъ,
Ты расти, малютка,
Ня знай матри и атца.

Записано въ Верхнемъ Икорцѣ Бобровскаго уѣзда.

Пѣсни „свадьбишныи".

X.

Фъ томъ Һаради
Салучиласи бяда:
Тамъ убили маладоҺа казака,
Тамъ убили, схаранили
При шырокай далини.
Тамъ лятѣли Һуси-лебяди,
Сѣли-пали у 'довышки на дварѣ,
Крылушками шырокъ дворъ размяли,
Галасками удовышку будили:
„Стань ты, удовышка-удава!
Паслушай-кя, пра що люди гаваря;
Люди бають — гаваря —
Тваимъ дятямъ сиратами викавать
А тваму мужу въ салдатышки итить.

Записано въ *Рогачевкѣ Вор. уѣзда.*

XI.

Дѣвушка накануне свадьбы „выить" — голоситъ:

Галовышка мая горькая,
Галовышка мая нищасная!
Балѣзнай мой батюшка,
Балѣзная мая матушка
Съ кѣмъ-же вы јэту
Думышку задумали
И мине маладёхыньку
Заняволили?
Свѣтъ была — мая волюшка,
Свѣтъ была мая дѣвичья;
Я у васъ жыла,
Балѣзнай мой батюшка
И балѣзная мая матушка,
Ничаво Һоря ня знала,
А типерь я, горькая, нищасная,
Пайду фъ чужыи люди,
МноҺа Һоря сабѣ увижу
У чюжова атца-матери.
Пади куды — спрасисъ,
Аткыль приди — скажысъ.
Узвалили вы на мине,
Балѣзнай мой батюшка
И балѣзная мая матушка,
Пичаль—жибату бальшую.

Записано въ *Красномъ Логу* Ворон. уѣзда.

XII.

Свѣтъ ты мая каса́ русая,
Расплятуть васу́ маю русаю
И раздѣлють на двѣ старонышки
И спутляють маю Һлаткаю Һаловышку.

Тамъ-же.

XIII.

Балѣзная мая матушка!
Прилити ты на маё горё вяликаё,
На маю думу крѣпкаю;
Придумай ты маму ћорю вяликаму,
Какъ мнѣ фъ чюжыхъ людёхъ жыть,
Чюжымъ людямъ ућадить. Тамъ-же.

XIV. Послѣ вѣнца.

Балѣзнай мой батюшка,
Балѣзная мая матушка!
Стрѣньтя вы мине ћорькую,
нищасную,
Съ маими ћастьми дараћыми,
Стрѣньтя вы ихъ харашенька,
Штобы мнѣ люди ни сміялисъ,
А васъ люди не судили.

Тамъ-же.

XV.

Ды такой-жа д'онъ баћатай,
Ды такой-жа абарватый.
Охъ намъ сказали—въ бабахъ
воля
А пра дявичяй вѣкъ—няволя;
Замушъ выдимъ—заћарюимъ:
Съ кѣмъ я зналась—растава-
лась,
Съ кѣмъ ня зналась—пир'вян-
чалась;
Разлучили насъ злыи люди
Какъ малютачькю атъ ћруди.
Охъ кипить серца мая съ сы-
маварамъ,
Кипить серца и пяченка:
Жалка бросить мнѣ мальчёнка.
Ой ты, падрушка наша Настя,
Няшшаслива паша шшаст'я,
Ты падрушка наша Дуня,
Тебѣ радасть а намъ дума.

Записано въ с. *Козловкѣ* Бобровскаго уѣзда.

XVI.

Спять и рошшы и далины,
Фъ чистамъ поли тишына;
Тамъ спушшанъ мостъ пад'-
ёмнай,
Страшна башня въ немъ ста-
ить;
Тамъ кипя съ виномъ бакалы,
И заздравнай хоръ ћрямить;
Там дявицу снаряжають,
Іе падрушки упрашають,
Павязуть іе къ вянцу:
Тибѣ залата́ палата,
Ты шшаслива будишъ жыть.
Що мнѣ золата, падрушки!
Онъ ня милъ маёй душѣ;
На що каминна палата —
Съ милымъ шшасья фъ шалашѣ.

Записано въ Титовкѣ („Китофская") Землянскаго уѣзда.

XVII. Эта пѣсня поется послѣ свадьбы.

Вясёлая бясѣдушка,
Дѣ батюшка пьеть,
Онъ пьеть — ня пьеть,
Радимай мой,

За мной младой шлеть;
А я млада — маладёханькя
Замѣшкаласи,
За мелкай за пташичькяй
Зажуриласи.
Какъ журюшка, па беришку
Пахажывала,
Чирнабылъ-трафку
Заламливала
Са ва̀ды гусей
Заһанливала:
Теһа һуси, теһа сѣраи сы ва-
ды,
Ни пара ли вамъ наплаватца,
А мнѣ дѣушки наплакатца.
Наплакалась, нарыдалась ма-
лада
Давно съ милымъ ни вида-
лась — три һада̀.
Паһаню сѣрыхъ һусей дамой —
Ка мнѣ парянь иде"ть мала-
дой,
Начялъ са мной шутачьки шу-
тить,
Онъ шутачькяй пашучивая,
На праваю ноһу наступливая,
За бѣла лицо пахватывая.
Пастой, парянь, ни хватай за
лицо —
Мая личинькя разһарчивая,
Мая маминькя даһадливая:
Приду дамой — даһадаитца,
Съ чаһо лицо разһараитца —
И то съ пива, и то зъ зеляна
вина.
Знать я, Машинькя, въ кампа-
ньицы была,
Слатку вотачькю сахвоначькю (?)
пила,
И јэта вотачькя јанисавая,
Мая Машинькя расписаная.

Записано въ с. Караичевкѣ Бобр. уѣзда.

XVIII.

Вьеться, вьеться — стелиться
Па луһамъ трава шалко̀вая,
Сходятца милъ съ милой,
Цалуютца — милуютца,
Па имяни называютца:
„Друхъ ты мой Васильюшка,
Живатъ съ таски (?) Иваны-
вичъ,
Ты мине сыстарялъ,
Ты мине старухаю наставлялъ
Тихими паходами
Да нискими паклонами
Да частыми пацаловами . . .
. . . .
(„Дальша паһанаи слава̀“ — ска-
зала баба).

Эта пѣсня, записанная въ селѣ Козловкѣ Бобр. у., поется во время сговора.

XIX.

Хараша была Маша, утѣшна,
Лицомъ бѣла, хараша.
Жис'ъ наша съ табой няшша-
сна —
Вотъ влюбилси я фъ тибе,
Я влюбилси, я власкалси,
Ни маһу тибе забыть,
Ни жалалъ ба больша щасья —
Сизы крылушки сибѣ:
Я взвилси бы, палятѣлъ-ба
Къ раздушиньки въ зялёнъ
сатъ,
Я сѣлъ бы, пасидѣлъ бы
На іё праваю плячо,
Пасматрѣлъ бы, паһлядѣлъ бы
На іе бѣлаю лицо:
Лицо бѣла пастусмѣла,
Друхъ смяниласи съ лица.

Эта пѣсня, записанная тамъ же, поется во время дѣвичниковъ.

XX.

Пирятъ нашыми шырокими варотами
Пирятъ нашыми тачёными виряями
Разливались шырокiи азёры.
Какъ вы јэтихъ вы јазёрахъ
Плавая бѣлая рыцка.
Вотъ хатѣли јэтаю рыбашку паймати,
На двянацать блютъ станавити . . . .

Дальше не досказана по той же причинѣ, по какой и пѣсня № 18.

Эта пѣсня, записанная въ томъ же селѣ, поется во время обѣда на свадьбѣ.

XXI.

Внисъ пó марю
Па морю-морю синяму,
Па синяму па Валынскаму
Плывётъ стада,
Плывётъ стада либядиная,
А другая-та гусиная.
Аткуль взялся
Млатъ-сизой арелъ,
Ушыбъ — убилъ
Лябёдушку на вадѣ
И крофъ пустилъ
Ва синé марé.

XXII.

Зыһараласи, зынималаси —
Канцу краю ни видать;
Падһарѣли у нашаго у саколика
Бярёзываи крылушки яво;
Припячялили, призаставили
Вѣкъ па полюшку хадить,
Па полю — па широку раздолью.
Тамъ три ворана сидять,
Эти вораны — братьи роднаи,
Роднаи ани — атаманы малатцы.

Записано въ томъ же селѣ отъ выселенца изъ Тамбовской губ., Шацкаго уѣзда.

XXIII.

Чирнабровай, маладой,
Ня пой һромка рана вясной,
Ня пой тонка — звонка
Въ маёмъ зялёнамъ саду.
Мнѣ ня такъ тошна — һрусна,
Сама ня знаю — пачаму,
Сама ня знаю, ня вѣдаю.

Записано въ Гваздѣ Павловскаго уѣзда.

XXIV.

Салавей ты мой маленькей
Галасочикъ тоненькей,
Ня пой тонка, ня пой звонка
Маёмъ зялёнамъ саду.
Ня давай мнѣ саловъюшка
Назолъ (?) сярдечюшку маяму:
Мая серца бьетца-калотитца,
Самъ ня знаю — пачаму,
Па сударышки па маей.

Записано въ Шаталовкѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда.

Пѣсни солдатскія и рекрутскія.

Мима лѣсика зялёнаһа
Тамъ дарошка нинабитая,
Чернымъ шолкамъ пирявитая.
Какъ па јэтай па дарошки
Шли два драгуна маладыхъ,
За драһунами шолъ някрутикъ маладой;
За някрутикамъ атецъ—мать радной;
Ани ходють, увиваютьси,
Горькій слязой заливаютьси.
Ты ня плачъ, мая радная мать,
Мине таперичя да вѣку ни видать;
Вунясу сваю һаловышку
На чюжу—дальню старонышку.

Записано въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

XXVI.

Салдатики — уланы,
У васъ конюшки буланы,
Идѣ были — прабывали,
Патъ Смаленскимъ мы стаяли,
Пытъ Масквою выявали,
Скрось дяревню праяжжали.
Ты дяревня дирявянна,
Ни бальшая, ни малая,
Какъ вы јэтай вы дяревни
Жыветь вдовышка удавая,
У ней дифчопычькя маладая.

Записано въ с. Московскомъ Вор. уѣзда.

XXVII.

Сидить воранъ на бярёзи,
Кричить воранъ пра вайну.
Прападаить бѣднай мальчишка
Фъ чюжой — дальняй старанѣ.
Ты зачѣмъ, мальчишка,
Фъ чюжу сторану пашёлъ?
Каһо-жа ты спрасилси
Никаһо я, мальчикъ, ни спрасилси
Кромя серца сваяво.
Жылъ я, мальчикъ, нибаһатый,
Имѣлъ нибальшой я капиталъ;
Я съ радными распрастилси,
Самъ на службицу пашёлъ.
Хто не балъ на Капкаси,
Тотъ ня знаить пра няһо;
А мы были — пабывали
И раскажымъ пра няһо.
За һарами мы стаяли,
Насъ тамъ была ни видать,
Насъ тамъ была ня видна,
Какаво мы жыс'ь вяли;
Какъ атецъ-та дварецкай былъ съ нами —
Мы здѣся ни прападемъ.
Свѣтялъ мѣсяцъ высіяя,
Часты звѣздушки глядя,
Изъ-за һоръ сонца зайдеть,
У военныхъ серца мреть.
Какъ ихъ вѣтяръ ходить, павящая,
Писарь списачки читалъ,
Насъ съ паходамъ паздравлялъ.

Записано въ Горѣлкѣ Новохоперскаго уѣзда.

XXVIII.

Гусаръ бяльё моя,
Онъ моя, памывая,
Слязью заливая:
Ну, маё-ли дѣла
Мыть рубашки бѣла?
Мая дѣла въ хрунтѣ стаять
Сабе'лькю дяржать.

Записано въ с. Карачевкѣ Бобр. уѣзда.

XXIX.

Аблажомшы (?), Смаилъ, шашку
Самъ фъ круты hоры я пашолъ.
Паскарѣя, Смаилъ, убирайся,
Самъ назатъ ни аhлядайся.
Тярнкасамъ (?) стаить рядамъ,
А стряпочьки вы цапѣ
А сапёры впирядѣ.
Ку Узрюму патхадили,
Акружыли Туракъ акруhомъ;
Ва Язети мы стаяли. —
Мноhа hоря приняли,
Лашадину тамъ мы ѣли,
Памирали бизъ вады,
Солью мы салили —
Исъ патронафъ парашкомъ.

Записано въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

XXX.

Вы, рябята, горичькя ня знали,
Какъ мы честь — вяселья праваждали;
Ушъ мы ходимъ — конеᵘй убираимъ,
И јусы чёрнаи расправляимъ.
На нёмъ шапка была атаманка,
Драhунскаhа палка званья.
Ну царица — наша мать
Распушшаить насъ па дамамъ,
Вотъ распустя па трахтирамъ — кабакамъ.

Записано тамъ же.

XXXI.

Прашшай, горатъ Никалай,
Всѣ пительныи дома́!
Намъ типеря, сволачъ, ни да васъ:
Фъ Сивастопаль hонють насъ;
Падъ насъ лотачьки шумя,
Два матросика сидя,
Мяжду сябе рѣчи hаваря,
Ни пра Танькю, ни пра Машку
Пра Матрюшку, Дунькю нѣтъ.

Тамъ же.

XXXII.

Прашли нашы, братцы, каза́чки,
Чють шапачьки видна;
Ани шли, братцы, узирали,
Пра домъ свой спаминали:
Астаетца у насъ, братцы, дома
Маладыи жоны,
Есть малаи у насъ, братцы, дѣти,
Есть малаи вьюнашы.
Ни хатѣласъ, братцы, нашаму казачькю
Зъ грустью памярети.
Помяръ, помяръ нашъ казачикъ,
Мы начальничькю, братцы, даложымъ,
Мы маhилышку яму выроимъ.
Тѣлу бѣлаю братцы нясуть
И каня яhо въ рукахъ вядуть.
Конь hалофку, братцы, клоня
Да мать да сырой зямли.

Записано въ Озёркахъ Бобровскаго уѣзда.

XXXIII.

Што ни бонба праhрямѣла,
Па сыромъ бару дожжыкъ шолъ,
Всѣ марозы, сняшки прахадили:
Намъ вясной вы пахотъ итить.
Па линеячьки вдрухъ Капкасамъ
Ни сизой арёлъ къ намъ лятѣлъ, —
Вдрухъ прикраснай јахвицерикъ
Скору вѣстачькю нясе,
Онъ ня самъ сабой — каралевичъ,
Къ няму шынель па вадѣ плыве.

Записана эта пѣсня въ с. Корольскѣ Бобр. у. отъ старика солдата.

XXXIV.

Зы Кубанью за рякой
Тамъ дамской казакъ hулялъ,
Онъ ня пилъ и ни hулялъ,
Сваво коня онъ спасалъ;
Онъ кавылъ-трафка рвалъ,
На'ганёчикъ яво клалъ,
Онъ навозы пир'жыhалъ,
Сваи раны засыпалъ:
Ушъ вы раны маи,
Раны бóльнаи,
Раны кровій изашли,
Къ ритиву серцу пришли.
Пирядъ смертью казакъ
Сталъ выспрашывать каня:
Ушъ ты конь, ты мой конь,
Конь вазлюблинай мой,
Ты бижы, мой конь,
Въ землю раднýя,
Атняси, мой конь,
Маму батюшки паклонъ,
Маладой маёй хазяйки,
На славахъ ей раскажы.
Маладая хазяйкя яво
Стала выспрашывать каня:
Ущъ ты конь, ты мой конь,
Конь вазлюблинай,
Конь вазлюблинай мой,
Дѣ-шъ таваришъ твой?
Онъ асталси атъ роду
За Кубанай за рякой,
Онъ жанилси на иной:
Какъ жанила малатца
Поля чистая,
Абручала малатца
Пуля быстрая,
Пирьвянчяла малатца
Шашка вострая,
Маладая яво жынёнка—
Грыбавая даска,
А крыватушка яво—
Трава шолкавая.

Записано въ В.-Икорцѣ Бобров. у. отъ старика.

XXXV.

Хто былъ, не былъ за Дунаямъ,
Тотъ hоря мала зная.
Дунай—рѣчькя тякла ни вяличькя,
Она тякла — пратякала
Мима зялёнаhа сада.
Какъ вы јэтамъ вы садочькю
Вырастала древа,
На јэтай древи сидить птица—пава.
Јета пава сидить — кричить:

Ни прапала салдацкая слава;
Салдату́шки братцы рибяту́шки,
Съ чаһо худы—блѣдны?
За'сяһда фъ паходи, фъ казенный работи.

Записано въ Клеповкѣ Павловскаго уѣзда.

XXXVI.

Ты Расея, ты Расея,
Мать расейская зямля!
Мноһа славы патъ тибе!
Платафъ — воянъ былъ,
Онъ на рыпачикъ хадилъ,
Бритвы ножницы купилъ,
Сибѣ бораду абрилъ,
У хранцуза въ һастяхъ былъ;
Хранцузъ яво ни взнавалъ,
За купца яво шшыталъ,
За убратай столъ сажалъ,
Шалкофъ скатертъ растилалъ,
Пышанишнай пирохъ клалъ,
Стаканъ рому наливалъ,
На падноси паднасилъ,
Выпій һость, милай мой,
Выпій, һостикъ дараһой!

Записана эта пѣсня въ Козловкѣ Бобровск. у. отъ выселенца изъ Тамб. губ. Шацкаго уѣзда.

XXXVII. Протяжная.

Мы выстраили новай кабакъ
Ни дли дѣвакъ, ни дли бапъ,
Дли малодинькихъ рабятъ.
Сабиралися нашы рабята
На палштофцыкъ на винца,
Хватилиси па карманамъ—
На касушку деняхъ нѣтъ.
Ты праклятая касушка,
Развясёлай палуштохъ!
Адёнъ мальчикъ
Выпилъ шкальчикъ —
Самъ пьянёшанёкъ пашолъ,
Къ бабамъ, дѣфкамъ падашолъ:
Здраст'уй, дѣфки, прашшай бабы,
Мнѣ таперя ни да васъ:
Вы салдаты һонють насъ.
Зъ һоря ножуньки ня ходя,
Са слёсъ гласки ни һлядя.
Што за свѣтлый за мѣсяцъ —
Ночью свѣтишъ, а днемъ нѣтъ!
Што ты за красная солнушка—
Лѣтамъ грѣишъ, зимой нѣтъ!
Што-шъ ты мой милай дружочикъ —
Када любишъ, када нѣтъ!
Шуба рвата бисъ кармана,
Бисъ падошвы сапаһи.

Записано въ с. Московскомъ Вор. уѣзда.

XXXVIII.

Вдоль па Питяру
Гулять мы пашли,
Па питярскимъ новымъ дамамъ,
Па трахтирамъ, кабакамъ,
Ни прасту́я вотку пьемъ—
За бутылку рублёфъ пять.
Слышна была съ Маскофскай һуберни
Пра някрутскай пра бальшой наборъ;
Намъ радитяли письмы писали,
Щобъ мы ѣхали дамой.
Наймемъ тройкю лашадей,
Тройкя скача — ямщикъ плача.

Записано въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

Пѣсни воровъ и разбойниковъ.

XXXIX.

Па сѣтачькямъ пташка лятала,
Крылья, пёрья сибѣ пирламала,
Паттупила свой вострай носикъ,
Па норычькямъ шуркала.
Стаскавалси я, малинькяй мальчишка,
Дѣ-шъ я, малинькяй, радилси,
Жылъ, ћулялъ и висялилси,
Имѣлъ сибѣ пищу я дварянску,
Ѣлъ—пилъ я хлѣпъ съ сытой,
Имѣлъ сибѣ кравать растясоваю
Пяриньшку распуховуя.
А типерь мальчикъ сибѣ имѣю —
Кроми сухаря съ вадою.
Слышу—вижу, братъ ходить на воли,
А я сижу въ ниволи,
Ни фъ такой я вы ниволи —
Въ бѣламъ каминнамъ астроћи,
Прыћлядѣлъ я сваи очи ясны
Скрось жилѣзныхъ сѣхъ ряппотъ,
Пирятеръ я свои рѣзвы ношки
Праклятыми кандалами.

Записана пѣсня въ В. Икорцѣ отъ старика-выселенца изъ Тамбовск. губ. Шацкаго уѣзда.

XL.

На дварѣ вьюћа—паћода,
Тамъ пятухъ давно прапѣлъ;
Тутъ прамчалси воръ—брадяћа,
Биззаботнай сукинъ сынъ,
Всю силеннаю праѣхалъ,
Никаћо онъ ни видалъ,
Настрячь яму друхъ-пріятиль;
Слова ласкава сказалъ:
Твая матышка радима
Вы сырой зямлѣ давно,
Нихто тебе ня фстрѣня,
Ни падружинькя твая.
Фстрѣла—стрѣла тя падрушка,
Падъ вяпцомъ съ табой была.
На канцѣ бальшыхъ мажаръ
Кылакольчикъ прызвянѣлъ.
Блиска мальчикъ кы лясочькю,
Здумалъ мальчикъ аддахнуть.
Красна сонца высіяла,
Приспакоила яћо въ ляскѣ,
Ручьки, ношки яму связали,
Павяли яћо къ судьбѣ;
Рассуди суть—палата:
Я давно сибѣ жалалъ,
Дѣ разбойничьки жывуть.

Записано въ с. Козловкѣ Бобр. у. отъ выселенца изъ Тамб. губ. Шацкаго уѣзда.

XLI.

Фсѣ люди жывуть,
Какъ твяты твятуть,
Мая һалава вянить,
Какъ трава фъ поли:
Куды я ни пайду —
Фпрасакъ пападу,
Съ кѣмъ савѣтъ дяржу —
Ни фъ комъ правды пѣтъ.
Ты васпой жавароначикъ,
Ты васпой, васпой на притали-
нки,
Взвисяли друшка въ нявовол-
юшки —
Вы такой тюрьмѣ билакамяп-
ной,
Вотъ һотъ я сижу
И друһой всё я жду,
Какъ на третій сталъ писать,
Сталъ письмо писать
Къ атцу съ мате^и^рьей;
Какъ и мать—атецъ атказалися-
са,
Што у нихъ въ раду варофъ не
была, ни разбойничькяфъ;
Какъ я выстраю сибѣ хижыну
триаконнаю,
Какъ ядно акпо ва чистá поля,
А друһая акнó—на синя́ моря,
А третья акнó—ва тёмнай ля-
сокъ.
Какъ я сижу, па акошкамъ
гляжу:
Глянулъ фъ поля—люди пашуть,
А фъ темнай лѣсъ — звѣрья бѣ-
һають,
На синямъ мори а һуси плава-
ють,
А я, маладецъ, сижу па'кошкамъ
гляжу.

Записано въ с. Ғальскомъ Новохоперскаго у.

Пѣсни любовныя.

XLII.

Сисъ һалупчикъ-люпчикъ мой,
Раскрасафчикъ дараһой,
Жаль растатца мпѣ съ табой,
Жаль растатца, распрашшат-
ца.
Бяһу фъ тёмпаи ляса,
Идѣ травышка расла,
Фся твятами раствяла.
Сы травѣ твяты рвала,
Вянокъ миламу вила,
На һалофку надѣла,
Сама пѣсни запѣла,
Гулять въ рошшыцу пашла.

Записано въ Танцыреяхъ Новохоперскаго уѣзда.

XLIII.

Урадиласъ я хароша-хараша;
Я влюбилси, выплянилси
Ва тваю-ли красату.
Кабы были у мине
Сизы крылушки,
Вазвилси бы я,
Голупъ, палятѣлъ ба,
Сѣлъ бы я, сѣлъ-бы
Я на праваю плячо,
Пасматрѣлъ-бы сударушки
На бѣлаю лицо;
Іё личинькя бяленькя,
Словна бѣлинькяй твятокъ,
Іё шшочки румяненьки,
Словна алинькяй твятокъ,
Іё брофки-та чярненьки,

Словно чёрнынькяй шнурокъ.
Свѣтить мѣсяцъ, свѣтятъ звѣзды,
Свѣтить алая заря,
Прасвятила стёшки и дарошки
Да милинькява двара.

Тамъ же.

XLIV.

Люди баютъ-ђаварять —
Я павадилась ђулять,
Къ себѣ наротъ прилучять,
Маладыхъ бравыхъ рябятъ.
Нямношка я ихъ прилучила,
Сама сибе зађубила.
Эта дѣла всё ана напрасна,
Лишъ наноснаи слава́,
Ня слуша́ла-пъ чюжы балы—
Пашлю къ миламу пасла,
Штобы милай скаря́й шолъ,
На чясочикъ пабывалъ.
Идя милай въ вичарочькю
Бѣлымъ личькямъ ка дварочькю,
Милъ ђаловышкай качнулъ,
Бѣлай ручюшкай махнулъ,
Милъ ђаловышкай качаить,
Мине Дуняй виличаить:
Здраст'уй Дунюшка мая
Харашенькя ты была;
Паклонъ Дунюшки сасламшы,
Цалавались, абнимались,
Садилиса ва траву,
Падъ яблынкай вы саду,
Стой, ябланькя, ни шатайси,
Зялёная, ни вихляйси,
Патъ табою я сижу,
Съ милымъ рѣчи ђаварю,
Съ милымъ рѣчи ђаварила,
Фсѣ тайны абъявила:
Дапрешъ каво любила?
Кромя́ тибе никаво.

Тамъ же.

XLV. Другой варіантъ.

Ушъ ты, Дуня, раcприкрасная,
Зарадиласа Дуня на свѣтъ.
И сама ня знаю, какъ мнѣ быть —
Бизъ мило́ђа дружка жыть;
Я нямношка съ дружкомъ павадилась —
Мноћа радасти сибе приняла.
Фсё наноснаи јэти слава́ —
Ни баюсъ я пустыхъ слофъ:
Пашлю къ миламу пасылачькю,
Щобы милинькяй пришолъ,
На'дипъ часикъ пабывалъ.

Записано въ с. Козловкѣ Бобров. уѣзда.

XLVI.

Вышалъ мальчикъ за вароты,
Призадумамшись самъ съ сабой,
Сваёй буйнай ђалавой.
Падъ нимъ конь стрипянулси,
Вдарилси абъ заборъ,
Пиряскочилъ къ Машы въ домъ:
Здраст'уй, Маша, здраст'уй Маша,
Здраст'уй, Машинькя мая,
Забылъ, душынькя, спраситца,
Шты ты любишъ-ли мине.
Я любила, любить буду,
Атказатца ни маћу;
Вазми въ руки три пистона
Застряли сярдечькя маё,
Я тѣмъ буду давольна —
Приняла смерть атъ дружка.

Записано въ с. Горѣлкѣ Новохоперскаго у.

XLVII. Другой варіантъ.

Вышалъ я мальчикъ за вароты,
Призадумамшы сибѣ стаялъ;
Падъ нимъ конь стрипыхнулси,
Сказалъ моладе^и^цъ: дяржись!
Скажы дѣвка, скажы красная,
Вѣрна-ль любишъ ты мине?
Я любить тибя люблю
И атказатца ни маһу.

Записано въ с. Рогачевкѣ Воронежскаго у.

XLVIII.

Скрылась солнушка изъ һласъ,
Нѣть вяселья таперь ни на часъ.
Ва слязахъ я спать лажылась,
Милъ хъ краватки падашолъ,
Падашомши разлапушкай называлъ.
Скажы, Дуня, скажы красная,
Вѣрна любишъ али нѣтъ.
Люблю тибе я разлюблю
И наһлядѣтца ни маһу,
Насмотрѣтца на тваю лицо.
Лицо бѣла, шшочки алы,
Развясёлаи твои һлаза.

Записано въ с. Козловкѣ Бобровскаго у.

XLIX.

Нямношка въ дѣфкахъ сидѣла,
Мноһа дѣла здѣлала
Харошъ и приһошъ
Мальчикъ зарадилси,
Для дѣвакъ ляслифъ былъ,
Ва һлаза яё лястилъ,
За һлаза бранилъ.
Вячёръ съ милымъ
Зъ друшкомъ һаварила,
Милъ за ручькю мине
Крѣпка-крѣпка пажалъ,
Праявлялси въ лицѣ жаръ.

Записано въ с. Гваздѣ Павлов. у.

L.

Дѣвышка крапивушку жала,
Нямношка нажала,
Ни съ кѣмъ ни стаяла,
Съ милымъ һаварила.
Милай-размилай дружокъ,
Слыхала я пра няшшаст'ю тваю,
Бутта ты иде^и^шъ въ царскаю службу;
Вазми мине съ сабой,
Вазми, һалупчикъ дараһой,
Назави мине сястрой радной!

Записано въ с. Клеповкѣ Павловскаго у.

LI.

Малотка малодинькяя,
Галофка твая набѣдниньяя,
Да не съ кимъ мнѣ малотки
Да спать—начявать.
Ляжу спать адна
Бязъ мила дружка.
Абуяла һрус'ь-таска:
Даляко милай жывё
Далёка—даляко
На той старанѣ

Ня блиска ка мнѣ.
Ляжу спать адна
Бязъ мила друшка;
Абуяла һрусъ таска,
Грусъ-таска бярё —
Далякó милай жывё.

Записано въ с. Чулкѣ Бобр. у.

LII.

Прашла мая младасть,
Пракатили фсѣ һада,
Пракатили фсѣ һадочьки,
Словна полая вада,
Словна полая вадица —
Ни дастанишъ въ мори дна.
Мéжду лѣсу, мéжду тёмнаһа
Тамъ дарошка праляһла;
Какъ па јэтай па дарошки
Правражать друшка пашла.
Праважала—ублажала,
Вадыхала чижало.
Ни вздыхай-кя, мая милка,
Ни вздыхай-кя аба мнѣ,
Я ня брошу, ни пакину,
Разя смертію памру.
Скроютца маи һласки
Тонкимъ, бѣлымъ палатномъ,
Атымутьси маи ручьки,
Милъ ня будить атымать.
Запякуться уста маи кровью,
Милъ ня будя цалавать.
Вы ня ройтя мнѣ маһилу
Падъ няшшаснай кручинóй,
А вы вырыйтя маһилку
Въ маёмъ зёлянамъ саду.

Записано въ с. Корольскѣ Бобров. уѣзда.

LIII.

Ахъ я горькяя, няшшасная,
Мноһа я һоря видала,
Мноһа я слёсъ пралила.
Вы слязахъ друшка прасила,
Хушъ нямношка съ табой пажывемъ,
Хушъ нямношка, хушъ малéнькя,
Адинъ ноняшній һадокъ,
Адинъ ноняшній һадокъ,
Мы паслѣдній вичярокъ.
Ныня люди фсѣ — зладѣи,
Ани злятца на мине,
Ани злятца, лихастятца
Ни савѣтують друшка любить,
Вяля бросить, пазабыть.
Я-шъ ня брошу, ни забуду,
Пака скроютца һлаза;
Призакрылись ясны очи,
Призастыла въ лицѣ крофъ.

Записано въ с. Танцыреяхъ Новохопер. у.

LIV.

Мальчижичькя, бядняжичькя,
Ты скланилъ сваю һаловышку,
Да на праваю старонышку,
На правуя и на лѣвуя,
На һруть Машы на бѣлаю.
На һрудѣ ляжалъ
Чижалó ты 'здыхалъ,
Фъ паслѣдній разъ
„Пращшай" — сказалъ:
Ты пращшай, мая красавица,
А любофъ наша изминяитца:
Кали маладой я былъ,
Я дифчатъ любилъ,
А таперь я старай сталъ,
Фъ тюрьму папалъ,
Фъ тюрьмѣ сижу,
Въ акно гляжу,
Няйдеть ли ана,
Любофъ прежнія,

Ни нясеть-ли ана
Свѣ́та алава,
Свята́ алава,
Дитя малава.

Эта пѣсня, записанная въ селѣ В. Икорцѣ, поется почти повсемѣстно.

LV. Варіантъ къ пѣснѣ № 53-й.

Никады такъ у насъ ни бывала,
Тольки воня случилась,
Серца кровью аблилась,
Абливалась мая сярдечькя
Па сваму миламу друшку.
Галупчикъ мой прасилъ —
Хотя нямношко пажыви,
Мы нямношка, мы мале́нькя,
Адинъ круһлинькяй һадокъ.
Я бы рада пажила,
Злыи люди ни вялять,
Што за люди, всѣ сусѣди
Ни савѣтують любить,
Вяля горькяй мнѣ няшшаснай,
Вяля бросить, пазабыть.
Я ня брошу, я ня кину,
Пакуль скроютца глаза.
Скрылисъ гласки, скрылисъ очи,
Призастыла въ лицѣ крофъ,
И пакончилась любофъ.

Записано въ с. Московскомъ Вор. уѣзда.

LVI.

Што чвили ва поли чвятоцьки,
Чвили да апали,—
Любилъ парянь дяфчёнычькю,
Любилъ да взялъ-пакинулъ.
Ты за што спакидаишъ,
Ай што за мной знаишъ?
Ужъ я знать-та ня знаю,
А люблю тибя, спакидаю.
Шшасливай путь-дарошка,
Куды милъ задумалъ-заһадалъ!
Онъ задумалъ, любезнай,
Фъ Питяръ-һарадочикъ.
На круһлый һадочикъ.
Адна-адна въ доми астаюсь,
Мноһа һоря набярусъ.
Я набрамши һоря, напримамши,
Пайду зъ һоря фъ чисту поля;
Фъ чистамъ поли, фъ шырокамъ раздоли
Тамъ растё кустъ-калина;
Сарву я јэту калинышку
Патъ саминькій каряшочикъ,
Панясу я вы̂јету калину
Я вы батюшкинъ садочикъ,
Буду іё паливати.
Расти, расти мая калинышка,
Расти ни шатайси,
Жыви, жыви мой любезнай,
Жыви, ни пичальси.

Тамъ-же.

LVII. Другой варіантъ.

Твяли твяточьки,
Твяли—апали,
Любилъ парянь дѣфку,
Любилъ та пакинулъ.
За що јонъ пакидая,
Онъ самъ пра то ня зпая.
Шшасливай путь-дарошка,
Куды милъ задумалъ.
Мая дума астаетца дома,
Набяруся съ нею һоря.
Пайду зъ һоря вы чисту́я поля,
Ва чисту́я поля, фъ шырока раздолью.
Стаялъ тамъ кустъ калинки,
Срублю, сламлю јэтаю калинку

Патъ самый карянёчикъ,
Панясу я јэтаю калинку
Въ вишнёвай садочикъ,
Пасажу фъ саду при дарошки.
Расти-расти, ни шатайси,
Жыви милъ, ни апъ чёмъ ни
пячальси.

Записано въ Гваздѣ Павловскаго уѣзда.

LVIII.

Када-шъ я былъ мальчикъ
слабодянъ,
Ня зналъ я һори, ни нужды,
Радныи фсѣ мине любили,
Балавали, какъ дитё;
Бала'ство мине зһубила —
Збилса съ праве"днай путѣ:
Въ адну няшшасную влюбил-
си,
Паһубилъ я самъ сибе.
Ана бажылась и клялась
Сваёй абманьшивай душой,
А я ей, мальчикъ, вѣрялъ
Сваёй бязумнай һалавой.
Съ Маскофскимъ замкамъ я
спазналси
Три һода въ немъ я прасидѣлъ.
Сижу я вячернію парой,
Лампатка тусне здѣсь һарить.

Записано въ *Рогачевкѣ Вор. уѣзда.*

LIX. Другой варіантъ.

Када я былъ слабодинъ,
Ни зналъ я һоря, ни нужды,
Радныи фсѣ мнѣ любили,
Балавали какъ дитё.
Бала'ство-шъ миня зһубила:
Я збилси съ праведна путя.
Въ адну дифчёнку я влюбил-
си,
Но я дли паһубы сваёй,
Но я, мальчишка, ей павѣ-
рилъ
Сваёй бизумнай һалавой;
Ана бажылась, што вирна,
Любить сваёй измѣньчивай
душой;
А я съ нивѣрнаю спазналси—
Въ Ланцофъ (?) замокь я па-
палъ.
Сижу вічернію парой,
Лампада тускліва һарить;
Чисавой окала аһрады,
Ясна штыкъ ево һарить.
Не"запна умъ мой праяснил-
си—
Изъ замка вонъ дамой бижать;
Чисавому һромка сталъ кри-
чать:
Чисавой! Што баринъ ска-
жышъ?
Притварисъ, што будьто спишъ,
А я миһамъ чресъ аһраду
Быстрай пулей пирьнисусь,
Расправѣдать край радимай,
Жану, дитишакъ павидать,
А патомъ-жа мнѣ зъ друзьями
Хоть у рошшы паһулять.
Нильзя, баринъ, нивазможна:
Начальства фсё узнаить,
Строһимъ аристамъ накажыть—
Фъ Сибирь-катарһу сашлють.

Записано въ Софоновкѣ Бобровск. уѣзда.

LX.

Сижу я въ няволи,
Въ няволи такой,
Пишу я записку,
Къ любезнай сваёй,
Пишу я друһуя,
Кладу на акно,
Гляжу въ акошка—
Таваришъ идетъ:

Таваришъ мой таваришъ,
Давай улятимъ атцеда,
Улятимъ мы, таваришъ
За синяя моря, за тёмнаи ляса,
Идѣ мѣсяцъ ня свѣтя
И сонца никада.
Въ зялёнамъ садочькю
Тамъ һуляла я,
Въ зялёнумъ садочькю
Тамъ салавьи паютъ,
Салавьи тамъ паютъ,
Мнѣ зазнобу даютъ.
Ты зазнаба-зазнаба,
Зазнабила серцу сваю и маю
Сваю и маю заядинаё.

Записано въ *Рогачевкѣ* Ворон. у.

LXI. Другой варіантъ.

Сижу я въ тямпицы,
Фъ тёмнай-тямной,
Ничаһо я ня вижу,
Тольки вижу акно;
Въ јэтай акошки
Требую сибѣ я пяро,
Напишу я записку,
Да двара письмо
Брасаю јiе я за 'кно
Гляну я въ акошка —
Таваришъ мой идя,
Таваришъ-таваришъ,
Падемъ съ табой да двара,
Падемъ съ табой да дому,
За крутыйи һоры,
За тёмнайи за ляса,
Идѣ сонца ня свѣтя,
Яснай мѣсяцъ никады,
Часты звѣздышки тамъ,
Какъ сады твятутъ;
Що вы јэтамъ вы садочькю
Саловьюшки паютъ,
Саловьюшки намъ паютъ,
Съ любезнай разлуку даютъ.

Записано въ с. *Козловкѣ* Бобровскаго уѣзда.

LXII.

Маладой парнишка
Сидѣлъ падъ акномъ,
Самъ сматрѣлъ въ акно;
Пара-шъ намъ рябята,
Пара намъ туда,
Идѣ есть крутыи һара́
А дѣ сонца ня ходить
А мѣсяцъ тамъ никада;
Тамъ һуляю я, һуляю
Въ зялёнамъ садочькю;
Пришолъ ка мнѣ Ваня
Фъ самуя полначъ,
Стукнулъ абъ акошка,
Вазбудилъ мене;
Ставай-ставай сама
Выхади за врата;
Вышла сама за врата,
Павидаласъ и пашла;
Пастой-пастой, пи хади!
Ни атвячяя фъ хату пашла.

Записано въ с. *Гальскомъ* Новохоперскаго уѣзда.

LXIII. Протяжная.

Що ни вѣтяръ вѣтку клоня,
Ни дубровышка шумить,
То мая сярдечькя стоня,
Какъ асиннай листъ дражытъ.
Извяла-шъ мине́ кручина
Патхалодная змяя;
Даһарай, мая лучина,
Даһарю съ табой и я.

Записано въ с. Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

LXIV. Печальная.

Вѣтры-витярочьки,
Палудённыи часочьки,
Вы падуйтя фъ чисту полю,
Фъ чисту полю, въ зялёну
дуброву.

Надъ макушкай пчелки вьютца,
А у молатца слёски льютца;
Ни вадою корянь падмывая,
А у молатца серца замирая.

Тамъ же.

LXV.

Прашшай жыс'ь радасть мая!
Намъ должна растатца,
Таперь большай ни видатца!
Фъ тёмна ночинькю ня спит-
ца,
Самъ ня знаю — пачяму.
Сама дѣвица сказала:
За мной, мальчикъ, ни һанисъ;
А паһонисьси за мной,
Патяряишъ свой спакой.
Будишь помнить маи зоры,
Нашъ вясёлай разһаворъ.

Помнишъ день майскай —
Шли купатца мы съ табой
На пясочикъ жолтай мы са-
дились,
Паливались мы вадой;
Када стали паливатца,
Пасмутиласа вада.
Падуй-падуй, сильнай вѣтяръ,
Пралей-кя сильнай дошъ;
Раступись, зямля сырая,
Дай мнѣ, молатцу, спакой!

Записано въ Титовкѣ Землянскаго уѣзда.

LXVI. Другой варіантъ.

Прашшай, жысть радасть мая!
Милъ уѣхалъ, сволачь, атъ
миня!
Давно съ табой ужъ намъ
растатца;
Тебя ужъ больша ни видать.
Тёмнаю ночькяй ня спитца,
Да пя знаю, милай, пачяму.
Я давно табѣ ушъ гаварила:
За мной, мальчикъ, ни һанисъ;
Если будишъ за мной һнатца,
Патяряишъ свой спакой.

Спомни день майскай прикрас-
пай,
Шли купатца мы съ табой
Да разһулятца па зѣляну луш-
ку;
Мы садились на жолтай на пя-
сокъ,
Проти свѣжинькяй вады;
Вдрухъ случиласа няшшастя—
Милъ сакрылси падъ валну.

Записано въ с. Гальскомъ Новохоперскаго у.

LXVII.

Ни на що я ни взирала,
Какъ на этатъ бальшой домъ,
Ни па комъ я ни страдала,
Какъ па миламъ па сваёмъ.
Милъ уѣхалъ—мине бросилъ
И малютку на рукахъ;

Аддамъ малютку я сястрѣ,
Сама выду на крыльцо;
Выхадила на крылечькя,
Ни сустрѣнъ-ли я яһо,
Я яму на шею брошусь,
Назаву—„ты милай мой“.

Я таперичя уже ня твой,
Я жанилси на друһой,
Я жанилси, разарилси,
Ни фъ па-ндраву жану взялъ,
Ни фъ па-ндраву, ни фъ па-
'бычаю,
Никаму ана ня мила,
Фсѣмъ фъ сямьѣ она пастыла,
И папашы и мамашы
И радной маёи сястрѣ —
Фсѣмъ пастылая ана.

Записано въ Титовкѣ Землянскаго уѣзда.

LXVIII. Другой варіантъ.

Ни на што ни узиралась,
Какъ на јэтатъ бальшой домъ,
Ни па комъ такъ ни страдала,
Какъ па милинькямъ сваёмъ.
Надаѣла красная дѣфкѣ
Падъ аконушкамъ сидѣть,
Вазму карты, пыһадаю,
А што сбудитца са мной.
Вышли двѣ шастёрки,
Былъ король чярвёнпай,
Онъ ни дурянъ былъ, харошъ,
Съ мазурычькяй танцуя,
Шашкай, шпорами грямить,
Калечичькямъ залатымъ
Въ һлаза дѣвышку лястить.
Нашолъ вольнаю мазурку,
На личюшка хараша,
Лицомъ бѣла, чирпаброва,
На һлазушки висяла.
Пиша-пиша милъ расписку —
Таперь ни нужна.

Записано въ с. Московскомъ Воронежскаго у.

LXIX.

Слёзы маи горькіи
Па чёмъ слёзы котютца,
Сама ня знаю пачяму;
Патомъ ушъ примячала,
Каво вѣрна я люблю:
Люблю малотчика малодинь-
кяһа,
Такоһа харошаһа,
Сямнацати онъ лѣтъ;
Онъ ни блиска, ни далёка,
Атцедава трицать вёрстъ;
Аставилъ маладёшынькю,
Какъ пустыню пуставать.
Зарашла наша пустыня
Травушкай-муравышкай,
Горькимъ палыномъ.

Тамъ же.

LXX.

Никакъ нивазможна
Бисъ касушыцки пражыть.
Купилъ милай палштохъ вот-
ки,
Да некаму ё пить.
Любить мнѣ друшка малотчи-
ка,
Па нёмъ нечява тужыть.
Здумаю я пра милова,
Ня милъ мнѣ вольнай свѣтъ,
Ня милъ, ни милёшынякъ,
Убяжала бы зъ һоря въ лѣсъ;
Фъ тёмнамъ лѣси, ва дряму-
чимъ,
Ничаво тамъ пользы нѣтъ,
Тамъ дарожунькя ляжыть,
Какъ па јэтай па дарошки
Калясачькя бяжыть,
Какъ вы јэтай ва каляски,
Тамъ мой милинькяй сидить.
Кричяла яму и махала:
Пастой, милай, паһади!
Ратъ бы падаждалъ —
Маи кони ни стая,

Кучяра нашы фалитары
Ня можуть садяржать.
Падашла я къ древу кипари-
су,
Унывна древа стаить:
Радимай мой батюшка,
Ты бязвинно дачькю бранишъ.

Тамъ же.

LXXI.

Расказать вамъ, падрушки,
Пра няшшастя пра сваё.
Я ня вѣрила падрушкамъ,
Що на свѣти любофъ есть;
Я таперичя павѣрила,
Я сама друшка люблю.
Вы знавали маho друhа,
Какой бравай маладецъ:
За пакрофскаю заставой
Милъ праславилса баецъ,
Сильна дралса са враhами,
Тамь hалофку палажылъ.
Ва двянацать чясофъ ночи
Шла дяфчёнка у саду:
Що шъ ты, дѣфка. ходишъ,
Ни баисьси никаho?
Каho-жа мнѣ баятца?
Тутъ мой милай схаранёнъ;
Я жывоhа ни баяласъ,
А мёртваhа никада.

Записано въ с. Козловкѣ Бобровскаго у.

LXXII.

Два чяса — адна мянута,
Моря ходя пратяжно;
Я увидялъ синя моря,
Синя моря пратякала,
Я спустилси фъ синю моря,
Приспаднялъ я паруса,
Якарь бросить приказалъ;
Самъ скарѣй-скарѣй на шлюп-
ку,
Самъ на беряхъ паспяшалъ.
Года три я жылъ въ разлукѣ,
Любезнаю сваю ня видялъ,
Видялъ яё дяфчёнкай,
Любезнаю сваю,
Дарилъ я ей калечькя,
Съ руки перстянь залатой,
Ты наси-наси сахранно:
Абручатца тѣмъ кальцомъ;
Хрёстъ, яваньдиля hатова,
Свяшшенникъ мяжду насъ,
Затяплили васковыи свѣчьки,
Паднясли намъ въ руки,
Ны hалава́ вянцы надѣли
И крухъ налоhа павяли:
Мы съ табой вянчялись,
И калечичькямъ мянялисъ.

Тамъ же.

LXXIII.

Прахади мая скушная время,
Скушная время, прайди паскарѣя.
Пирядъ аконушкамъ дяфчёнычькя сидить,
Съ сваимъ милымъ рѣчи hаварить:
Пастраждай-кя, разбѣдная дяфчёнка
Ва сваихъ младыхъ лятахъ;
Када дожжычикъ падéть,
Травышку памочить, —
Тада трафка фъ поли вздахнéть
И ялыми твятами затвятеть.

Записано въ с. Шаталовкѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда.

LXXIV.

Три дарошки фъ поли розныхъ,
Хадилъ казачёкъ да мéне;
Ни хади, казачёкъ, да мене,
Прайдéть слава пра тебе, пра мéне.
Эту славу я ни баюса;
Каһо люблю — я наһаварюса.

Записано въ с. Озёркахъ Бобровскаго у.

LXXV. „Утѣшная кинарейкя".

Утяшай зъ һоря мине.
Мая һоря фсѣмъ извѣсна, —
Забылъ милай пра мине;
Да јонъ можа-пъ ни забылъ,
Да ня знaя, дѣ жыву.
Растварю я фъ саду клѣтку,
Пушшу пташачькю на волю,
Ты ляти, ляти пташка.
Ляти далёка-висакó.
Идѣ милай мой жыветь.

Тамъ же.

LXXVI.

Що-шъ ты Ваня мой,
Разудалая һалофка,
Ской-жа ты далёка
Атъяжжаишъ атъ мине,
На каһо-жа пакидаишъ
Няшшасную аднаé.
Съ кѣмъ таперь я буду
Люту зиму зимавать,
Съ кѣмъ таперь я буду
Тёплу лѣту литавать,
Съ кѣмъ-жа я буду
Па зѣляну саду һулять?
Гуляй — гуляй,
Мая Машынькя адна,
Бязъ милаһа друшка:
Есть таперь у мéне
Луччая, красавѣя табе.

Записано въ с. Караичевкѣ Бобр. уѣзда.

LXXVII. Другой варіантъ.

Ваня разудалай
Ской-жа ты далёка
Атъяжжаишъ атъ мине?
На каһо-жа милъ
Пакинулъ аднае?
Съ кѣмъ я буду
Јэту зиму зимавать,
Съ кѣмъ прикажышъ
Теплу лѣту литавать.

Записано въ с. Клёповкѣ Павловскаго у.

LXXVIII.

Казакъ бравай, маладой,
Онъ һуляить, разъяжжаить
Надъ быстрай надъ рякой.
Тамъ сидѣла дѣва—плачыть,
Панапрасну слёзы льёть.
Апъ чёмъ ты, дѣва, плачишъ,
Ды каһо-жа тибѣ жаль?
Мнѣ ня жалка сваяво калечькя,
Жалка милаһа друшка.
Я тады была малютка,
Бизһряшна я вазрасла,
Дивавалась сваму роду,

Чиhанячькя бравая,
Я брала яhо за ручу,
За ручюнькю праваю,
Зы залотнай пирстянёкъ,
На hалофки былъ вянокъ.

Записано въ с. Козловкѣ Бобров. у. отъ одного изъ высселенцевъ Тамб. губ. Шацкаго уѣзда.

LXXIX.

Влюбиласъ дяфчёнычькя
Въ удалова малатца,
Патяряла румяняцъ
Изъ бялоhа лица.
Я пайду-пайду hулять
Па зялёнымъ луhамъ,
Я рассѣю грус'ь-таску
Па зялёну лушку.
Ты расти, мая кручина,
Вырастай hоря и пячаль,
Ты ня сохни, ты ня вянь,
Ты твятами рассвятай!
Винаhратъ расте на вѣтки,
Салавей паеть ва клѣтки,
А я мальчикъ пилъ ня мала,
Пытъ кустомъ сидѣлъ-дражалъ,
Исъ-патъ кустика пашолъ,
Въ высокъ терямъ я зашолъ,
Вы высокамъ тирямѣ
Здивавалси самъ сибѣ.

Записано въ с. Рогачевкѣ Воронежскаго у.

LXXX. Пратяжная.

На hарѣ высокай,
Два дуба стая,
Падъ даской дубовай
Два друшка ляжа.
Чяста я са слязами
Тутъ выспрашываю,
Нѣтъ ли мяжду вами
Друшка маяhо.
Даска атвячяить:
Здѣсь нѣтъ никаhо,
А ишшо пафтарила:
Ты забуть пра няhо.
Въ зялёнумъ садочькю
двѣ клѣтки вися;
Въ ядинай-та клѣтки
Саловьюшыкъ сидить.
Саловьюшыкъ, саловьюшыкъ,
Чаhо-шъ ты ни паёшъ?
Я и ратъ бы запѣлъ,
Толькя hоласу нѣтъ.
Що-шъ ты, мой саловьюшыкъ,
Зёрнушка ни клюёшъ?
Я и ратъ бы склявалъ,
Толькя зёрнушка нѣтъ.

Тамъ же.

LXXXI.

Што тошна, што hрусна,
Памирецъ зъ hоря хачю.
Вы падить, привядить,
Каво вѣрна я люблю.
Люблю я чинабров'ва,
Удалова малатца.
Сидить мой милай
Вы hоринки вы навой,
Чешыть кудри, чешыть русы
Сваимъ рѣдькимъ hрибяшкомъ.
Расчясамши сваи кудри,
Фуражачикъ надява'ть,
Надѣлъ шапку-фуражачикъ
Самъ къ бабёнычьки пашолъ,
Ни дашолъ онъ ды бабёнки,
Къ быстрай рѣчьки падашолъ.
Пратякала быстра рѣчинькя,
Мыставинышка ляжыть,
Мыставинышка абламиласъ,
Мой милинькяй патанулъ.
Тонить батюшка, тонить матышка,
Тонють братьи и сёстры;
Ни жаль батюшки и матушки,
А жаль добра молатца.

Выхадила дяфчёнычькя
На крутинькяй биряжокъ,
Вынасила дяфчёнычькя
Пылушолкавай платокъ,
Растиляла дяфчёнычькя
На жолтинькій на пясокъ.

Записано въ с. Поворинѣ Новохоперскаго уѣзда.

LXXXII. „Далина".

Далина, мая далина,
Далина шырокая,
Раздолья вясёлая!
Ничаво далина ни урóдила,
Парадила далина
Кустъ калинавай.
Какъ на јэтамъ кусту
Сидить млатъ саловьюшыкъ,
Сидить, громка свишшыть,
Сударушку къ сибѣ кличить:
Ушъ мая-ль ты сударушка,
Мая любушка,
Ты пади ка мнѣ паскарѣя,
Гавари рѣчи пасмялѣя,
Абними-ка мине патужѣя,
Пацалуй-кя мине памилѣя.

Записано въ с. Троицкомъ Новохопер. у.

LXXXIII.

Фсѣ кусточьки, листочьки
Пра насъ һаварять,
Мине һлупаю бранять:
Шё ты мать мая,
А я дочькя твая была;
Кы чаму-шъ мине учила,
Када маленькя была;
А таперя я вилика́
Запрасила жаниха,
Ни старова, ни малова,
Гарнадера маладова.
Гарнадеръ маладой,
Падъ нимъ конь удалой,
Весь приборъ залатой,
Залатая притупица —
Улыбаитьси,
Чёрна шляпа сы пяромъ
Спадымаитьси.
Чёрну шляпу я паднялъ,
Акулини честь вавдалъ:
Здраст'уй, Акулина Иван'на,
Ты пажалуй, Акулина,
На хватеру на маю;
На хватери на маей нѣту никаво,
Адинъ я, друһая—ты,
Третій—вѣрнай слуһа.
Мы пашлемъ слуһу,
Мы за пивамъ, за виномъ,
Да за слаткимъ за мядомъ.

Тамъ же.

LXXXIV.

Що-шъ ты, Маша, пріуныла?
Мноһа һоря ю мине,
Мноһа һоря и пячали:
Мнѣ милóһа дюжа жаль.
Прихадили двѣ падрушки
Разһаваривать мине:
Будя, Машынькя, тужыть,
Ни самой сибе крушыть;
Ты сама сибе сакрушышъ,
Ня будуть молатцы любить.
Пушшай мине ня любять,
И я на свѣти никаһо,
Люблю Ваню аднаһо.
Що-шъ ты, Ванюшка, харошъ,
Раскудрявинькяй-пригошъ!
Ручьки въ пазучькю палошъ,
Ничаһо тамъ ни варошъ.
Если будишъ варажыть,
Мая серца ни ляжыть,
Ана фскочя—пабяжыть.

Записано въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

LXXXV.

Чёрнай воранъ, чёрнай воранъ,
Що-шъ ты въесьси нада мной,
Надъ маёй буйнай ћалавой?
Ты ляти-ляти, чёрнай воранъ,
На чюжу—дальняю старонку,
Дѣ мой милинькяй жыветь;
На чюжа—дальняй старонки
Ни заћлядывайси.

Тамъ же.

LXXXVI.

Сняшки бѣлы, лапушысты
И выпадали на маря
И пазакрыли фсѣ паля.
Адна поля нипакрыта,
Поля батюшки маво.
Среди поля есть кустьчикъ
Зилянёхуникъ стаитъ,
Зямли, вѣтачьки ня клоня
И листочакъ на нёмъ нѣтъ,
Нѣтъ листочакъ, ни кусточакъ,
На нёмъ нѣту ничаво.
Какъ мима этава кусточькя
Быстра рѣчюшка прашла.
Ушъ ты рѣчюшка-ряка,
Ни шырока, ћлубака,
Вѣрна, вѣрна биза дна!
Пайду зъ ћоря фъ чисту поля,
Я рассѣю грусть-таску,
Я рассѣю тамъ пасѣю
Па зялёнаму лушку:
Ты расти, мая кручина,
Вырастай ћоря и пячаль.
Када вырастишъ бальшая,
Тада замушъ аддадимъ;
А таперь мальчику ни жаниттца,
А мнѣ дѣвушки няйти.

Записано въ с. Троицкомъ Новохопер. у.

LXXXVII. Другой варіантъ.

Сняшки бѣлаи, пушысты,
Пазакрыли фсѣ паля,
Адна поля нипакрыта,
Поля батюшки маћо.
Среди поля есть кусточикъ,
Разъядинай кусталетъ;
Вѣтяръ вѣтачькю ня клоня,
И листочакъ на нёмъ нѣтъ:
Хто жанитца ни жалая,
Тотъ спакоинъ чилавѣкъ.

Записано въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда.

LXXXVIII.

Галоушка мая забалѣла,
Ночинькю я ня спала,
Друшка дажыдала.
Онъ паѣхалъ разлюбезнай,
Сказалъ — варачюся,
А я горькія разбишшасная
Никакъ ни даждуса.

Тамъ же.

LXXXIX.

Ушъ вы ћоры, маи ћоры
Горы крутайи,
Шшто-шъ вы ћоры, маи ћоры,
Што-шъ вы мнѣ пародили,
Пародили мнѣ ћоры
Адинъ бѣлъ ћарючьникъ.

Какъ надъ јэтай надъ вадой,
Стаитъ чястъ ракитафъ кустъ,
Какъ на јэтамъ на кусту
Сидитъ млатъ сизой арёлъ,
Јонъ держыть вы кахтяхъ
Чёрнава ворапа,
Јонъ драть яво ни де^и^рёть,
Фсё у няво распрашываитъ:
Идѣ ты, чёрнай воранъ,
Идѣ-жъ ты палётывалъ,
Што-жъ ты, чёрнай воранъ,
Што-жъ ты тамъ видывалъ?
Я лятала—лятала
Па дикымъ сте^и^пямъ,
И видалъ я видалъ
Тамъ диву дивную,
Диву дивную—тѣла бѣлая,
Тѣла бѣлаю и јубитаю.

Записано въ *Красномъ Логу* Ворон. уѣзда.

XC.

Серца злая мая
Серца злая рятивая,
Ни даеть мнѣ серца
Душѣ спакою,
Начною парою.
Начною парою
Сижу я дѣвышка
Адна сиратою,
Сидѣла я сиратою
Да второћа часу,
Фтарой часъ мипавала,
Пашла въ лѣсъ за твятами,
Сама залиласа слязами —
Друшка мила пя знаю.

Записано въ с. Рогачевкѣ Ворон. уѣзда.

XCI. „Гаспотская“.

Адна была красавица
  Царская дочь,
Друћая — смућлянка,
  Какъ тёмная ночь.
За мяньшу́я красавицу
  Сваталси кароль,
Старшая на мяньшу́я
  Злаблива была.
Старшая мяньшу́я
  Манула къ рякѣ,
Падёмъ са мной сястрица,
  Падёмъ мой друхъ,
Пасмотримъ сястрица,
  Чѣмъ берихъ украшо́нъ.
Украшанъ нашъ берихъ
  Сирябристай валной.
Старшая — мяньшу́я
  Пихнула въ ряку́;
Плыви-плыви, сястрица,
  Плыви, мой друхъ;
Куда вѣтиръ павѣнитъ —
  Валной прибьётъ.
Прибила эту красавицу
  Къ зялёнаму лушку,
Къ таму зялёнаму лушку,
  Кы крутому биряшку,
Идѣ жанихъ живётъ;
  За ней ћанцовъ онъ плётъ.

Записано въ с. Смердячей Дѣвицѣ Воронежскаго у.

Пѣсни круговыя и обрядовыя.

XCII.

На крышы, на трубѣ
Варабей чиликалъ,
Изъ акошка изъ дварей
Партной дѣфку кликалъ.
  Выйди, дѣва,
  Выйди. свѣтъ

Ка мнѣ за вароты,
Отца съ матярью
Дома нѣтъ:
Некаһа° баятца,
Вышалъ я разһулятца.

Иди, дѣва,
Иди, свѣтъ,
Барыня въ салопѣ.

Записано въ с. Чулкѣ Бобровск. уѣзда.

XCIII.

Я фъ сере^и^ду радилась —
Какая мнѣ һоря!
За старава ни пайду —
Барадою коля.
За такова я пайду —
Пацалую, абайму,
Сама засмяюся.
Навялитца мушъ сапатай
С . . . нъ сынъ һарбатай,
Будя-будя больна бити,
Фсё будишъ любити.
Нящасная наша доля,
Нихто насъ ня любя,
Нихто ни цалуя.
Палюбила чюмачькя
Шынкарачькя-дѣвачькя;

Я взяла яво за ручькю
Павяла фъ камору,
Исъ каморы вы камлатъ,
Пасадила на кравать,
Стала друшка цалавать;
Цалавала-милавала
Раздушынькяй называла:
Ты раздушка—душа мой,
Казакъ бравай, маладой,
Ты учи мине па-руски,
Учи и па-французски;
Я па рускаму сказала:
Купи мнѣ башмачьки . . .
. . . .

Записано въ Семеново-Александровскомъ поселкѣ (иначе Левоновѣ) Бобровскаго у.

XCIV.

Весялъ я весялъ
Сяводьнишняй день,
Видялъ я видялъ,
Милаю сваю.
Ходить, һуляить
Въ зялёнамъ саду;
Шшыпя, ламая
Зеле^и^нъ винаһратъ,
Вѣтачьки брасая
Къ друшку на кравать.
Спишъ-ли мой милай,
Али такъ-такъ ляжышъ,
Славечькя ня скажышъ,
Атвѣту ня дашъ?

Али мой милай
Холастъ ни жанатъ?
Вздумаишъ жанитца —
Спомни пра мине;
Вазмешъ чюжу—странпю,
Ня луччи мине,
Ростамъ ни вяличькя,
Ни красивая сабой,
Личькямъ ни бялéнькя
Ни румяниинькяя,
Брови ни чярнéньки,
Ни завидная сабой.

Записано въ Танцыреяхъ Новохоперскаго уѣзда.

XCV.

Ахъ ты сосинькя мая
Раскудрявая
Ты зачѣмъ-жа рана
Раскудрявилась?

Па тибѣ были листы
Зе^и^мчюжныи.
Ўшъ ты долинькя мая,
Разбишшасная!

Мнѣ сказали люди
  Пра милоһа,
Бутта-бутта мой милой
  Безъ вясти прапалъ.
Чирясъ часикъ мой милой
  Вдоль па јулици прашолъ,
Шыпка-һромка прасвисталъ
  На акошычькя узиралъ.
На маёмъ краснамъ акошки
  Ляжала примѣтачькя,
Съ винаһрада вѣтачькя;
Винаһратъ мой зрѣлай, спѣ-
  лай —
  Бизъ ума дѣвачькю здѣлалъ.

Записано въ с. Козловкѣ Бобровскаго у.

XCVI.

Какъ да мене Якафъ приходялъ,
Каробачькю ракафъ приносилъ,
А я јэти раки ни брала,
А Якава исъ хати праһнала.

Тамъ же.

XCVII.

Маша луһамъ,
Маша круһамъ
Съ Катяю һулять!
Варварышки
Сударышки —
Фсѣ мине руһають!

Тамъ же.

XCVIII.

Шшочки алаи,
Брови чёрнаи,
Развясёлаи һлаза,
Ни сматрила-пъ ни на ко́һа,
На мило́һа друшка:
Пашолъ-вышалъ за вароты,
За вароты за навы́и,
Тамъ лужочьки зиляныи.

Записано въ с. Гваздѣ Павлов. у.

XCIX.

Ой нашъ кузнецъ,
Разудалай маладецъ,
Рана фстаеть,
Фъ сваю кузницу идеть,
Громки пѣсни паеть,
Мнѣ спать ни даеть.

Записано въ с. Чулкѣ Бобровскаго уѣзда.

С. „Йихахошки“.

Ой я сама милку ня знаю,
На краватки ляжыть съ краю.
Ой я сама сибѣ дивлюса,
Разбудить яһо баюса.
Ой солнушка ды котитца
Ка двару намъ хочитца.
Ой солнушка на зарѣ,
Закусали мине камаре.
Ой солнушка садитца,
Милъ итить ка мнѣ баитца . . .
Распраклятая машына
Куда-й милку јуташшыла . . .
Ахъ ты милачькя такая,
Бисъ тибе житьё плахая
  и т. д. [1]).

---

[1]) „Йихахошки“ распространены среди молодежи и представляютъ продуктъ творчества парней. Послѣ каждаго двустишія бываетъ припѣвъ: йи-ха-хо . . .

Случайно собранныя пословицы и поговорки.

1. Гуляй-гуляй, пьяница, А какъ капѣйкя пирярветца —
Пака капейкя тянитца; И пьяница уйметца.
2. Дѣдышка сядой, спляти лапти ка Святой, и сибѣ, и минѣ, и дятишкамъ па лаптишкамъ. (Насмѣшка надъ стариками, занимающимися изготовленіемъ лаптей).
3. Зявай, ни зявай, а съ питухами ставай, — Боһу памалиса, да за работу бяриса.
4. Хто самъ сибе стиряге́, таһо й Бохъ биряһе́.
5. Идѣ лать, тамъ и клатъ.
7. Я выпила—пакатила, сама сибе пахвалила, що я чеснаһа роду, пью һарѣлку, какъ воду (прибаутка на свадьбѣ).
8. Какъ нашъ попъ Дабирался да карофъ
Пиряѣлъ фсѣхъ тялятъ, Яму мірамъ ни вялять.
(Насмѣшка надъ положеніемъ духовенства).

Сказки.

I. „А Сифки-Бурки".

Жыли-были сабѣ три брата. Двоя у нихъ были умнаи, а третяй—дурачёкъ. Вотъ пасѣяли ани на 'һародя пашаницу. Вырасла пашаница высокая да һустáя. Братья усѣ зъ диву даютца, пачяму такъ въ нихъ такая пашаница.

Но вотъ бяда приключилась скора: павадилси воръ варавать пашаницу и таптать яе. Што дѣлать? Думали-һадали братья и паряшыли караулить яе. У пярвой расъ пашолъ караулить старшай братъ. На-раня приходя аттеля, и яво успрашываютъ: „ну, чаво ты видялъ?" — Онъ һаварить: „ничаво я, слава Боһу, ня видялъ. Усю ночъ праспалъ".

У третяю ночъ пришлосъ караулить пашаницу Иванушкидурачькю. Падашолъ вечяръ. Онъ атрѣзалъ скипку (ламоть) хлѣба, узялъ дубинку и пашолъ.

У самуя у полначъ приходя кабылица зъ залатой һривай и залатымъ хвастомъ и начяла јисть пашаницу и таптать яе. Вотъ Ванюша патихонькю паткралси ды какъ ухватя яе за (һриву) хвостъ и паймалъ яе. Ана узмалиласъ пирядъ нимъ: „Иванушка, атпусти мене, я табѣ службу вяликаю заслужу. Таперь я табѣ ня ну́жна, а кады буду нужна, толькя крикни: „Сифка-Бурка, вѣшшая кавурка, стань пиряда мной, какъ листъ пирятъ травой". Иванушка узялъ атпустилъ яе.

У томъ у царьствя, идѣ жылъ Иванушка, царь прасватывалъ дочъ сваю. Нявѣста сама сидить у терями на друһомъ јатажѣ. Царь паряшылъ яе выдать за таво, хто успрыһня къ ней на лошади, на фтарой јаташъ.

Усѣ съяжжались къ царевай дочяри. Рась съяжжались и у друһой рась. Нихто ня можа туды успрыһнуть. Вотъ, значить, Иванушка сабѣ задумалъ испробавать щастья. Вышалъ онъ у чистаю полю ды какъ һаркня: „Сифка Бурка вѣшшая" и т. д. Сифка-Бурка какъ усё равно выросла прядь нимъ. Паѣхалъ Иванушка къ царевай дочяри. Усѣ дивуютца на няво, какой-такой маладець выяхалъ. Братья яво тожа сабѣ, какъ увидяли яво, просто зъ диву дались. Иванушка какъ пустилъ сваво коня, такъ и успрыһнулъ къ нявѣстя, а ана яму здѣлала кляймо на лбу.

На-раня сабрался увесь съѣздъ. Купили вина. Кажнай патходя къ нявѣстя и паказываитца ей. Иванушка падашолъ апасля усѣхъ. Заһарявали тутъ мать и атець нявѣстины. А царевна һаварить имъ: „ну што-шъ таперь дѣлать, слязами һорю ни паможишъ; такая, значить, мая судьба". Вотъ нарядили Иванушку и павязли яво къ вянцу. Апасля вяньчянья былъ бальшой пиръ, и стали Иванушка съ царевнай жыть да пажывать и фсякава дабра нажывать.

Записано въ селѣ Троицкомъ Землянскаго уѣзда.

II. „Баһатства".

Када мы жыли у старину баһачи, у насъ была 300 свиней. Мы јихъ паһнали въ лѣсъ стяречъ; тамъ были жолуди. Фсѣ свиньи жолуди ядя, адинъ парасён'чикъ ня јисть. А я, малый, ни туракъ былъ, нашолъ жолуть аһрамушшый—ва кулакъ, да яму въ . . . . забилъ. Жолуть принялси рость да нёбѣ, а я тада па деряву сталъ лѣсть; влѣсъ на самай верьхъ, влѣсъ — тамъ стаить церква, съ пираһофъ складяна, блинами пакрыта, кишкомъ аптянута, креньдяле^и^мъ замкнута, а я, малай, креньдялъ атарвалъ, съѣлъ и фъ церкву вашолъ. Тамъ стаить попъ, јисянёвай лопъ; я яһо кыкъ въ уха, һарошыкъ изъ няһо засыпалси, по палу пакатилси. Я һарошыкъ давай падбирать, радитяляфъ сваихъ паминать. Апасля я узналъ: тамъ были мухи дораһи, каровы дёшавы; а я, малый, ни туракъ, акунулъ фъ тѣста шапку ды мухъ налавилъ ды пыпрадалъ, а карофъ накупилъ. Ну, думаю, какъ мнѣ таперь спушшатца на землю, вотъ и надумалъ: сижу у куряню, аборычьки вью, и начялъ спушшатца на́землю; спустилсе — ана толькя да палавина даходя. Я висѣлъ надъ зямлёй, висъ-висъ да пракисъ да шмяли въ . . . . . завялись. Мышка вучюяла, шмялёй паједа, па 'борачьки папалзла, аборычькю атарвала, а я пряма чмокнулси фъ тряснинъ — и сижу. Прилятѣла утка, свила на һалавѣ һняздо, нанясла яицъ; пришолъ волкъ, паѣлъ яйцы, разарилъ һняздо и мине выташшылъ. Я бяжать дамой да деньһи дароһай шшупаю, ни прапали ли ани. Аттэль я и баһатый сталъ, сталъ жыть да пажывать да ишшо большай дабра нажывать.

Записано въ с. Гнилушѣ Землянскаго уѣзда.

Разговоръ двухъ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ гор. Воронежъ.

— Васькъ а Васькъ, падемъ въ трахтиръ, чяйкю папъемъ! — Ни пайду — ни хачю. — Ды вить ты фсѣ картушки прадалъ — чяһо-шъ табѣ ишшо? Ай жанѣ ленты хочишъ купить? И такъ бязъ нихъ хараша! — Сказалъ табѣ: „ни пайду". Атвяжысь атъ мине, мнѣ нужпа скарѣя да дому ѣхать. — Яжжайяжжай, тамъ жапа ждеть, па һалофки паһладить, хъ серцу прижметь! А то падемъ, чяйкю изапъемъ и па рюмашки ужывимъ!—Ну, какъ знашъ, а я ни пайду; сичасъ запряһу лошать и ка двару. Ступай адипъ! (Молчаніе). Ну ды чяһо тарһаватца — итить такъ падемъ, авось жана падаждеть.

Крестьяне, должно быть, изъ Землянскаго уѣзда.

Разговоръ, записанный на ярмаркѣ въ сл. Бутурлиновкѣ Бобровскаго уѣзда. Двѣ крестьянки:

— Кума а кума, халсты прадала? — А що? Табѣ фсе нужна! Ну какая табѣ дѣла, прадала или пи прадала. Ну прадала, ну що-шъ — һавари, чяһо табѣ нужна? — А ты пи кричи, а то фся ярманка збяжитца на насъ сматрить. Разя ушъ кумѣ у кумѣ и нялъзи спрасить? Я жалѣючи тибе спрасила, а то и наплявать на тибе! А я сваи ушъ прадала и цанў харошуя взяла—а що? — Ну ты ня плюй, я и сама смажў табѣ фъ харю плюнуть! А я дома сваёй дѣфки платокъ шолкавай абяшшаласъ купить и—черти халстофъ ни купаютъ!—Ха-ха-ха! Пряшшай, кума, съ табой пива ня сварашъ. Зафтря даруһаимси! — Иди, яхидина, я табе знаю, паткалодная змяя! Ты зафсяда рада пасмяятца и взвить (уязвить?).

Разговоръ, записанный тамъ же, въ трактирѣ:

— Ну, иди-иди-жа, шельма! Душа фся на распашку! Таперя сваһо меряна я запрóдалъ — самъ чёртъ мнѣ ни патъ шапку. Жана пушшай сярьчяя — плявать мнѣ на жапу; апа слова минѣ ня смѣя сказать — я яё раздушу! А мерянъ-та, мерянъ: вить я на јёмъ три һода ѣздялъ, никакоһу пароку ня далъ. Ну чяһо ты, кумъ, ни купилъ яһо у мине? Вить весь вѣкъ Боһа-пъ за мине бла'дарилъ: яму вить и изъѣзду нѣтъ и ня будя! (Молчаніе). Э, кумъ, ты ушъ апрахвостилси, ды када-шъ ты успѣлъ нализатца? Нужна дамой ѣхать, а то и деняхъ ня станя новаю лошать купить. Падемъ кумъ, я вить съ табой паѣду.

Крестьянинъ села Козловки Бобровскаго уѣзда.

Разһаворъ, записанный на сѣнокосѣ.

— Сяна́-та, сяна́ — ужасти! Да поjеса мнѣ даходя! Вотъ въ запрошламъ һаду мы касили, такъ трафка малинькяя, касой ни дастанишъ; измучились мы тада, а прикашшыкъ фсё кричить: чишша, чишша каситя, а ня то и рашшоту ня дамъ.— Ну а таперь-та, слажай що-ль будя: запустишъ касу и ня выташшышъ; хучъ бы осянь скаряя — здахнулъ бы маленькя. А вить Машка-та ня хочя, шельма, за мной замушъ итить! Ушъ я какъ jiё ублажалъ и каньфетки дарилъ и платокъ һаруснай купилъ и вотъ на Иванаву дню куплю ей, шельмѣ, чирявики. — Ды ты рази ня знаишъ, що Ванькя Халомкинъ съ ней валаводитца, ана яму перстянь дала. А сяна́-та, сяна — Божа-мой! И куды jэта столькя пайде? Дапрешъ ваенныи тутъ были, сяна атбирали сабѣ, а таперичя-та куда-шъ дявать? — Нябось паядя́, каму нужна; минѣ вотъ ня нужна — и ня нужна. А за Машку пайду свататца, и сѣна ня нужна, а ты пакупай, у табѣ лашадёнка есть . . .

Бобровскій уѣздъ.

Пѣсни, записанныя въ цокающемъ селѣ — Бродовомъ Бобровскаго уѣзда:

I.

По лужоцькамъ по зелёнымъ
Тутъ ходили гуртоправы
Со своими со гуртами.
А между гуртовъ
Самъ хозяинъ расхаживаить,
Бѣлы руки
У кармани накладываить,
Сваимъ братцамъ-гуртоправцамъ
Наказываить:
Ужь вы братцы мои
Слушайте мине,
Берите вы сѣрыхъ воловъ
Гоните ихъ въ Москву,
Распрадайте вы сѣрыхъ воловъ.
Прилятала ласкалацка
Съ моря литуца:
„Помиръ-помиръ нашъ хазяинъ
Въ һороди ву Москвѣ,
Асталась хазяюшка
Съ малыми зъ дѣтьми.

II.

Калина-размалина,
Ты не стой на һорѣ крутой,
Ни спушшай листокъ
Надъ быстро́й рякой.
На быстрой рякѣ
Карабель плывётъ,
Какъ вада ревётъ.
Ва томъ въ караблю

Два палка салдатъ
Маладыхъ рябятъ.
Афицеръ-майоръ
Боһу молитца,
Ридавой салдатъ
Дамой проситца:
„Афицеръ-майоръ,
Отпусти домой,
Къ атцу-матери радной,
Съ атцомъ, съ матерью
Повидаимси
Съ молодою зъ женою
Распрашшаимси,
Прашшай-ка, прашшай,
Маладая жана,
Вся висёлая симья“.

III. Свадебная.

У колодежа вода холодпа,
Митрій коня поилъ,
Ехремовиць копя ворона.
Олёнушка за водой ходила,
Ивановна за холодной.
Анѣ тамъ повидались
Съ руки перстень помѣня-
лись.
Увидала её матушка
Съ терема са высока
Съ падворья са шырока:
„Дитё, милое дитятко,
Цто ты за водой долго ходила,
Што ты долго за холодной?“
„Родимая моя матушка,
Тутъ литѣли гуси сѣры,
Возмутили воду свѣжу;
Я стояла, дожыдалась
Када вода устоялась“.

IV. Свадебная („вилицанья“).

Што у рюмацьки
У серебриной
Золотой въ ней вѣноцикъ
У Ларивона моего
Дорогой разумъ-умоцикъ;
Де не пьетъ—не һуляитъ,
Де не кушаитъ, сударикъ,
А дамой идетъ нацаватъ.
„Ляксандрушка, сустрѣни,
Растворяй новы сѣни“.
„Мнѣ некада встрѣцати,
Новы сѣни растворяти,
Я доцырю кацаю,
Перебою сибѣ цаю“.
„Ляксандрушка, сустрѣни,
Растворяй новы сѣни“.
Мнѣ некада встрѣцати,
Новы сѣни растворяти,
Я сына кацаю,
Пиремѣны сибѣ цаю,
Я такую пиремѣну,
Сноху молодую.

V.

Ты не вей-ка, не вей,
Молодой соловьюшка,
Гнѣздо въ полѣ при буһрини;
Ты свей-ка, свей, молодой,
Въ лѣси, при долини.
Што у Троицы у Серһія
Былъ я подъ һорою,
Тамъ стоитъ-то, стоитъ
Новая, прикрасная тюрьма
Тёмная темничя,
Тамъ сидитъ-то сидитъ
Раздобрая душа молодечь;
Нихто-та къ нему
Ни зайдетъ, ни заѣдетъ,
Зашла-та, зашла къ нему
Родная матушка:
Ты дите-ли мое,
Дитё милоё
Не семь-то я разъ
Тебе отцель выруцала,
Восьмой-то у миня разъ
Казны-денихъ ни хватила.

Пѣсни, записанныя въ окающемъ селѣ — Новомъ Курлакѣ Бобровскаго уѣзда.

I.

Посулилсеи нашъ Олександро
Свою армію смотрить,
Посулилси нашъ Олександрушка
Къ Рожоству домой прибыть.
Ёво матушка родная
Стосковаласи по нёмъ,
Три дни, три ночи не спала,
Все Олександрушку ждала.
Ёво жонушка милая
Во постелюшку слегла.
Што не пыль столбомъ волитъ,
Молодой курьеръ бѣжыть,
Онъ бѣжыть, бѣжыть,
Свою имъ вѣсточьку несётъ,—
Померъ, померъ нашъ Олександро,
Въ Тоганроги жысть скончалъ.

II.

Жылъ я, мальчикъ, безъ зоботы,
Не зналъ я горя, ни нужды;
Ёво родныи фсѣ любили,
И баловали, какъ дитё.
Болоство ёво згубила—
Сбилси съ праведной пути,
Въ одну нещасную влюбилси
Онъ для пагубы своёй:
Черезъ нё нещасную
Въ тюремнай замокъ онъ попалъ.
Сижу вечорнею порою,
Лампатка тусная горить,
А за желѣзною рѣшоткой
Чесовой солдатъ стоить.
На колѣни тода всталъ я,
Всѣхъ светыхъ я сталъ просить.
Менѣ молитва помагнула:
Изъ замка я убѣжалъ,
Бѣгу я лѣсомъ и полями,
Бѣгу незнаёмой страной...

III.

Тёмная ночушка не спитца,
Самъ я не знаю почему.
Сама дѣвица мнѣ сказала:
Ни ганись, мальчикъ, за мной,
За моёй красатой.
Если будешъ за мной гнатца,
Потеряешъ свой спакой,
Забудишъ привѣтливой разговоръ.
Днемъ майскимъ
Шли купатца мы съ табой,
На песочьку жолтомъ мы садились,
Обливалися водой...
Ты найди-ка, туча грозная,
Пролей дождикъ проливной;
Расступисе, мать-земля сырая,
Восстань матушка родная,
Погледи на дочь свою...

IV.

Разудалая, Ваня, твоя голофка,
Ской далёка отъѣжжаишъ отъ меня,
На каво-же поручаишъ ты меня?
Съ кѣмъ я буду тёму ночьку почевать?
Съ кѣмъ я буду красно лѣто лѣтовать?

V.

Захотѣлъ мальчикъ жонитца,
Дозволеньи сталъ просить:
Дозволь, батюшка, жонитца,
Ково люблю — взять.
Ёму отецъ не вѣрилъ,
Што на свѣти есть любофь.
Обернулси сынъ, заплакалъ,
Во зелёной сатъ пошолъ
Шолъ онъ садикомъ зелёнымъ,
Шолъ дорошкой столбовой,
Вынулъ шашку, вынулъ во-
стру,
Онъ зарѣзалъ самъ себе:
Ёво буйная голофка
Покотилась по тровѣ,
Ёво щочки руменыи
Спроти солнушка блёстять,
Ёво письмы дорогіи
Ко милашки въ домъ летять.

VI.

Ты мамка моя
А я дочька твоя,
Ты чому меня учила —
Я малéнька была;
А теперь я веᵉлика
Запросила жониха,
Ни малова, ни старова,
Горнадера молодова;
Горнадеръ молодой
Весь уборъ на нёмъ золотой.

VII.

Вотъ горё-бѣда —
Лѣтомъ въ лагири стоять,
Рано поутру́ фставать,
Лицо бѣло умывать.
Бѣло личико умоёмъ,
Русы кудри позовьёмъ
Мы завьёмъ, завьёмъ
На ученьицо пойдёмъ.
Намъ ученьеᵃ ничово,
Между прочемъ начало́;
Стой прямо, гледи браво,
Ружьёмъ дѣлай хорошо.
Начальникъ насъ похвалитъ,
На воточьку насъ дасть,
Онъ дасть-дасть да пожалову-
ить.

Малорусскія пѣсни.

Обрядовыя.

I.

Щедрий вечіръ, добрий ве-
чіръ
Добрымъ людямъ на здоро-
вья!
Винесить кишку —
Я зйімъ у затишку;
Винесить ковбасу,
А то хату разнесу.

Записано въ Лѣсковѣ Богучарска-
го уѣзда.

II. Другой варіантъ.

Якъ па рѣцці па Ардані,
Тамъ Божа Матерь ризы прала.
Щедрий вечіръ, добрий вечіръ,
Добримъ людямъ на здоровья.
Она ихъ випрала
Тай повісіла на йелині.
Щедрий вечіръ . . . . .
Де взялися ангелята
Взяли ризи на крилята.
Щедрий вечіръ . . . . .
Якъ пінісли підъ нібіса,
Всі нібіса растворились,
Всі святіі поклонились.
Щедрий вечіръ, добрий вечіръ,
Добримъ людямъ на здоровья.

Записано въ Васильевкѣ Бобровск. уѣзда.

Семейныя.

III.

У сусіда хата біла,
У сусіда жінка мила,
Моя скверна не моторна,
Тіко спыть тай лежить,
Та не хочи робить.
Скажишъ,—жінка, встань раненько,
Приберися чипурненько:
Вона слухати не хочи,
Якъ відьма засокочи.
Сусідъ оре, сусідъ сійи,
У сусіда зілінійи,
А у мене сиротинкі
Нема въ полѣ ни билінкі.
Сусідъ сніда галушки,
Съ смитаною панпушки,
Та йще й кашу круту съ саломъ,
Та йще хляки съ підліваломъ.
А тутъ снідать просишъ —
Дулі тичи,
А въ обіді за чупъ смичи,
А въ вечері за лопату
Тай жене мене на хату
Тілько боюсь тийі смерті,
Шобъ на хаті не умерти.
Кажу—Гапко, пора спати,
Вона къ чорту біжить съ хати;
Я за нею бувъ погнавсь,
Та міжъ москалі попавсь;
Вони-жъ мене били-волочили
И въ калюжу умочили.
Кричу—Гапко, чи ти чуишъ,
Чомъ ти мене не ратуишъ?
Вона мене за чуприну —
Не гоняйся бісівъ сину!
Послухайти-жъ, добри люди,
Якъ шо хто жеництя буди,
Лутче вѣкъ бурлакувати,
Якъ такую стерву брати.

Записано въ с. Лѣсковѣ Богучар. уѣзда.

IV.

Задумала вража баба,
Чімъ забагатіти:
Підсипала куріпочку,
Шобъ вивела діти.
Ще ни світъ, ни зоря,
Чуть стало світати,
Стали тийі куріпъята
По хаті порхати.
Якъ погнала бабусинька
Куріпочку пасти,
Сама сіла на могилі
Куделицю прясти.

Куделиця ни прядецця,
Куріпочка ни пасецця.
Синя хмара наступайи,
Драбинъ дощикъ накрапайи:
Треба тийі курінъята
У хату загнати.
Заганяла бабусинька,
Та двое стоптала,
Туда-сюда повернулась,
На треле споткнулась.
Сідить баба на печі
Головочку скребчи,
А куріпка підъ поломъ
Сама собі шепчи:
Сіди, сіди, вража баба,
Сіди собі тихо,
А прийиди дідъ изъ лісу —
Буди тобі лихо.
Якъ прийіхавъ дідъ изъ лісу,
Тай іде до хати
Питае у бабуси,
Чи всі куріпъята.
Якъ пигнала я йиххъ пасти,
Шулика забрала.
А хиба-жъ ты, вража баба,
На личко связала,
Шо шулика прилітіла,
Разомъ всіхъ забрала.
Якъ ухвати дідъ дубину,
Побивъ бабі плечи, спину;
Якъ ухвати дідъ притику,
Побивъ баби губи—пику.

Записано въ Лѣсковѣ Богучарскаго уѣзда.

V.

Выйду я на гай —
Усе чужий край;
Стану, подивлюсь —
Тай зажурюсь.
Ненько моя старая,
На що мене скарала —
За пъяницю оддала?
А пъяниця що дня пйе,
Іде до дому меня бйе.
Осипалась я дочками
Та йще й синочками;
Ой, ненько, горе мині
Таска и пічаль!
Стали дѣті подростати
Стали мине покідати:
Дочкі мои пави,
Горе мнѣ за вами,
Таска-пічаль на серденько,
Нихто не знае.
Сини мои сізі орли,
Чомъ ви миня не покідали,
Якъ маленькі були?
Якъ бы-жъ въ меня крылья,
Соловъячі очи,
Стрепенулась, поленула-пъ
Пізднепької ночи,
Сіла-пъ я, упала
Въ ненькоі порозі:
Порадь мене, моя ненько,
Якъ на свѣті жити,
Чи жити, горювати,
Чи обняти головочку
Тай помандрувати.
Дітино моя рідна,
Не роби ти сёго!
Якъ я помандрую — сили наберуся (?),
Ой обниму-жъ головоньку,
Назадъ завернуся.

Записано въ Бутурлиновкѣ Бобровскаго у.

VI.

Вийду за варота,
Вийду за новиі,
Мое серденько нийе
Нийе — понивайе,
Шо милого дома не майе.
Уже свѣтъ бѣленькій—
Ідеть мій миленькій,
На порігъ ступае,
Важненько вздихае.
Ёго мила стріла,
На постелюшкі зомліла:
Де-шъ ти, милий, шлявся,

Де-шъ ти волочився
Ночною порою съ чужою же-
ною?
Чужа жінка лучча,
Чужа жінка кращчая,
А я-шъ ни такая,
На лічко блідная;
Хоть на лічко бледненька,
Но на словахъ вірненька.
Покіну тебя покіну,
Далеко пойіду,
Будишъ, мила, препадати
Тай до мого сліду.
Йідь, мой милий, йідь,
Горювала я съ тобою,
Тай безъ тебя буду.

Тамъ же.

VII.

А у лѣсі на поляні,
На поляні огонь горить,
А бля огня дівка сідить,
Дівка сідить — косу чеши,
Косу чеши гребінкою
Примочуи горілкою,
Примочуи-приговарюи:
Коса-жъ ти моя, коса русая,
Кому-жъ ти, коса, достанешся,
Чи школьничку, чи полковнич-
ку?

Записано въ Лѣсковѣ Богучарскаго уѣзда.

VIII.

Ой у саду віноградъ
Смородіна въецця,
А зо мною молодою
Вся родіна бъецця.
Якъ зорву я съ рожи квітку,
Тай пустю на воду;
Пливе, пливе съ рожи квітка
Тай до мого роду:
Пішла мати воду брати
Тай піймала квітку.
Чого та квітка на водѣ завъя-
ла;
Чого-жъ то моя ненька
Така стара стала?
Сімь нідель она хварала,
Семеро дітокъ годувала.

Записано въ Васильевкѣ Бобровскаго уѣзда.

IX.

Шовъ дорошкой столбовой
Ишовъ лѣсомъ, ишовъ яромъ,
Вынулъ гостру саблю
Тай зарізалъ самъ себе.
Ёго буйная галофка
Покотилась по траві,
Ёго ношкі, ёго білі,
Ёго ручкі, ёго білі,
Въ перчаткахъ лежать;
Ёго щочки румянии
Противъ солнушка блестять;
Ёго гласки голубии
На світъ білий не глядять;
Ёго губочкі маленькі
Машурки гаворять.

Тамъ же.

X.

Въ тихомъ озеру глубокомъ
Скіталась дѣва по волнамъ...
Нихто моей судьби не знае
Не можеть раздѣлить печалі,
Нихто діфчоночки не люби,
Знать—никаму іё не жаль.
Дражающинъ Сашинъ радітіль
Невольно видалъ замушъ дочь:

Зажигали свѣчі вінчальни —
Обручацця мині зъ німъ;
А другой вчера мнѣ говорилъ:
Сашенька, другъ неоцѣнённый,
Я тада тебе забуду,
Када скроюцца глаза.
Небо тучей обложилось,
Дождикъ крапае чуть-чуть:
Скройтесь-же, мои гласки,
Навѣкъ забуду я тебе.

Тамъ же.

XI.

Ой по рели, по рели
Походили журавлі,
Питаєцця журавель
У журавочки своей:
Журавочка ти моя,
Хазяюшка молода,
Скажи мині, журавко,
Яка пшаница луччая.
Первая — пшениця,
А другая — пашниця;
Перву жінці жнуть,
А вторую вівцямъ бйють.
Журавочка ти моя,
Хазяюшка молода,
Скажи мині, журавочко,
Яка жінка луччая.
Первая — жіночка,
А вторая — змійочка,
Изъ первое дітокъ мавъ,
А зъ другою разогнавъ.
Одинъ каже — піду въ лісъ,
Нехай мині звірь зйість;
Другій каже — утоплюсь,
Третій каже — повішусь.
Ходе батько по Дону,
Просить дітей до дому:
Ходіть, діті, до дому,
Не буди щастя никому.

Записано въ слободѣ Алферовкѣ Новохоперскаго у.

XII.

Сонце сходе — веселюся,
А заходе — плачу,
Кого я вѣрно любила,
Того я не бачу.
Идуть тучі громовиі,
І всі съ хмарочками:
Чужі дочкі-коханочкі
Живуть парочками,
А мойи дочкі-коханоцці
Парочкі не маиє...
Полети-жъ ти, соловейко,
Де живуть парами;
Вони будуть утешацця
Твойими піснями.

Тамъ же.

XIII.

Ой не має мужа дома:
Вінъ пойіхавъ въ лісъ по дрова,
А я бідна сирота
Веселаго живота,
А я на місто йду,
А я сливочкі несу,
А зо мною детинята
Тащуть клубенята.
Я сливочки пропила,
Клубкі на похмілля,
Нехай вони не лежать
У скрині бізъ діла.
Пропила я толокно,
Достанецця помілу,
А якъ повірнусь по хаті —
Буди лихо і лопаті.

Тамъ же.

XIV.

Изъ-за гори, изъ-за кручі
Вилетали гусі.
Черезъ рашкошья ни бачили,
Якъ літа проходють.
Ушь ви слуги мои слуги,
Слугі молодии
Запрегайти тройку вороныхъ
коней,
Ви поняйте, догоняйте
Лѣта молодии.
Догнали лѣта молодии.
На дібровомъ мості;
Ви вирнитісь лѣта мои
Хоть на часъ ви гості.
Не вернимо, дивчинонько,
Ни на часъ ви гості.
Сарву, сарву съ рожі цвѣтку
Тай пущу на воду;
Пливла, пливла цвѣтка
Та стала кружитця.
Выходе мати води брати
Та стала дивитца.
Якъ приходе мати до дому
И будэ нівістокъ:
Нівісточки мои голубочкі,
Слухайте мене,
Якъ у нашемъ у садочку
Кукушка кукуеть.
А снохи говорять:
То-шъ ни кукушка, ни зузуля,
То-шъ твоя рідна дочка.

Записано въ Петровскомъ Новохоперскаго у.

XV.

Ходівъ чумакъ семь лѣтъ по
Криму,
Не злучалось пречини ни якой
ёму,
А случилась причинонька у
полі при дорозі,
Волівъ своихъ пасуче.
Підходе до ёго товаришь ёго,
Бере за ручиньку и питае ёго:
Товарышу мій, шо у тебе болить?
Болить серце, голова, та еще
усе.
Товаришю мій, ни покинь
мене,
Бери воли мои, бери воза,
Поховай ти чесно мене.
Ударили дзвінъ потому чумакові,
Шо ходівъ сімь літъ у Кримъ.
Приводе волівъ товаришь ёго
До матере рідной ёго;
Виходи ёго мати
И бере волівъ за-калигачъ,
Сама ихъ питае:
Воли жъ мои половии,
Дѣ-шъ ви мого сина діли?...
Возьті въ руки піску
И посій на камні ёго:
Якъ сей пісокъ зайде,
Тоді твой синъ до дому прибуде.

Тамъ же.

Пѣсни свадебныя.

XVI.

Чи не боисься ти, Оксано,
Шо зъ синёго моря туча йде,
А у ополоні хвиля бъе,
Въ кватирочкі стрілочки
До твоей русої кісочки?
Въ мене до тій тученьки

Е батенько рідненький,
Вінъ за тію тучею постое,
Вінъ тіі тученці поговоре,
Вінъ тіі тученці приготове
Сорокъ сороківъ рушниківъ,
Десяточокъ хусточокъ,
Вінъ буде дарувати дружечокъ.

Записано въ сл. Погорѣлой Богучарскаго у.

XVII.

Покриванка плачи,
Покриватьця хоче,
Не такъ покриватьця
Якъ цілюватьця.

Тамъ же.

XVIII.

Вчора зъ вечіра випала порошенька,
Опівночи хуртики на слѣди спали,
Куночку слідували;
Та впавъ слідочокъ,
Въ вишнёвий садочокъ.
Виляй не виляй ти, куночка,
Уже-жъ хуртику не ввиляти,
Треба хуртикамъ лапу дати.
Лофійкові (?) на шапку.
Вчора зъ вечіра випала порошенька,
Опівночи Оксана походила.
Білому світу на слідъ старости стали,
Оксану слідовали;
Випалъ слідочокъ въ світлоньку;
Виляй—ни виляй, молода Оксано,
Пора-жъ тобі старостамъ
По рушничку дати,
А Омелькові хусточку.

Тамъ же.

XVIII.

Походила Оксано по кімнáті,
Приступила до батька до кровати,—
Вставай, вставай, батька, годі спати,
Уже-жъ міні зъ тобою ни вікъ вікувати,
Одну нічку субітнюю переночувати,
Одинъ денёкъ-неділеньку перетоскувати,
Суботонька-неділенька та — якъ одинъ день,
Тоскувала Оксана весь тижденьцей.

Тамъ же.

XX.

Слала зоря до місяця:
Ты місяцю, перебіжчику,
Перебираишь ты зірочками,
Ранними й вечірними,
Вибравъ ти собі малесиньку
Зірочку та ясненьку.
Ти, Омельку, перебѣжчику,
Перебираишь ти дівочками
Убогими й богатими;
Вибравъ та маленьку,
Оксану молоденьку.

Тамъ же.

XXI.

Чого-жъ ви, старости, сидете́,
Чого до дому ни йдете́?
Пора, старости, до дому,
Пойіли коні солому,
А будете тутъ ночувать —
Будете копувать.

Ви старости зненави (?)
Берить шапочки зъ лави:
Ще-жъ Оксана не ваша, а наша,
Хоть заручена, та ни вінчана,
Та зъ нами погуляе.

Тамъ же.

XXII.

Походила Оксана по круті горі,
Забачила сіру вутінку на тихій воді;
Пливи, сіра вутінка, тихо по воді,
Прибудь, моя ненько, теперь и къ міні.
Ой рада-жъ би я прибути къ тобі,
Насипано сирої землі на руки мои,
Скланилися карі очі — ни глянуть,
Склыпилися уста мои — не молвуть тобі.

Тамъ же.

XXIII.

Ми своей Оксані вінки плили,
Черезъ море зелененьке виходили,
Червоніи чобіточки витоптали,
Червоную калиноньку виломали,
Своей Оксані вінки сплили,
Вінки въють — горілку пьють,
И сирую и варенуючу
И коришную, ще й зъ медомъ.

Тамъ же.

XXIV.

Устанемо, братці,
Подніме́мось,
Богу-Господу помолимось,

Сватові, свасі, сватові доцці
Коховароцці —
За іі здоровъячко!

Тамъ же,

XXV.

Въ ниділеньку рано
До церковці дзвонить,
Омелько у свого батенька
Благословенья просе:
Благословіти-жъ міні, батенько,

Чи до церкві йти,
Чи по дівку йихать.
Съ Богомъ, сыну, съ Богомъ,
Богъ тобі на-помічъ,
Анголі та на радость,
А Пречиста та на зустрічъ.

Тамъ же.

XXVI.

Чого-жъ ти, Оксано,
Та досижуишь?
Чомъ ти батеньку
Та не дякуишь
За єго коханьечко?
Та вжежъ кони позапрягани,
Сани позавертани,
Тільки сісти тай пойихати.
Ой вилю-жъ конюсі
Та вівса-сіна дати
Возниченьку обождати,
Поки приде батько зъ саду —
То до мене на пораду.

Тамъ же.

XXVII.

Тільки батько на порігъ—
Кляняйся Оксанко низько до нігъ:
Спасибі-жъ тобі батеньку,
За твое-жъ коханьячко,
Шо я й у тебе кохалась,
Важкого діла не знала,
Тільки знала три діла
Та всі три діла легкіи:
Скіпочку взяти — косу чесати
Та пітти погуляти.

Тамъ же.

XXVIII.

Ой попе, попе Гордію,
Не дзвони рано у неділю,
Зазвони-же рано у суботу,
Потіряй дівонькамъ работу.

Тамъ же.

XXIX.

Ой скоки, скоки-сороки
Низьки поклони-ворони,
Довгенький нісокъ-куличокъ,
Далеко чути дружичокъ.

Тамъ же.

XXX.

Горохъ по дорозі —
Мій батько въ дорозі
На лютімъ морозі.
Вінъ того не знае
Шо дочка́ гадае,
А дочка єго гадае —
Дружичокъ збирае.

Тамъ же.

XXXI.

Ой попе, попе, отче нашъ,
Отчини двери проти насъ,
Звінчай Оксану въ Божій часъ!

Тамъ же.

XXXII,

Крічала дівчонка
Надъ быстрой рѣкой.
Опъ чомъ, дѣва, плачишь
Каво тебѣ жалка?
Жалка мнѣ дѣвчонкі
Матері, атца.
Послушай, дѣвчонка,
Съ раднимі твоимі
Ні вѣкъ тебѣ жить,
Са мной съ малотчикомъ

Вѣкъ счасливай бить.
Циганка гадала
Качала головой,
И на-послѣдъ сказала:
Нещасная — ти,
И патонішь, діфчонка,
Въ Дунаі-рѣкѣ.
Не бойсь, моя радость,
Не бойсь ничаво:
Чересъ Дунай-рѣчку
Я пастрою мостъ,
На масту паставлю
Башню да небёсъ,
А ещё паставлю
Много старожей:
Чугунная плітва
Унівна стучить,
Знать нещасную дѣфчонку
Къ вѣнчаню везуть.
Невѣстінъ конь варо́ний
Спатикнулсі — упалъ,
Невѣстіна каляска
Упала въ рѣку Дунай.
Невѣста крічала:
Пращай, бѣлай свѣтъ,
Пращай, бѣлай свѣтъ —
Залатой вѣнецъ;
Абручное колечко
Ти, мой другъ, носі, не теряй,
А мне разнещасну
По-вѣкъ помінай.

Записано въ сл. Петровскомъ Новохоперскаго уѣзда.

Пѣсни любовныя.

XXXIII.

Чего, мальчикъ, плачишъ,
Чего слёзы льёшъ?
Ка-же мнѣ ни плакать
Какъ слезой не лить:
Хоче моя мила
Иного полюбить,
Иного милого,
Прежнего свого;
Зналъ-би я — мальчишка
Ее не любивъ,
Красоти своей
Зъ лица не мѣнилъ.
Скука—та разлука,
Чужа сторона;
Нихто не разлучи —
Ни світъ, ни зоря,
Тілько насъ розлуче
Мать—сира земля.

Записано въ Васильевкѣ Бобровскаго уѣзда.

XXXIV.

Разъ вийшовъ я на улицю
Тай теперъ-же каюсь:
Побачивъ тамъ дівчину,
Ажъ во сні жахаюсь.
Личкомъ вона така гарна,
Хто ни взгляни — ахни,
Я пішовъ би іі сватать
Та гарбузомъ пахни.
Іди, іди, моя мати,
Ворожки питати,
Чи ни знайи того зилья,
Шобъ дівчині дати,
Шобъ дівчина моя душка,
Мене полюбила,
Праву руку, усе серце
Тай мині вручила.
Якъ моя-жъ мати рідна
На ій не женюся,
Продамъ волі и корову,
Въ чинці пострiжуся.
Влітівъ півінь на загату,
Крикнувъ — ку-ку-рі-ку, —
Не женюсь-же, моя рідна,
До самого віку.

Записано въ Лѣсковѣ Богучарскаго уѣзда.

XXXV.

Ой у полі-полі
Въ широкомъ раздолі,
Ой да виростало
Два рівнихъ дубочка
Ой да и зрослися
Знизу до вершочка.
Ой да прилітало
Два білихъ лібідёчка:
Ой да білий знявся,
Білішій остався.
Ой да прилітало
Два сизихъ голубочка:
Ой да сизий знявся,
Сизійшій остався.
А учора-вчора зъ вечіра
Ой да приходило два милихъ,
Два милихъ дружочка:
Ой да милий знявся,
Милійшій остався.
Ой да трудно у дівчини
Правди допитацця.
Не въ ту пору
Мати мене родила,
Шобъ я правду
Всю тобі открила.

Записано въ Новой Мѣловаткѣ Богучарскаго у.

XXXVI.

Лугомъ іду, коня веду —
Развівайся луже!
Сватай мене, козачинка,
Люблю тебя дуже.
Ой хоть сватай, хоть ни сватай —
Хоть такъ присилайся,
Шобъ та слава не пропала,
Шо ти насмѣявся.
Ой якъ би ти, дівчинонька,
Була багатенька,
Взявъ би тебе за ручиньку
Повівъ би до батенька.
Ой якъ би я, козачинка,
Була багатенька
Наплевала бъ я на тебе,
На твого батенька.
Такъ бодай-же ти, дівчинонька,
Тоді заміжъ вийшла,
Якъ на цийи на дорозі
Рута мъята зійшла.
Такъ бодай ти, козачинька,
Тоді оженився,
Якъ у млині на каміні
Кукіль уродився.
Вже на тийи на дорозі
Рута мъята зійшла,
Та вжешъ тая дівчинонька
Давно заміжъ вийшла.
А у млині на каміні
Кукіль не вродився,
Козакъ старий, якъ собака,
Досі не женився.
А у млині на каміні
Кукіль не виходи,
Козакъ старий, якъ собака,
По улиці броди.

Тамъ же.

XXXVII.

Чи йе въ світі молодиці,
Якъ та Ганзя, білоліці?
Ой скажити, добрі люди,
Шо зо мною теперь буди.
Ганзя-душка, Ганзя-любка,
Ганзя сизая голубка,
Ганзя-рибка, Ганзя-птичка,
Ганзя-цяця, молодичка (припѣвъ):
Де-шъ ти, Ганзя, уродилась?
Де ти чарамъ научилась?
Що якъ взглянишъ ти очима,
Я заплачу якъ дітина.
Ганзя-душка и т. д.

Ганзя моя, Ганзя мила,
Чімъ ти міне напоила,
Чи любисткомъ, чи чарами,
Чи солодкими словами.
Ганзя-душка . . . .
Ганзя, мене не цурайся,
Та на Божу волю здайся,
Пригорнись до серца мого,
Та й ни бійся ти никого.
Ганзя-душка, Ганзя-любка,
Ганзя сизая голубка,
Ганзя-рибка, Ганзя-птичка,
Ганзя-цяця молодичка.

Записано въ Старой Мѣловой Богучарскаго уѣзда.

XXXVIII.

Зеленій дубочикъ
На яръ похілився,—
Молодий чумаче,
Чого зажурився?
Чи воли пристали,
Чи зъ дорогі збився,
Воли не пристали,
Зъ дорогі не збився,
Того-жъ зажурився,
Шо безъ долі родився.
Піду въ чисто поле
Пошукаю долі;
Не найшовъ я долі,
Найшовъ риболовівъ.
Риболовці-хлопці,
Раздобрі молодці,
Ви закінти сітку
Черезъ бистру річку.

Записано въ сл. Алферовкѣ Новохопер. у.

XXXIX.

Мальчишичка-бѣдняжичка,
Ти склонивъ свою головушку
На правую сторонушку,
На правую и на лѣвую,
На груть Машину на білу.
Якъ вінъ лежавъ,
Серцемъ дрожавъ,
Въ послѣдній разъ
„Прощай"— сказалъ:
Прости—прощай, красавица
Красата твоя ни нравиццям,
Любить тебе ни волиццм,
Тебе любивъ—щасливий бувъ,
А любить не ставъ,
Въ тюрму я попавъ.
Въ тюрмі сидю,
Въ окно глядю,
Чи не йде моя красавиця,
Не несе-жъ вона цвіта алаго,
Цвіта алаго, дітя малого.

Записано въ Подгорномъ Богучарскаго уѣзда.

XL.

Піду до моря,
Гляну я въ море,
Теперъ я бачу,
Шо міні горе.
Ой бачу-бачу,
Чого-шъ я плачу?
Шо більше ушъ
Милого не побачу.
Милесенькій-милий,
Якій гордий сталъ—
Картуза не скінулъ,
Здрастуй — не сказалъ.
Ой-же ти дівчино,
Чого ти скучная,
Шо не по правді
Заручена?
Ой ти дівчина
Словами губишъ,
Скажи, дівчина,
Ково ти любішъ?
Ой знаю-знаю,
Ково кохаю,
Тільки не знаю,
Съ кѣмъ жить останусь.

Записано въ Бутурлиновкѣ Бобровскаго уѣзда.

XLI.

Не шчебечи соловейко
На зарі раненько;
Зашчебечи малюсенькій
Підъ вікномъ нізенько.
Твоя пѣсня дуже гарна,
Ти гарно спѣваишъ,
Ти шчасливий спарувався
І гнѣздечко майишъ.
А я бідний безталанний
Бізъ пари, бізъ хати.
Не досталось мині въ свѣті
Весело спѣвати.
Полети-шъ ти, соловейко,
Де люди парами,
Ти своею пѣсненькою
Будешъ утішати.
Сонце сходе — я жмурюся,
А заходе — плачу;
Яку люблю дівчиноньку,
Тії не побачу.
Давно чуткі тай не майе
Про милу дівчину;
Сохну-вяну я по ней
На лиху годину.
Куда-шъ мои карі очі,
Туда моя дусина.
Ой де живе милесенька,
Сизая голубка.

Записано въ Воронцовкѣ Павловскаго у.

XLII.

Што-шь ти, Маша, пріуніла,
Ни слихать твоихъ річей?
Какъ-же Машинькі ни плакать
Ілі горька ні тужить?
Візуть милаго въ салдати
Повікъ мнѣ друшки ни відать,
Объ ёмъ плакать ні вілять,
Вілять части здохі воздихать.
Висилітися, падрушкі,
Къ намъ весна прійдеть.
Висилітися, падрушкі,
Зацвѣли въ полі цвѣточкі
И всѣ ракітови куста.
Вдарилъ бѣлай маросъ
И пабилъ ракітови цвѣта.

Записано въ Петровскомъ Новохоперскаго уѣзда.

XLIII.

Ни сіяно й не орано,
Пшениченька спіла.
Чернява білява
Пшеницю жала,
Поколола білі ручкі,
Пшениченьку жнуче,
Заплакала карі очі,
Милинькога ждуче.
Нима-жъ мого милого,
Нима-жъ мого пана;
Усе-жъ тая постіль біла
Пилочкомъ припала.
Хилятця густі лозі,
Виткіль вітіръ віе;
Придивитесь карі очі,
Виткіль милий іде.
Изъ-за гори изъ-за кручи
Скриплять воза йдуче.
Вози скриплять,
Ярма бряжжать,
Воли римигають.
А по-перду чумакъ іде,
Въ сопілочку грае.
Сопілочка-сбарвіночка,
Оріхова денце;
Та—якъ заграе на Вкраині,
А у Петровскомъ чуть.

Тамъ же.

XLIV.

Стоить гора високая,
А підъ горою гай,
Зилиний гай, густисинькій,
Ниначи справді рай.
А у ріцці край берешку
Привъязанний човникъ,
Де три вербі схилилися
Тай журюцця собі:
Якъ пройде любо літечко,
Повѣють холода́,
Посиплюцця зъ вербъ листяч-
ка,
Тай понесе вода.
Якъ я стою надъ річкою,
Шумить вода бѣжить,
Чого-жъ мое серденько
Такъ нийе і болить.
Болить воно тай журицця,
Шо вернецця весна,
А молодость не вернецця.
Не вернецця-жъ вона.

Записано въ Старой Мѣловой Богучар. у.

Пѣсни круговыя и плясовыя.

XLV.

Туманъ яромъ котицця,
Парню гулять хочицця,
Ой горе—не бѣда,
Заміжъ вийшла молода.
Якъ вийдемъ ми на лужокъ,
Та заграемъ у ріжокъ,
Та ударимъ въ барабанъ:
Виступайти, Туркі, къ намъ,
Будемъ бицця, воевать,
Царя-града добувать.

Записано въ Хрещатовкѣ Богучарскаго уѣзда.

XLVI.

Котились возі съ гори
Та въ долині стали.
Ой такъ люблю милу
Коханую чорнобріву (припѣвъ).
Любилися-кохалися,
Теперъ перестали.
Ой такъ люблю . . . .
А у теі далекоі
Бичкі та теличкі.
Ой такъ . . . .
А у циі близенькоі
Красні чиривичкі.
Ой такъ . . . .
А у теі далекоі
Воли та корови
Ой такъ . . . .
А у циі близенькоі
Якъ шнурочикъ брові.
Ой такъ люблю милу,
Коханую—чорнобріву.

Записано въ Калачѣ Богучарск. у.

XLVII.

Ходила квочка
Около кілочка,
Водила дітокъ
Около квітокъ,
Сама скікъ на кілокъ.

Тамъ же.

XLVIII.

Литіли хахлушки
Чирезъ три галушкі.
Припѣвъ: Чорнявая моя,
Чорнобрівая моя,
Чорнобріва, чорноглаза,
Раскудрява голова
Якъ вони садились,
Всі люди дивились.
Припѣвъ.
Сватавъ мене первий,
Такій нидотенний.
Припѣвъ.
Сватавъ мене другій,
Такій нидолугій.
Припѣвъ.
Сватавъ мене третій,
Соплистий, нивтертий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене четвертий,
Сирдитий запеклий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене шостий,
Такій недоростий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене сёмий,
Такій нивисёлий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене восьмий,
Такій пирирослий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене дивятий,
Сирдитий проклятий.
Припѣвъ.
Сватавъ мене дісятий,
Чорнобривий, багатий.
Припѣвъ.
Я багатого люблю,
За чорнобривого піду.
Чорнявая моя,
Чорнобрівая моя,
Чорнобріва, чорноглаза,
Раскудрява голова.

Записано въ Россошахъ Острогожскаго уѣзда.

Разсказъ крестьянина, бывшаго въ городѣ, записанный въ сл. Красножоновой Богучарскаго уѣзда.

Приходить кумъ до кума—сусіда, а той въ избі тѣшить.
— „Здоровъ бувъ, кумъ?"
— „А здоровъ, здоровъ. Шо-жъ бувъ у городі?"
— „Бувъ".
— „Шо-жъ ти тамъ бачивъ?"
— „Тай я тамъ бачивъ таке, шо трішкі й ни луснувъ со сміху. Іду то я надъ столбиками, коли дивлюсь, чи йіде, чи іде шо-сь, та такъ швитко, тай ще на сторони поглядае, чи — бачъ — дивлюцця на ёго люді. Тілько вінъ зо мною порівнявся — дивлюсь: панъ сидіть на двохъ колищатахъ, тай ногами меле, а колищата ті біжять, якъ молія свиркае; а вінъ—такъ значицця — зъ важности на сторони поглядае, чи — бачъ — дивлюцця на ёго скуство люді. „Дивлюсь, дивлюсь — кажу — добродію, та якъ би ви, пане, політіли, такъ ще-бъ більше било дива". Толькі оце я продумавъ про себе; дивлюсь — а вінъ хрясь тай лежить, куди й колищаты покотились. Я підходивъ бліжче, нагнувсь да такъ зъ ласкі й кажу: „ова, пане, кріпко зашиблись"; а въ ёго штанинята такъ пополамъ лопнули. А вінъ якъ схватицця да якъ накіницця на мене: „прочъ, подлий хо-

холъ, пошолъ". Я піймовъ тай думаю: „ти о ёму пожалишъ, а оно ще тебе і вилає".

— „І шо-жъ воно ото було, кумъ, на чому вінъ йіхавъ? Шобъ тобі було поспитати".

— „Еге! я спитавъ. Іде якій-сь барінъ, а я знявъ шапку да до его. „Звольтись—кажу—ни гніваццяя, якъ воно оце буди на прозвання?" А вінъ каже: „вилійся-медъ".

— „Вилійся-медъ! А! На шо-жъ таке мъя давати — „вилійся-медъ!?"

— „Еге! на шо! Вінъ ото якъ полетіть зъ его, та—якъ вильицця зъ его медъ, такъ ёму гірько буди".

